НОВАЯ ПОЛЬША

№4 (184) 2016

РЕКОРДНЫЙ ЭКСПОРТ

БЕГИ, ПОЛЬША, БЕГИ!

Стихи Зузанны Гинчанки

Маленькое окошко было окном в мир

ПРАВЕДНИКИ НЕ ХОТЯТ ИЗВЕСТНОСТИ

Воспоминания о Збигневе Цибульском

БЕСЕДА С ПЕРЕВОДЧИКОМ ЕЖИ ЧЕХОМ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata.*

Деньги просим перечислять на счет издателя «Новой Польши»:
Instytut Książki
ul. Z. Wróblewskiego 6
31-148 Kraków

Подписка в Польше:
Название банка: BANK GOSPODARSTWA KRAJOWEGO
Номер счета: PL
81 1130 1150 0012 1269 2720 0001
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK GOSPODARSTWA KRAJOWEGO
Номер счета: PL
81 1130 1150 0012 1269 2720 0001
SWIFT CODE: GOSKPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)
Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:www.novpol.ru

НОВАЯ ПОЛЬША

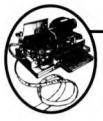
№ 4 (184)
2016
апрель

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Адам Возняк 3
ПОЛЬСКИЙ ЭКСПОРТ БЬЕТ РЕКОРДЫ

Себастьян Стодоляк 5
БЕГИ, ПОЛЬША, БЕГИ



Виктор Кулерский 9
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Анна Яворская 20
МАЛЕНЬКОЕ ОКОШКО БЫЛО ОКНОМ В МИР

Павел Петр Решка 23
СТРАХ
Из книги «Дьявол и плитка шоколада»

Зузанна Гинчанка 28
СТИХОТВОРЕНИЯ

Изольда Кец 35
ЗУЗАННА ГИНЧАНКА

Дорота Карась 40
БУДИЛЬНИК НА МОГИЛЕ

ПЕРЕВОДЧИК ДОЛЖЕН ЗАБРАТЬСЯ ПОД ГРУЗОВИК 46
Беседа с Ежи Чехом

Павел Бем 52
РУССКИЙ КРУГ ЧТЕНИЯ ВОЙЦЕХА СКАЛЬМОВСКОГО

Войцех Скальмовский 62
КРАТКО О ДОЛГОЙ ЖИЗНИ

Томаш Тарганский 69
ПЕРВЫЙ РЕПОРТАЖ ИЗ РОССИИ

Эльжбета Савицкая 72
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Адам Кшеминский 76
НАШ ЧЕЛОВЕК ВО ФРАНКФУРТЕ

Лешек Шаруга 78
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Аркадиуш Хабера 81
«ПРИРОДА И БЕЗУМИЕ» — ПРЕДИСЛОВИЕ

Зигмунт Кубяк 82
ПРИРОДА И БЕЗУМИЕ

Переводчики: И. Адельгейм, И. Белов, А. Векшина, Е. Гендель, П. Козеренко, В. Окунь, Д. Пелихов, С. Политыко

© **Фото**: East News (стр. 35, 40, 75), Archiwum Kultury (стр. 53)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Ирина Лаппо
Петр Мицнер *(зам. гл. редактора)*
Евангелина Скалинская
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al. Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@instytutksiazki.pl**
Информация о журнале
для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, ul. Z. Wróblewskiego 6, 31-148 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 2700 экз.

Адам Возняк

ПОЛЬСКИЙ ЭКСПОРТ БЬЕТ РЕКОРДЫ

В 2016 году польский экспорт вновь побьет все рекорды. В плане экспорта 2015 год был весьма удачным, а нынешний обещает быть еще более успешным. Самыми важными для Польши останутся рынки ЕС, однако значение начнут приобретать также Азия и Африка.

Польский экспорт чувствует себя все лучше. Отраслям, ориентированным на зарубежных потребителей, не препятствуют ни конфликт на Востоке, ни — по крайней мере, пока — замедление китайской экономики. Оно ударяет по немецким производителям, заказывающим в Польше подузлы.

Примером может служить автомобильная отрасль, в которой польский экспорт деталей и компонентов для производства автомобилей снова побил рекорд. По данным консалтинговой компании *AutomotiveSuppliers.pl*, в октябре (последний проанализированный месяц) он составил почти 849 млн евро, то есть на 16,8% больше, чем год назад. В свою очередь, общая стоимость автомобилей, проданных за границу в октябре прошлого года, превысила 442 млн евро и выросла более чем на 15%. В результате вся автомобильная промышленность в течение десяти месяцев увеличила объем экспорта на 9,4%, то есть до 17,1 млрд евро.

— Мы полагаем, что за весь 2015 г. объем экспорта в этой отрасли впервые превысил 20 млрд евро и составил 20,2-20,4 миллиарда, — говорит Рафал Орловский, партнер в упомянутой консалтинговой компании. Еще более высоких показателей следует ожидать в 2016 году, в частности за счет продаж автомобилей.

— В 2015 г. нам удалось увеличить объем продукции и выпустить более 169 тыс. автомобилей (в прошлом году их количество составило 89 тысяч). Нынешний год должен быть еще лучше, поскольку это будет первый полный год выпуска новой модели «Опель Астра», — утверждает Анджей Корпак, директор по развитию компании «Опель» в Гливицах.

Весьма хорошего уровня достиг экспорт польских продуктов питания. По оценкам Банка продовольственного хозяйства БНП Париба, в 2015 г. его объем должен был достигнуть 23-23,7 млрд евро, что означало бы рост в пределах 5-8% по сравнению с 2014 годом.

■ Больше продуктов

— Мы можем прогнозировать, что в 2016 г. динамика роста будет такой же или даже несколько выше, в пределах 5-10%, — говорит Михал Колесников, руководитель компании секторного анализа и сельскохозяйственных рынков Банка продовольственного хозяйства. Ситуацию могут осложнить, например, случаи птичьего гриппа. Кроме того, фактором, тормозящим рост объема экспорта, могут быть низкие цены, но данной отрасли благоприятствует слабый злотый и низкие (благодаря дешевому топливу) транспортные расходы.

— Наши продукты отличаются высоким качеством, и, при благоприятной ситуации на рынке, мы можем увеличить объем их производства, — добавляет Колесников.

Ушедший год оказался рекордным и для экспортеров мебели, одной из экспортных специализаций Польши. По оценкам компании «B+R Studio», занимающейся анализом рынка мебели, в 2015 г. объем экспорта достиг 8,6 млрд евро и вырос на 7% по сравнению с прошлым годом.

— В 2016 г. динамика роста, вероятно, немного ослабнет: примерно на 7%, — говорит Томаш Викторский, владелец компании «B+R Studio». — Но выгодное соотношение цены и качества продукции, а также эффективная логистика позволят Польше удержаться на четвертом месте среди европейских производителей мебели и на седьмом — среди мировых.

Столь же благоприятный период переживает яхтенная отрасль, в которой мы являемся мировым лидером. Подавляющая часть ее продукции попадает за границу. По мнению Себастьяна Нетупского, председателя Польской палаты яхтенной промышленности и водных видов спорта (Polboat), прошлый год принес производителям рост оборота на 20%, почти на 1 млрд злотых.

В 2016 году польский экспорт будет продолжать интенсивно расти на рынках Европейского союза. По прогнозам Корпорации страхования экспортных кредитов, продажи в Германию вырастут на 10%, а в остальные страны еврозоны — на 9%, подобную ситуацию следует ожидать в остальных государствах Евросоюза. В случае других развитых стран динамика будет слабее и составит 5%, зато экспорт в Центральную и Восточную Европу увеличится на 2,5% после падения на 22% в 2015 году.

■ Дальние рынки

Перспективы большого роста экспорта касаются развивающихся стран. По мнению экспертов Западного банка ВБК, ключевыми являются в особенности дальние направления, такие, как Вьетнам, Малайзия, а также страны Южной Африки и Латинской Америки. Экспортерам будет благоприятствовать слабый злотый. Хоть и не всем.

— Сколько мы приобретаем на продаже лодок, столько же теряем, ввозя из-за границы смолу, маты и оснащение, — подчеркивает Анджей Яновский, владелец яхтенной судоверфи «Янмор».

RZECZPOSPOLITA

Себастьян Стодоляк

БЕГИ, ПОЛЬША, БЕГИ

Этот бег продолжается уже 25 лет. Зарубежные комментаторы восхищены: Польша обгоняет очередных соперников! Изнутри дело выглядит куда более сложным. Многие понукают: почему страна тащится так медленно?!

Эдвард Альтман, почтенный 75-летний профессор экономики Нью-Йоркского университета, чьи достижения с успехом могли бы послужить основанием для присуждения ему Нобелевской премии, выглядывает из окна фешенебельного отеля в центре Варшавы. Он бывает в Польше каждые несколько лет — на сей раз приехал, дабы получить здесь от Главной торговой школы диплом почетного доктора наук — и наблюдает за происходящими изменениями.

— Должен признать, что нахожусь под впечатлением того, что тут произошло на протяжении последних 25 лет. Достаточно того, что уже десяток с лишним лет у вас не было рецессии, а ваш ВВП в среднем растет в темпе более 4% ежегодно... На самом деле я вас искренне поздравляю. Собственно говоря, наряду с Соединенными Штатами вы — единственный светлый пункт на экономической карте западного мира. И это действительно импонирует! — при этих словах мой собеседник поворачивается ко мне с улыбкой.

— Г-н профессор, как же тогда объяснить другой факт, — что безработица у нас порядка 10%, а доля населения, живущего ниже уровня бедности, составляет около 17%? Если же говорить о зажиточности, то мы по-прежнему продолжаем находиться ниже европейского среднего показателя …

— Десять процентов безработицы? Что вы говорите?

■ Гитлер и Сталин сделали свое дело

Сквозь какие очки мы должны смотреть на последние 25 лет хозяйственно-экономической истории Польши? Сквозь очки успеха, иными словами, растущего ВВП и интенсивного приближения к головной группе европейского пелотона или же сквозь очки поражения, заключающегося в том, что, как утверждают отдельные поляки, этот подъем ВВП не удалось перековать в подлинное благосостояние граждан?

Любые бинарные ответы будут фальшивыми. Трудно воспринимать всерьез катастрофистов, которые объявляют Польшу разоренной и пребывающей в упадке, но и не до конца можно согласиться с людьми, считающими, что в течение последних 25 лет все было в полном порядке. «Такого не было, — утверждает экономист, бывший член Совета по денежной политике проф. Дариуш Филар. — Но было действительно очень, очень хорошо, если принять во внимание, с какого уровня мы стартовали. Ведь с хозяйственно-экономической точки зрения это не было даже нулевой отметкой. Старт мы брали ниже плинтуса».

Сначала была Вторая мировая война. Как подсчитал известный британский экономист Ангус Мэддисон, перед тем, как она разразилась, в Польше годичный ВВП на душу населения (на Западе это именуется полатыни per capita) составлял 2182 долларов. Война уменьшила национальное богатство Польши примерно на 40% — а ведь к этим измеримым экономическим потерям необходимо добавить еще и никогда до конца не поддающиеся измерению людские потери. В той войне — согласно подсчетам нашего Института национальной памяти — погибло около 5,8 млн граждан Польши. Национальная элита страны либо оказалась ликвидированной, либо эмигрировала, чтобы в конечном итоге трудиться на благо других стран, преумножая их материальное преуспевание. После войны наши беженцы могли бы и, наверно, хотели вернуться, если бы не Сталин, который организовал в Польше жестокую тиранию держиморд, а его преемники — рай «социалистического процветания». Прокисающие в этом процветании, отрезанные от западных экономик, с государственной промышленностью и микроскопическими следами так называемой частной инициативы, мы не имели шансов на полное восстановление того, что из-за войны оказалось уничтоженным. Промышленно-экономическая мощь Польши, о которой неустанно трубила коммунистическая пропаганда, была мощью чисто бумажной, сфабрикованной в партийных статистических органах.

ПОЛЬША И ОСТАЛЬНОЙ МИР

	ПОЛЬША	США	КИТАЙ	ГЕРМАНИЯ	ЧЕХИЯ
ВВП	548 млрд долларов	17,4 трлн долларов	10,4 трлн долларов	3,5 трлн долларов	206 млрд долларов
ВВП на душу населения после принятия во внимание покупательной способности	24 тыс. долларов	52 тыс. долларов	12,6 тыс. долларов	43 тыс. долларов	28,7 тыс. долларов

На исходе 1980-х годов Польша была самым настоящим банкротом. Наша экономика была не в состоянии обеспечить потребителей даже самыми элементарными продовольственными товарами. Воцарился централизованно планировавшийся хаос. «Объединение «Фруктопол» заказало на 1988 г. 32 млн стеклянных банок, но заводы по производству стекла и стеклотары подтвердили поставку лишь 8 млн. Эти предприятия нуждались в валюте, а потому экспортировали производимые ими стеклянные банки в Венгрию. После чего Польша покупала венгерские консервы, которые вполне могли бы производиться на месте. Министерство сельского хозяйства прикидывало, что поставки жести обеспечат производство только 60% нужных стране металлических банок, не будет также хватать 25% полиэтилена, 30% фольги и пленки разных типов, 42% бумаги и 58% картона. Дефицит исходных сырьевых материалов и упаковок усугублялся изношенностью оборудования, которая достигала 60%», — так в феврале 2008 г. журналист Роберт Пшибыльский описывал в газете «Жечпосполита» ситуацию 20-летней давности.

Экономисты единодушны: дальнейшее функционирование реального социализма было нереальным.

Неясным оставалось лишь то, каким образом следует эффективно ликвидировать этот строй и преобразовать его в капитализм? Именно с такой проблемой предстояло померяться силами проф. Лешеку Бальцеровичу и всем тем, кому в 1989 г. премьер-министр Тадеуш Мазовецкий поручил или, если хотите, доверил реформирование Польши.

■ Где Варшава, где Будапешт

Внедрение капитализма с его опорой на свободный рынок означало заодно приватизацию государственной промышленности и высвобождение предпринимательского потенциала поляков. Разумеется, приватизация протекала отнюдь не безболезненно. Заводы и фабрики приходили в упадок и разорялись, появилась массовая безработица. Однако некоторым предприятиям и отраслям предстояло по истечении нескольких лет возродиться в новом виде (например, так стало с судоверфями), а люди в конечном итоге смогли найти себе работу (нынешний десятипроцентный уровень безработицы в два раза меньше наблюдавшегося во второй половине 1990-х годов!). Быть может, какому-нибудь коммунистическому аппаратчику из числа тех, которые половчее, удавалось в ходе приватизации обзавестись личной собственностью, но это явление никогда не приобрело в Польше сколько-нибудь значительного размаха. У нас не было такого, как на Украине или в России.

— Смена общественного строя в Польше — это была шоковая терапия. Причем необходимая шоковая терапия. Те, которые не прибегли к ней, — конкретнее, это, в частности, венгры, чехи и словаки, — развивались медленнее нас. В результате чехов мы сейчас почти догнали, а венгров уже опережаем, — говорит проф. Дариуш Филар.

Ему вторит Витольд Гадомский, экономический публицист «Газеты выборчей», который пишет: «Падение производства после начала трансформации продолжалось в Польше два года. Никакой другой посткоммунистической стране такое не удалось. В значительно более богатой и сбалансированной Чехословакии производство снижалось в течение четырех лет. ВВП Польши в 1990-1991 гг. обвалился на 18%. В Чехии суммарное падение (продолжавшееся вплоть до 1993 г.) составило 21%, в Словакии — 24%, а в Венгрии — 20,5%».

НАСКОЛЬКО БОГАТ СРЕДНЕСТАТИСТИЧЕСКИЙ КОВАЛЬСКИЙ

Суммарная стоимость имущества в расчете на одного взрослого гражданина

ПОЛЬША	ГЕРМАНИЯ	ФРАНЦИЯ	АНГЛИЯ	УКРАИНА	ЧЕХИЯ
24 тыс. долларов	177 тыс. долларов	262 тыс. долларов	320 тыс. долларов	1 тыс. долларов	42 тыс. долларов

источник: банк Credit Suisse

Вместе с наступлением новых времен заграница начала в массовом порядке инвестировать у нас. Строительством заводов в Польше и производством товаров занялись мощные глобальные игроки, притягиваемые заманчивыми условиями особых экономических зон. С каждым годом положение становилось все лучше. В нынешнем году мы вошли в группу 20-и самых крупных получателей иностранных инвестиций в мире. Наибольший объем капитала поступает к нам из Германии.

— Среди действующих в Польше фирм с участием зарубежного капитала преобладают германские предприятия. Их в 2,5 раза больше, чем фирм с голландским капиталом и примерно в пять раз больше, нежели фирм, в основе которых французский капитал. Немецкие фирмы дают в Польше работу уже приблизительно 300-м тысячам человек, — сообщает в интервью для Польского радио Януш Харитонович, партнер в одной из крупнейших в мире глобальных аудиторских и консалтинговых компаний КПМГ.

Как результат, польский ВВП, приходящийся на душу населения, вырос по сравнению с 1989 г. в два с лишним раза, причем на протяжении последних 15 лет он по темпам роста обгонял зону евро в среднем на 2%. Мы продвинулись вверх и попали в группу 25 самых крупных экономик мира. «Наша зажиточность выросла. Еще в 2007 г. по такому показателю, как ВВП на душу населения, мы находились на уровне 50% от среднего значения по Евросоюзу, другими словами, были попросту бедными. Теперь это около 70% Таким образом, мы уже сделались среднезажиточными», — анализирует проф. Дариуш Филар.

В синтетическом рейтинге благополучия Legatum Prosperity Index, где, помимо ВВП, принимаются во внимание такие факторы и показатели, как качество жизни или ощущение счастья, мы находимся в данный момент на 31-м месте, обгоняя даже Италию. Вроде бы неплохо, но, тем не менее, на «подкожном» уровне каждый поляк чувствует, что цель и ставка этой гонки — настичь Германию, Великобританию или Швецию.

А коль скоро мы опережаем ведущие страны ЕС по быстроте роста ВВП, то догоним ли мы их? Проф. Лешек Бальцерович говорил, что потенциально Польша способна это сделать за 20 лет. Другие утверждают, что для этого понадобится 40 лет, а еще кто-то придерживается мнения, что нет смысла гадать на кофейной гуще. Тем не менее, нам хотя бы известно, как могут выглядеть предвестники этого.

К примеру, экономист Мацей Релюга, считающийся одним из лучших специалистов по макроэкономическим прогнозам, полагает, что сигналом продвижения вверх в названном рейтинге будет радикальный рост доли экспорта в польском ВВП. На данный момент этот показатель составляет 45%.

— Выход доли экспорта в нашей стране на уровень около 60% ВВП — это необходимое условие для того, чтобы Польша преодолела существующий у нее теперь разрыв в развитии по сравнению с ведущими государствами и продвинулась в группу по-настоящему развитых стран, — разъяснял Мацей Релюга в ходе научно-практического семинара «Программа развития экспорта», который организовал Объединенный банк «Западный» / Великопольский кредитный банк.

Почему экспорт столь важен? Это просто. Он является мерилом того, в какой степени производимые у нас товары и услуги востребованы на глобальном рынке. Эксперты убеждают, что для Польши уже давно остался позади тот этап, когда мотором развития может выступать производство, ориентированное на внутренний рынок. Выход вовне — это насущная необходимость.

■ Ловушка для середняков

Но чему здесь радоваться? — скажут вечно недовольные брюзги. — В хозяйственно-экономических баталиях мы еще не стали даже середняками! Почему у нас нет мощной промышленности, равно как

и брендов, характеризующихся международной распознаваемостью и сферой воздействия? Почему мы представляем собой «сборочный цех Европы», в котором ведется только монтаж изделий, придуманных и изготовленных где-то в другом месте? Или по какой причине мы всего лишь «call center» («центр обработки вызовов или заказов») Европы? Где наша Кремниевая долина, наши космические корабли, наши прорывные изобретения?

Те, кто утверждает нечто такое, считают, что польскую экономическую систему можно было спроектировать лучше. Они заявляют, что надлежало беречь постсоциалистическую промышленность страны, чтобы дать ей возможность модернизироваться, и лишь после этого сделать ее открытой для зарубежной конкуренции. Такую стратегию приняла для себя во второй половине XX века Южная Корея, и каждый может увидеть результаты, символом которых является глобальный концерн «Самсунг».

— Это все чепуха. Откуда мы якобы могли или должны были заполучить деньги на содержание таких предприятий до момента, когда они выберутся на ровную дорогу? Помимо того, заграничный капитал, который поступал к нам в те времена, принуждал наши фирмы к большей конкурентоспособности, давал им ноу-хау. Более того, это неправда, будто у нас нет глобальных брендов. Возьмите, скажем, «Солярис», «Песа», «Ньюваг», «Факро», «Маспекс», «Новы стыль», «Пресс гласс» или судостроительный «Ремонтова холдинг»… А ведь это лишь несколько примеров, — опровергает подобные обвинения проф. Дариуш Филар.

У него есть, однако, немало сомнений и возражений по поводу произошедших в Польше хозяйственно-экономических перемен. «Во-первых, мы плохо организовали механизм социальных расходов. Самые бедные получают 12% выделенной для этих целей суммы, а всё остальное — богатые и зажиточные. Это абсурд. Вторая ошибка связана с проблемой публичных финансов. Демонтаж и реформирование Открытого пенсионного фонда оздоровили его не более чем временно, и вскоре его долг по отношению к ВВП снова взлетит вверх», — убеждает этот известный экономист. О том направлении, в котором развивается Польша, он написал в 2015 г. книгу под названием «Между зеленым островом и дрейфующей льдиной»[1].

Мы не хотим дрейфовать, т.е., выражаясь менее метафорически, не хотим попасть в так называемую ловушку среднего дохода. Экономисты так называют ситуацию, в которой страна до определенного момента развивается вполне динамично, но потом останавливается на месте, люди в ней перестают богатеть, а существующая бедность становится устойчивой и долговечной. Эксперты из Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в своем прогнозе экономического развития мира до 2060 г. пророчествуют, что в не столь уж отдаленном будущем именно такая судьба ждет Польшу.

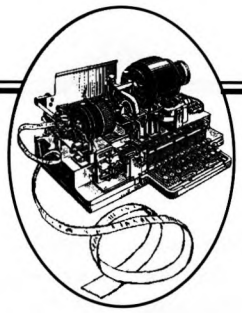
Они утверждают, что существовавший до сих пор темп развития (в среднем ВВП рос на 4,5% в год) замедлится. На протяжении примерно полутора десятков очередных лет нам предстоит не более чем вяло плестись (2,6% в год), а после 2030 г. мы будем всего лишь ползти (1%). Эксперты полагают, что от претворения в жизнь таких черных прогнозов нас могут защитить только фундаментальные реформы.

Однако, может быть, и они не решат проблему?

Профессор социальной психологии Януш Чапинский, автор монографии «Общественный диагноз» — систематического и многостороннего исследования психологического состояния польского народа, — отвечая на вопрос о том, догоним ли мы Германию по уровню зажиточности, отрицательно вертит головой. Какого же элемента недостает в этой мозаике? «Полякам не хватает социального капитала и умения сотрудничать. Не хватает доверия как между отдельными людьми, так и между государством и бизнесом». А без взаимного доверия ничего у нас не выйдет.

Newsweek POLSKA

[1] Многие в Польше стали называть свою страну зеленым островом в результате широкого распространения там экономической карты Европы после кризиса 2008-2009 гг., где все страны, в которых ВВП упал, были окрашены в какой-нибудь мрачный цвет, и только Польша, в которой ВВП за эти годы вырос, была оптимистически зеленой. — Примеч. перев.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» Правительственный «План ответственного развития» вице-премьера Матеуша Моравецкого базируется на пяти столпах польской экономики: 1-й — реиндустриализация, 2-й — развитие инновационных компаний, 3-й — капитал развития, 4-й — зарубежная экспансия, 5-й — общественное и территориальное развитие. ***(по материалам «Жечпосполитой» от 16 февр.)***

» Вице-премьер Матеуш Моравецкий пообещал в ближайшее время выделить на инвестиции биллион злотых. Вот источники, которые правительство собирается задействовать для реализации своего плана: 480 млрд злотых — фонды Евросоюза, 230 млрд — депозиты частных фирм, 75-150 млрд — инвестиции компаний, принадлежащих государственному казначейству, 75-120 млрд — польский фонд развития, 50-80 млрд — кредиты, предоставленные международными организациями. Биллион составляет приблизительную стоимость всех товаров и услуг, производимых нашей страной в течение года (ВВП). *(по материалам «Газеты выборчей» от 17 февр.)*

» «В недавно опубликованном докладе «План ответственного развития» вице-премьер Матеуш Моравецкий пишет, что «нам грозит катастрофа», если мы не остановим снижение количества работающих поляков, которые платят взносы в Управление социального страхования (УСС). Каковы могут быть последствия? «Повышение страховых взносов либо банкротство системы социальной помощи», — заключает Моравецкий». ***(Лешек Костшевский, Петр Менчинский, «Газета выборча», 24 февр.)***

» «Экономисты считают опасными попытки ручного управления процессом реиндустриализации Польши. «Это идея раннего Герека. Ему хотелось, чтобы в Польше был металлургический комбинат «Катовице», Анджей Дуда и Матеуш Моравецкий мечтают о большом судостроительном заводе. Поморье уже очень встревожено этими планами», — говорит депутат Европарламента и житель Гданьска Януш Левандовский. По его мнению, в реиндустриализации нет никакой необходимости, поскольку в Польше доля промышленности в ВВП находится примерно на том же уровне, что и в Германии — стране, чей промышленный потенциал считается очень высоким. (...) «Не бывает инвестиций без зарубежного капитала, без национальных сбережений, без международного сотрудничества», — заявил депутат Европарламента Дариуш Росати. Тем временем правительство «Права и справедливости» всячески отваживает зарубежных инвесторов, а неправильно сконструированный им государственный налог снижает объем национальных сбережений. (...) По мнению Росати, правительство Польши ограничивает инвестиционные возможности, снижая пенсионный возраст и тем самым сокращая численность работающих жителей страны, ухудшая состояние государственных финансов и выделяя огромные средства на социальные программы. (...) «Нет доказательств, что финансирование социальной сферы повышает уровень рождаемости», — говорит экономист». *(Анна Слоевская, «Жечпосполита», 18 февр.)*

» «В плане Матеуша Моравецкого почти ни слова не сказано о развитии убыточных отраслей — горной промышленности, энергетики, сельского хозяйства, мелкой торговли». ***(Витольд Гадовский, «Газета выборча», 20-21 февр.)***

» «Волнующая атмосфера большого праздника. Манифестация рабочего класса и всех людей труда. Гордость по поводу наших свершений, чувство глубокого удовлетворения в связи с достигнутым в ходе реализации предвыборной программы «Права и справедливости», а также понимание важности задач, поставленных на ближайшие четыре года. Таков был праздник, посвященный 100 дням нового правительства. (...) Торжественные мероприятия открыла пресс-конференция Беаты Шидло. Госпожа премьер-министр подвела итоги первых месяцев работы правительства, увенчавшихся успехом, несмотря на все попытки

западных диверсионно-пропагандистских организаций посеять в нашей стране панику. «Не все пока что нам удалось», — скромно заметила глава правительства. (...) Однако сомнения премьер-министра развеялись, когда она появилась перед собравшимися тружениками, которые цветами и подарками выразили свою благодарность партии и правительству за их самоотверженную работу по реализации предвыборной программы. (...) Благодаря усилиям наших министров, а также решительности состоящих в правящей партии депутатов и сенаторов основные задачи, поставленные на эти сто дней, были выполнены, а в некоторых ведомствах даже перевыполнены. (...) В подваршавском Юзефове премьер-министр посетила одну из многодетных семей. Этот визит стал наглядным свидетельством единения власти и народа. Госпожа Шидло побывала здесь еще в сентябре, пообещав, что правительство будет выплачивать родителям 500 злотых ежемесячно на второго ребенка и всех последующих детей. (...) И слово свое сдержала, вовсе не ожидая за это похвал. Премьер-министр сама привезла многодетной семье морковный пирог. Такой поступок дорогого стоит». *(«Факт газета цодзенна», 27-28 февр.)*

» **«Чтобы рассказать о первых ста днях работы нового правительства, (...) премьер-министр Беата Шидло назначила пресс-конференцию на 5.30 утра. (...) Министры также подвели итоги своих ста дней работы. (...) Как заявил министр обороны Антоний Мацеревич, именно «председатель правящей партии Ярослав Качинский задает темп и определяет основные направления работы, с которой правительство успешно справляется»». *(Агата Кондзинская, «Газета выборча», 27-28 февр.)***

» «Пока что новое правительство занято тем, что прибирает к рукам власть в стране. (...) В декабрьском докладе «8 главных грехов Речи Посполитой», подготовленном группой независимых экспертов с самыми разными политическими взглядами, мы представляем 18 основных черт образцового государства. К сожалению, так называемые «перемены к лучшему», происходящие сейчас в Польше, вступают в противоречие с большинством этих принципов. Так что назвать это «переменами к лучшему» довольно сложно», — проф. Ежи Хауснер, бывший вице-премьер и член Совета по финансовой политике. *(«Жечпосполита», 11 февр.)*

» **«Вместо того, чтобы выполнять свои обещания, «Право и справедливость» решило в первую очередь обеспечить себе всю полноту власти в стране, начиная с контролирования спецслужб и блокировки работы Конституционного суда, который мог бы осложнить проведение многих реформ, и заканчивая чистками на государственной гражданской службе и фактическим захватом общественных СМИ. Предыдущие правительственные команды также формировали властные институции, исходя из своих предпочтений, однако скорость и методы, которыми пользуется «Право и справедливость», не только удивляют, но и вызывают беспокойство. (...) В то же время некоторые реалии, с которыми пришлось столкнуться новому правительству, лишний раз подтвердили актуальность старинной поговорки: «По одежке протягивай ножки»». *(Анджей Гайцы, «Жечпосполита», 17 февр.)***

» «Согласно данным опроса, проведенного Институтом рыночных и общественных исследований 12-13 февраля, 41% респондентов позитивно оценивает результаты трех месяцев работы правительства Беаты Шидло. 48% опрошенных придерживаются противоположной точки зрения». *(«Дзенник газета правна», 24 февр.)*

» **«В опросе, проведенном 18 региональными изданиями 10-16 февраля, респондентов попросили указать человека, который реально принимает ключевые решения в стране. 65% опрошенных назвали Ярослава Качинского». *(«Польска», 19 февр.)***

» «Наступили времена, когда правительство стало всего лишь незначительным элементом политической мозаики. Реальная же власть в стране принадлежит парламентской фракции «Права и справедливости», которая полностью подчиняется Ярославу Качинскому. (...) Кроме того, некоторые министры, к примеру, Збигнев Зёбро, вице-премьер Петр Глинский и министр обороны Антоний Мацеревич, почти не скрывают, что не признают главенства госпожи премьер-министра, обсуждая свои проекты непосредственно с Качинским». *(Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 24 февр.)*

» **«По данным опроса ЦИОМа, опубликованного 10 февраля, состоянием польской де-**

мократии недовольна половина респондентов, положительно его оценивают 39%. При этом 70% опрошенных (рост этого показателя по сравнению с предыдущим опросом составил 6%) предпочитают демократию всем прочим разновидностям политических режимов. Критическое отношение к недемократическим режимам выражает каждый второй поляк (рост составил 10%). В то же время 30% опрошенных полагают, что иногда существование недемократических режимов может быть оправдано (снижение показателя на 11%)». ***(«Тыгодник повшехный», 21 февр.)***

» «Треть избирателей, явившихся на выборы, согласилась, чтобы страной управляло «Право и справедливость». Вот и все. Никто не делегировал «Праву и справедливости» полномочий, позволяющих не уважать существующих законов, подменяя их новыми. Это, с одной стороны, выглядит как мегаломания, с другой — как рефлекторный порыв мести. (...) Епископы не считают нужным вмешиваться в ситуацию. Можно было бы спросить у них: почему? Мне кажется, они так или иначе поддерживали «Право и справедливость» — что хотели, то и получили. (...) Своими усилиями «Право и справедливость» политизирует Церковь, делает христианское мышление несовместимым с обязанностью служения всем гражданам. (...) Что нас ждет в будущем? Наша экономика может не выдержать тяжести всех данных обещаний. (...) В итоге расплачиваться, как всегда, придется простым людям. Что же касается наших междоусобиц, прогнозы у меня самые пессимистические», — епископ Тадеуш Перонек, бывший генеральный секретарь Конференции Епископата Польши. *(«Газета выборча», 13-14 февр.)*

» **Поддержка партий: «Право и справедливость» — 31%, «Современная» — 25%, «Гражданская платформа» — 14%, Кукиз'15 — 9%, Коалиция левых сил — чуть менее 5%, крестьянская партия ПСЛ — 4%, КОРВИН («Коалиция обновления Республики — вольность и надежда») — 3%, «Вместе» — 2,2%. Опрос проведен Институтом рыночных и общественных исследований 12-13 февраля».** ***(«Жечпосполита», 16 февр.)***

» «В Польше никогда и никто, за исключением разве что Анджея Леппера, не оспаривал гегемонии интеллигенции. Зато внутри этой прослойки идет постоянная борьба. Ведь и Ярославу Качинскому не свойственны антиинтеллигентские настроения, он просто считает тех, кто выступает против него, «фальшивой элитой». (...) Проект «Права и справедливости» тоже насквозь интеллигентский, поскольку ставит своей целью своего рода культурную революцию, только во имя других ценностей. В Польше нет конфликта между народом и элитой, однако внутри самой элиты существует масса трений относительно того, какие ценности нам больше подходят — европейские или национальные. (...) Эта проблема носит исторический характер. У ее истоков — непропорционально большой процент польской шляхты в Первой Речи Посполитой; постепенно беднея, шляхта и сформировала прослойку интеллигенции. (...) Вторая Речь Посполитая в действительности была республикой интеллигенции, которая именно тогда и установила свою гегемонию. (...) Решающим моментом, обеспечившим уникальное положение интеллигенции в Польше, была Октябрьская революция 1917 года и обретение Польшей независимости. (...) В Советском Союзе (...) интеллигенция, совершившая революцию, создала сильный госаппарат, который в результате навязал стране свою гегемонию. Одним из ключевых элементов этого процесса стало истребление интеллигенции во время Большого террора. Характерно, что в сегодняшней России носителем памяти об этой травме является именно интеллигенция, а не общество в целом», — проф. Томаш Зарицкий. *(«Политика», 17-23 февр.)*

» **Фрагменты интервью с вице-премьером Петром Глинским: «Люди, связанные с предыдущим правительством, хозяйничали в стране, располагали всеми необходимыми ресурсами, а также поддержкой извне, поскольку действовали в интересах других стран. (...) Может ли по-настоящему суверенная и демократическая страна позволить, чтобы 80-90% ее местных изданий принадлежали зарубежным хозяевам? (...) Отец Рыдзык делает большое и важное дело, поэтому его работа заслуживает всяческой поддержки. (...) Это будущее Польши. Единственным телеканалом, где камеры и микрофоны находились в руках молодых девушек, был телеканал «Трвам». Это были выпускницы о. Рыдзыка».** ***(«Жечпосполита», 16 февр.)***

» «Министерство иностранных дел решило, что именно о. Тадеуш Рыдзык получит дотацию на продвижение Польши за границей. На эти цели он получил 200 тыс. злотых. При этом в получении дотации МИДа было отказано Институту Леха Валенсы». *(«Факт газета цодзенна», 3 марта)*

» **«Пятеро польских писателей отказались от получения медали «Глория Артис», вручать которую должен был министр культуры Петр Глинский. «Мне не нужно наград от правительства, которое попирает элементарные принципы демократии», — заявил Казимеж Орлось. «Меня совершенно убило письмо министра Глинского, в котором он нахваливает деятельность «Радио Мария», — объясняет Петр Матывецкий. — Я написал, что эта радиостанция распространяет антикультуру и нетерпимость, с чем я не собираюсь мириться, и что господин Глинский, будучи вице-премьером, одобряет политику нынешнего правительства, а я считаю ее противоречащей всем канонам демократии»». *(Анна С. Дембовская, «Газета выборча», 18 февр.)***

» «Профессор Рышард Бугай вышел из состава Национального совета по развитию, созданного президентом Анджеем Дудой. В письме на имя президента Бугай написал, что происходящие в Польше перемены «ведут к сосредоточению всей государственной власти в руках правящей партии», а выход из состава совета — единственная доступная ему форма протеста. (В прошлом профессор Бугай был советником президента Леха Качинского — В.К.) *(«Жечпосполита», 12 февр.)*

» **«Из Генерального командования Вооруженных сил уходят несколько генералов, выразивших таким образом свой протест против кадровой политики Антония Мацеревича». *(«Дзенник газета правна», 4 марта)***

» «Президент Анджей Дуда включил в состав Совета по финансовой политике двух молодых экономистов — Лукаша Хердта и Камиля Зубелевича. (...) Закон о Национальном банке Польши предусматривает, что в совет входят «специалисты в области финансов». Ни один из новых членов совета, только что назначенных президентом, с учетом их академической специализации, не соответствует этому критерию». *(«Жечпосполита», 19 февр.)*

» **«Уже почти 2 тыс. коневодов и иппологов со всего мира подписали письмо протеста, направленное министру сельского хозяйства Польши в связи с увольнением руководителей всемирно известных конезаводов по разведению арабских лошадей в Янове-Подляском и Михалове». «Уволены высококвалифицированные специалисты по разведению арабских лошадей. (...) Согласно решению Агентства сельскохозяйственного рынка, конезавод в Янове-Подляском вот уже несколько дней возглавляет Марек Скоморовский, экономист, который сам признает, что не имеет никакого понятия о лошадях. В свою очередь конезавод в Михалове возглавила зоотехник Анна Дурмала». *(Войцех Каминский, «Газета Польска цодзенне», 25 февр.)***

» «Президент Анджей Дуда попросил МИД высказать мнение относительно предложения лишить Яна Томаша Гросса Кавалерского креста Ордена «За заслуги перед Республикой Польшей» (в 1996 г. Гросс получил эту награду именно по ходатайству МИДа; это произошло за несколько лет до публикации его книги «Соседи», посвященной погрому в Едвабне). (...) Нынешний вице-министр иностранных дел Ян Дзедзичак, еще будучи депутатом Сейма от партии «Право и справедливость», называл Гросса «предателем» и призывал лишить его награды». *(Михал Оконский, «Тыгодник повшехный», 21 февр.)*

» **««Не настал бы этот день, и не было бы ни нас, ни свободной и сильной Речи Посполитой, которая борется за свои интересы, если бы не героизм, жертвенность и мученичество этих людей, о которых долгое время можно было говорить лишь шепотом», — с такими словами обратился Анджей Дуда к собравшимся в здании бывшей тюрьмы на улице Раковецкой, где будет создан Музей «проклятых солдат». (...) В праздничных мероприятиях по случаю Дня памяти «проклятых солдат» также приняла участие премьер-министр Беата Шидло и члены кабинета министров. Вечером несколько сотен человек прошли торжественной колонной от площади Пилсудского до собора св. Иоанна». *(«Газета выборча», 2 марта)***

» «6 августа 2015 г. президент Анджей Дуда пообещал «сделать все, чтобы тема «проклятых солдат» стала обязательным элементом преподавания истории». Такая инициатива заслуживает всяческого одобрения, поскольку о преступлениях «проклятых солдат», совершенных ими

на белостокских землях, необходимо говорить, писать и рассказывать школьникам — ведь это часть нашей противоречивой истории. (...) В архивах Института национальной памяти в Белостоке, в материалах судебных процессов, а также в «Книге памяти православных жителей белостокских земель — жертв событий 1939-56 годов», выпущенной в Белостоке в 2012 году под редакцией Константина Машальского, содержится задокументированное подробное описание преступных деяний «проклятых солдат», которое должно найти свое отражение в учебниках. (...) «Проклятые солдаты», громившие белорусские деревни, убивавшие жителей, по одному и целыми группами, наводили на мирное население ужас. (...) Институт национальной памяти однозначно квалифицировал преступную деятельность «проклятых солдат» как «преступление с признаками геноцида»». *(Халина Матейчук, «Пшеглёнд православный», март 2016)*

» **«Униформа «проклятых». Антоний Мацеревич решил ввести почетную униформу для солдат, сражавшихся после 1944 г. за независимость Польши. Образцом для нее послужит офицерская форма, принятая в польской армии до Второй мировой войны. Важным элементом униформы будут ринграфы (металлические пластины с изображениями святых — пер.): для военных, сражавшихся на территории Центральной Польши предусмотрен ринграф с изображением Ченстоховской иконы Богородицы, для солдат из восточной части страны — с изображением Остробрамской иконы Богородицы».** ***(«Польска збройна», март 2016)***

» «Министерство национальной обороны прекратило сотрудничество с организациями, членами которых, в частности, являются представители генералитета времен Польской народной республики. (...) Оборонное ведомство также отказалось от сотрудничества с Союзом военнослужащих Войска Польского, объединяющих ветеранов и военных пенсионеров». *(«Польска збройна», март 2016)*

» **«Обнаружение папки секретного сотрудника «Болека» в доме умершего в 2015 г. бывшего главы Министерства внутренних дел генерала Чеслава Кищака чрезвычайно взбудоражило политиков правящей партии. (...) По-прежнему не установлена подлинность документов — персональной и рабочей папок агента, работавшего под псевдонимом «Болек». Среди документов — написанное от руки согласие на сотрудничество с подписью Валенсы, рукописные отчеты агента, а также квитанции, подтверждающие получение денег. Кроме того, в папке находилась справка о снятии «Болека» с учета в 1976 году. С этого момента и до конца эпохи ПНР содержащиеся в архивах госбезопасности документы, связанные с Валенсой, касаются слежки за ним как за деятелем Свободных профсоюзов, а впоследствии лидером «Солидарности»».** ***(Войцех Чухновский, «Газета выборча», 20-21 февр.)***

» «Хранящиеся в Институте национальной памяти материалы Службы безопасности, касающиеся Леха Валенсы, содержат более 50 томов. Большую их часть составляют документы, (...) относящиеся к операциям госбезопасности против лидера «Солидарности», проводившимся с 1983 г. до самого конца ПНР. Вторая по величине группа документов — это папки оперативного наблюдения, установленного в июле 1978 г., иначе говоря, материалы слежки за Валенсой, который был в то время оппозиционным деятелем Свободных профсоюзов Побережья. (...) Самую маленькую часть документов составляет папка секретного сотрудника госбезопасности, действовавшего под псевдонимом «Болек», за период 1970-76 годов. (...) 19 июня 1976 г. «Болек» был исключен из реестра агентов «в связи с нежеланием сотрудничать». (...) Известно, что Валенса решительно пресек попытку его завербовать, предпринятую в октябре 1978 года. Известно также, что Министерство внутренних дел в 1982 г. фальсифицировало документы, якобы свидетельствующие о сотрудничестве лидера «Солидарности» с милицией, с целью скомпрометировать Валенсу как на международной арене, так и в Польше». *(Ян Скужинский, «Политика», 24 февр. — 1 марта)*

» **«В сознании поляков Валенса остается все тем же, кем он был до 16 февраля 2016 года, — талантливым политиком-самородком, харизматичным национальным лидером, человеком с авторитарными наклонностями, лучшие времена которого пришлись на 1978-1989 годы. Одиннадцать лет — это не так уж и мало», — проф. Анджей Пачковский.** ***(«Дзенник газета правна», 22 февр.)***

» «На Поморье политики из «Права и справедливости» требуют переименовать Гданьский аэропорт, однако собственники аэропорта эту идею не поддержали. С 2004 г. аэропорт в Гданьске носит имя бывшего президента Польши Леха Валенсы. (...) «Гданьск не собирается участвовать в отвратительной травле Леха Валенсы», — заявил Павел Адамович, мэр города. (...) Мэр Сопота Яцек Карновский добавляет, что «не следует поддаваться пропаганде, оперирующей документами, сфабрикованными госбезопасностью». (...) Против переименования также выступают Гдыня и органы самоуправления воеводства». *(«Жечпосполита», 23 февр.)*

» **«То, что сейчас делают с Валенсой, отвра-ти-тель-но. Этим людям просто не дает покоя тот факт, что в истории независимой Польши Валенса сыграл ключевую роль, а они — никакой. (...) Надеюсь, появятся новые политические лидеры, новые аргументы, новая партия, чтобы защитить нас от тех, кто своими грубыми и жестокими действиями сталкивает Польшу на обочину Европы», — Анджей Вайда.** ***(«Тыгодник повшехный», 6 марта)***

» Фрагменты интервью с проф. Каролем Модзелевским. Беседует Яцек Жаковский. Я.Ж.: Так в чем же дело? К.М.: Дело в распространенном, особенно среди не самых умных людей, заблуждении, что каждый, подписавший в свое время пару бумажек, — подлец по определению. Некоторым людям это существенно повышает настроение, ведь очень приятно увидеть ближнего своего в дерьме, особенно, если ваша собственная самооценка не слишком высока. А проблемы с самооценкой есть у многих. (...) Я.Ж.: А почему профессор Глинский или президент Дуда так радуются, говоря о сотрудничестве Валенсы с госбезопасностью? К.М.: За ответом на этот вопрос лучше обратиться к психиатру. Речь не об этих людях. Дело в социальном психозе, который имеет свойство возвращаться. И поделать с этим историк ничего не может». *(«Политика», 24 февр. — 1 марта)*

» **«Леха Валенсу уже осудили: людям пытаются внушить, что в 70-е его шантажировали платежными ведомостями, и все, что мы наивно принимали за низвержение коммунизма, за свободу, независимость, смену общественного строя и вхождение Польши в круг суверенных европейских государств, в действительности оказалось операцией находящихся у власти коммунистов, гениально дергавших за нужные ниточки. (...) Валенса похож сейчас на затравленного зверя, защищающегося от разъяренной своры», — о. Адам Бонецкий, главный редактор.** ***(«Тыгодник повшехный», 6 марта)***

» «Вся эта посмертная месть Кищака и связанных с ним темных и внешних сил (это обстоятельство тоже не нужно сбрасывать со счетов), вся эта история с «Болеком» грубо используется для переписывания мифа о «Солидарности», а также для создания новой идеологической базы, более подходящей нечистым на руку дельцам. Новой власти необходим (...) солидный символический фундамент. Важными элементами этого фундамента должны стать устранение Валенсы с пьедестала и культивирование на его месте «смоленского» мифа. Место предателя «Болека» должны занять «святые мученики», как их называют в консервативных кругах правых сил, то бишь Лех Качинский и Анна Валентинович, которая при жизни рассказывала о Валенсе полную ерунду. (...) Ради сиюминутного политического проекта уничтожается польская легенда, икона, во всем мире являющаяся символом Польши. (...) При помощи этих бумажек, этих обвинений кто-то специально раздувает конфликт между поляками. (...) Мне кажется, что на наших глазах в Центральной и Восточной Европе создается и укрепляется целый политический лагерь, ориентированный, скорее, на интересы Кремля. Это не касается исключительно Польши, хотя она, безусловно, является важной частью этого проекта», — проф. Збигнев Миколейко. *(«Польска», 22 февр.)*

» **«В 1989 году не было никакой революции. (...) Формирование нового общественного строя, наступившее в результате достигнутых за Круглым столом договоренностей, в основных своих проявлениях произошло вопреки воле народа. (...) В Третьей Речи Посполитой доминировала узкая социальная группа, своего рода элита, которая превратила Польшу в одну из самых отсталых стран Европы», — Ян Ольшевский, адвокат, бывший премьер-министр и член Государственного трибунала.** ***(«Жечпосполита», 26 февр.)***

» «Институт национальной памяти составил список бывших сановников ПНР, у которых могут храниться некие тайные материалы. Всего в спи-

ске фигурирует 21 фамилия». «Вчера прокуроры Института национальной памяти побывали в доме вдовы генерала Войцеха Ярузельского. (...) Обыск продолжался десять часов. (...) Было изъято 17 папок с документами». *(Войцех Чухновский, Агнешка Кублик, «Газета выборча», 1 марта)*

» **«В четверг был проведен обыск в доме профессора Лешека Кобылинского в Гданьске. В 1986-89 гг. профессор был членом консультационного совета при председателе Государственного совета ПНР генерале Войцехе Яузельском. Прокуроры покинули дом Кобылинского с пустыми руками. Сам профессор заявляет, что никаких документов не хранил». *(«Жечпосполита», 4 марта)***

» «По данным опросов Института рыночных и общественных исследований, (...) явное большинство респондентов (59%) не отнеслось серьезно к обнаружению папки секретного сотрудника, каковым якобы был Валенса. Важным событием назвал обнаружение папки «Болека» каждый третий поляк (34%). (...) Когда сотрудники института поинтересовались у поляков, как изменилось их мнение о Валенсе после опубликования упомянутых документов, оказалось, что у подавляющего большинства (63%) оно не изменилось вовсе. Каждый пятый поляк (20%) считает, что папка «Болека» негативно повлияла на его оценку личности Валенсы. Есть и те, кто после этого инцидента стал относиться к Валенсе лучше (9%). (...) Для почти двух третей опрошенных (64%) Валенса по-прежнему остается национальным героем, и дело «Болека» на их мнение никак не повлияло. Каждый четвертый респондент (25,5%) не считает Валенсу национальным героем. (...) В 2000 г. суд снял с Валенсы обвинения в сотрудничестве с органами госбезопасности». *(Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 29 февр.)*

» **«По улицам столицы прошли более 80 тыс. человек, сообщила в субботу мэрия Варшавы. Организаторы марша «Мы — народ!» говорят о 100 тыс. участников. Лозунг «Мы — народ!» — отсылка к первым словам выступления Леха Валенсы перед американским Конгрессом в 1989 году. (...) Тысячи людей несли транспаранты в защиту Леха Валенсы от абсурдных обвинений. (...) В ходе акции Комитет защиты демократии собирал деньги на продолжение своей деятельности. (...) Всего было собрано более 160 тыс. злотых. (...) Митинг на площади Солидарности в Гданьске собрал, по оценкам организаторов, 25 тыс. человек. (...) Толпа скандировала: «Лех Валенса!», «Солидарность!». (...) Слово взяла жена Валенсы Данута: «Заявляю протест против политики правительства и того маленького человечка, который стоит за всем этим. Если бы мой муж не вел переговоры с коммунистами, не исключено, что никто не позволил бы нам тут собраться»». *(Себастьян Клаузинский, «Газета выборча», 29 февр.)***

» Фрагменты интервью Матеуша Киёвского, лидера Комитета защиты демократии (КЗД). «Мы не собираемся когда-либо бороться за власть, не планируем участвовать в выборах. Мы — общественное движение. (...) В нашем уставе предусмотрено, что лица, занимающие какие-либо должности в структурах политических партий, не могут быть сотрудниками КЗД. (...) Если бы кто-то из нас захотел выставить свою кандидатуру на выборах, ему пришлось бы отказаться от исполнения своих организационных функций в КЗД. (...) КЗД будет пристально следить за действиями любой власти. (...) Цель КЗД — защита демократии. Представители «Права и справедливости» не уважают демократию и занимаются уничтожением государственного строя. Но мы боремся не с конкретной партией, а с государственным произволом. (...) Мнение Венецианской комиссии на 100% совпадает с нашей законодательной инициативой, под которой мы вот уже неделю собираем подписи. (...) КЗД с уважением относится к достижениям бывшего президента и лидера «Солидарности» Леха Валенсы. Мы против отвратительных методов травли и инсинуаций, применяемых в последние дни в отношении лидера победоносной борьбы за свободу и демократию». *(«Жечпосполита», 3 марта)*

» **«Эта поддержка извне, эти разговоры об угрозе демократии в стране, не имеющие ничего общего с реальностью, — вот топливо всего происходящего. Хочется сказать нашим друзьям: закрутите кран с бензином, чтобы остановить пожар. Но они этого, к сожалению, делать не собираются», — Ярослав Качинский, фрагмент интервью. *(«Польска», 29 февр.)***

» «Сегодня вступает в силу закон о реформе органов прокуратуры, предусматривающий объединение функций министра юстиции и генерального прокурора. (...) В руках Збигнева Зёбро

сосредоточится огромная власть. Он, в частности, получит право знакомиться с любыми следственными материалами всех прокуратур, непосредственно влиять на решения подчиняющихся ему прокуратур и корректировать их по своему усмотрению. Более того, он сможет делать это, не ставя в известность суд и участников процесса. Кроме того, министр юстиции получит право переносить крупные следственные дела, касающиеся СМИ, из любой прокуратуры в только что созданную Национальную прокуратуру, которая ему непосредственно подчиняется. Он также сможет продвигать прокуроров по карьерной лестнице независимо от их стажа и опыта. Все это вызывает справедливые опасения, что прокуратура будет целиком подчинена политикам, а возглавлять ее будут ангажированные лица». *(Томаш Петрига, «Жечпосполита», 4 марта)*

» **«Комиссар Совета Европы по правам человека Нильс Муйжниекс завершил свой недельный визит в Польшу. Важнейшей проблемой, связанной с соблюдением в Польше прав человека, он считает кризисную ситуацию вокруг Конституционного суда. «Если суд не функционирует, права человека автоматически оказываются под угрозой, граждане не могут обращаться за защитой своих прав, а суды — направлять запросы правового характера. (...) Единственный выход, который я вижу — это исполнить решения суда, касающиеся его состава, — говорит Муйжниекс. — Я поинтересовался у ваших политиков, имел ли право Сейм предыдущего созыва избирать судей. Троих — да, пятерых — нет, ответили они мне. Поэтому я считаю, что этих троих нужно привести к присяге»». *(«Газета выборча», 13-14 февр.)***

» «Конституционный суд (КС) в среду признал не соответствующими Основному закону внесенные фракцией «Права и справедливости» изменения в закон о КС. В частности, это касается поправок, которые предусматривают разрешение дел в зависимости от очередности их поступления и вынесение вердикта большинством в две трети голосов, а также устанавливают, что КС состоит из 13 судей. Правительство заявило, что не опубликует этого решения». *(Эва Усович, «Жечпосполита», 10 марта)*

» **««Настоящее решение принимается нами в чрезвычайной ситуации. Оно является условием sine qua non правосудия, совершаемого в соответствии с Конституцией. (...) Это решение не может быть оспорено другими органами государственной власти, которые обязаны его исполнять и уважать», — заключил Конституционный суд». *(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 10 марта)***

» «Две юридические реальности, конституционная и правительственная — это трагедия и начало анархии», — проф. Марек Сафьян, судья Европейского суда, бывший председатель Конституционного суда (1997–2006 гг.). *(«Газета выборча», 10 марта)*

» **«Девять ключевых неправительственных организаций создали Гражданскую обсерваторию демократии. (...) На сайте obserwatoriumdemokracji.pl можно найти аналитическую информацию и различные точки зрения относительно новых законов об общественных СМИ, полиции и спецслужбах, уголовном процессе, прокуратуре, государственной гражданской службе и Конституционном суде. (...) Список законов, угрожающих демократии, остается открытым. (...) Инициаторами создания Гражданской обсерватории демократии выступили, в частности, Хельсинкский фонд по правам человека, (...) Объединение Amnesty International». *(Даниэль Флис, «Газета выборча», 10 марта)***

» «Венецианская комиссия не станет откладывать вынесение заключения относительно изменений в законе о Конституционном суде. Об этом вчера сообщило Бюро Венецианской комиссии. Заключение будет принято на ближайшей пленарной сессии 11-12 марта. (...) В том, чтобы Венецианская комиссия перенесла вынесение заключения по делу об изменениях в Конституционном суде на более поздний срок, был заинтересован польский МИД». *(«Наш дзенник», 4 марта)*

» **Фрагменты выступления президента Анджея Дуды на встрече с жителями Отвоцка. «Те, кто заявляет, что сегодня в Польше нужно защищать демократию, на самом деле защищают сложившийся за последние восемь лет порядок вещей со всеми этими аферами, фигуранты которых успешно заметали следы, выборами наподобие недавних муниципальных с их результатами, полностью расходящимися с действительностью. (...) Где тогда были эти Венецианские комиссии, где была Европейская комиссия? Нашу страну используют в чу-**

жих интересах, а к нам относятся как к людям второго сорта. (...) Настало время открыто заявить, что здесь, в Польше, мы хозяева. И что мы в первую очередь должны отстаивать свои интересы. И что у нас есть право отстаивать свои интересы также на международной арене. (...) Право решать, что для нас хорошо, а что плохо. Кто для нас желанный гость, а кто — враг. (...) Мы также имеем право говорить об этом, не связывая себя псевдоевропейской политкорректностью, которая только сбивает нас с пути и не позволяет развиваться. А если и возможно какое-то развитие с такими установками, то это псевдоразвитие, не ведущее ни к чему, кроме роста потребительства». ***(«Газета выборча», 9 марта)***

» «Сформулировав свою позицию относительно Польши, Венецианская комиссия подчеркнула, что правительство обязано опубликовать решение Конституционного суда от 9 марта. (...) По мнению Венецианской комиссии, разработанный и принятый «Правом и справедливостью» закон был призван осложнить работу Конституционного суда. «Отказ публиковать решение Конституционного суда сам по себе беспрецедентен и только усиливает кризис в Польше», — сообщает комиссия. (...) Представители Венецианской комиссии хотели бы пообщаться с членами польского кабинета министров. Встреча пройдет в апреле. Оппозиция (...) призывает правительство опубликовать решение Конституционного суда и грозит уличными протестами». *(Яцек Лизиневич, «Газета польска цодзенне», 12-13 марта)*

» **«Гражданской войны не будет. Те, кто не согласен с политикой «Права и справедливости», не выходят на улицы, вооружившись дубиной, а выражают свой протест исключительно культурно. Власть будет усмирять их не при помощи непосредственного принуждения, но с использованием различных механизмов экономического, юридического, морального, исторического и культурного характера. Одним из проявлений такого подхода может стать националистическая культура, которая опирается, в частности, на мифологию «проклятых солдат» и не имеет ничего общего с тем, как понимают культуру большинство участников манифестаций Комитета защиты демократии. (...) Получив контроль над общественными масс-медиа, власть займется и частными СМИ. (...) Ситуация может измениться только в случае падения экономики, когда для абсолютного большинства поляков на первый план выйдут бытовые вопросы, а не память о «проклятых солдатах» или лозунг «Сильная Польша для поляков». Пустой холодильник радикально изменит политические симпатии поляков, и на выборах «Право и справедливость» потерпит поражение. Пока этого не происходит, нас ждет реализация патриотическо-авторитарного сценария», — проф. Януш Чапинский.** ***(«Пшеглёнд», 7-13 марта)***

» «Наше общество расколото, при этом социальный капитал весьма невелик. (...) Поляки не доверяют друг другу и часто не хотят сотрудничать. Нам не хватает хороших традиций, школа слаба, самоуправление неразвито, а Церковь скорее пассивна. Почти в половине польских гмин и приходов нет никаких общественных инициатив. Степень участия людей в деятельности партий и профсоюзов падает, пассивность отмечена и на выборах. (...) В результате наш общественный строй поменялся, мы оказались в ситуации демократии без конституции, которая сегодня в Польше просто мертва. Все потому, что механизмов и способов ее защиты больше нет. Как граждане мы оказались абсолютно зависимы от правительственной администрации. (...) Мы живем при новом порядке. Конституционный суд более не сможет заблокировать произвольную смену конституционного строя. Новшества в управлении СМИ, госслужбой и органами юстиции, несмотря на сопротивление юристов, уже введены. (...) Удивительно, но электорат «Права и справедливости» по-прежнему поддерживает происходящие в стране перемены. (...) На определенное общественное спокойствие партия власти может рассчитывать самое большее до конца года. Затем ухудшатся экономическая и бюджетная ситуации, усилится неприязнь Евросоюза к Польше. Мы будем терять престиж и доверие. Появятся первые проблемы. (...) Так что нас, как это уже неоднократно бывало, ждет очередное цунами в виде парламентских выборов», — Анджей Веловейский. *(«Жечпосполита», 12-13 марта)*

» **«Выступая в Берлине в фонде Корбера, премьер-министр Беата Шидло начала свою речь с того, что принялась решительно защищать происходящие в Польше «перемены к лучшему»: «Решения польского парламента**

— это внутреннее дело Польши, и европейские политики не должны тратить на их обсуждение свое время». Шидло заверила, что Польша была и остается «колыбелью демократии», и поэтому с демократией у нас «все в полном порядке», доказательством чего служат демонстрации, проводимые Комитетом защиты демократии. (...) Премьер-министр также высказалась против строительства газопровода «Северный поток II», который будет поставлять газ из России в Германию в обход Польши и Украины». ***(Бартош Т. Виленский, «Газета выборча», 13-14 февр.)***

» Джон Кёрби, официальный представитель Госдепартамента США: «Мы поделились с польскими властями нашей обеспокоенностью относительно того, что происходит сейчас в Польше в контексте соблюдения принципа верховенства закона». *(«Жечпосполита», 11 марта)*

» **«Польша на официальном уровне ослабила интенсивность своих взаимоотношений с Германией, одновременно активизировав контакты с Великобританией. (...) Насколько это ответственно — заявлять главному экономическому партнеру Польши, обеспечивающему треть наших доходов от экспорта, что мы решили променять его на другого партнера, доходы от внешней торговли с которым составляют в нашей стране всего 6%?», — Анджей Олеховский, бывший министр иностранных дел и финансов.** ***(«Пшеглёнд православный», март 2016)***

» «Пресс-секретарь польского МИДа Артур Дмоховский направил в адрес дирекции Би-Би-Си письмо с критикой фильма, «в ложном свете представляющего ситуацию в Польше». По мнению Дмоховского, репортаж «Путинизируется ли Польша?» представляет ситуацию в стране поверхностно, с искажением фактов, без соблюдения стандартов журналистики». *(«Газета выборча», 11 февр.)*

» **««Europe Infos», официальный ежемесячник Конференции епископов Европейского союза, удалил со своего интернет-сайта статью Генрика Возняковского «Что происходит в Польше?», содержащую критику в адрес польского правительства. (...) На главной странице ежемесячника по-прежнему можно увидеть заголовок статьи; ниже красными буквами написано следующее: «По настоятельной просьбе Конференции Епископата Польши статья Генрика Возняковского была нами удалена»».** ***(Катажина Вишневская, «Газета выборча», 11 февр.)***

» «В январе этого года зарубежные инвесторы забрали с нашего рынка казначейских облигаций на 13,1 млрд злотых, сообщило министерство финансов». *(«Дзенник газета правна», 3 марта)*

» **«Правительство все активнее пытается управлять экономикой вручную. Фирмы, которые, несмотря на приватизацию, пришли в упадок либо оказались на пороге банкротства, получат от государства финансовую поддержку. (...) Правительство планирует инвестировать денежные средства в тепловые активы Ястшембской угольной компании. (...) Еще в этом месяце финансовую помощь получит компания «Автосан» в Саноке, переживающая процедуру банкротства. (...) Правительство подключилось к выведению из кризиса предприятия по добыче минерального сырья в Кельце. (...) В январе этого года финансовые вливания со стороны государства ждут также Гданьскую международную ярмарку».** ***(Адам Возняк, «Жечпосполита», 7 марта)***

» «Европейская комиссия подала на Польшу в Европейский суд за несоответствие правил безопасности на железной дороге нормативам ЕС». *(«Жечпосполита», 26 февр.)*

» **«К Польше годами относились как к серьезному и важному партнеру, который умеет отстаивать общие интересы и дружит с сильными мира сего. Чем лучше были наши отношения с Берлином и Вашингтоном, тем серьезнее нас воспринимали. Был даже в нашей недавней истории период, когда французы через наших дипломатов организовывали визит своего президента в Белый дом. Эта прекрасная эпоха подошла к концу, поскольку мы теперь непрерывно боремся со всеми по любому поводу. Мы конфликтуем с Европейской комиссией из-за торгового налога. Немецкие бизнесмены осторожно интересуются, будет ли Польша вводить на своей территории ограничения для капитала из-за Одры. Не понимаю, как западные страны могут видеть в нас лидера, если даже всеми уважаемая Венецианская комиссия, нами же приглашенная, подвергается с нашей стороны публичным нападкам только потому, что смеет высказывать мнение,**

которое нам не нравится. Не представляю, как мы собираемся реформировать НАТО, если при этом позволяем себе оскорблять ведущих политиков Североатлантического альянса, занимающихся обороной. (...) Когда мы окончательно утратим свое влияние в НАТО и ЕС, эти институты начнут принимать решения без учета наших интересов. И тогда вдруг окажется, что правы те политики, которые повсюду искали врагов Польши: за что боролись, на то и напоролись». ***(Бартош Венглярчик, «Жечпосполита», 3 марта)***

» «В понедельник в ходе встречи Вишеградской группы в Праге Польша, Чехия, Словакия и Венгрия разработали общую стратегию своего участия в саммите ЕС. (...) Принята декларация о необходимости усиления внешних границ Шенгенской зоны. Страны Вишеградской группы выразили негативное отношение к принятому ЕС постоянному механизму принудительного размещения беженцев в странах Евросоюза. Премьер-министр Беата Шидло пообещала поддержать идею созданию европейской пограничной службы». *(Артур Ковальский, «Наш дзенник», 19 февр.)*

» **«На ночной пресс-конференции в Брюсселе Беата Шидло, которая в частном порядке успела встретиться с Кэмероном, подчеркнула, что Польше удалось добиться двух важных поставленных целей: обеспечить защиту прав поляков в Великобритании и уберечь Великобританию от выхода из Евросоюза, чтобы польские эмигранты на Британских островах не потеряли своих прав и преимуществ, связанных с членством страны их проживания в ЕС».** ***(Александр Герш, «Польска», 22 февр.)***

» «Во время 52-й Международной конференции по безопасности в Мюнхене (...) президент Анджей Дуда, комментируя российские внешнеполитические амбиции, напомнил, что негативная оценка политики Москвы связана с ее милитаристскими действиями на Украине и в Сирии. (...) Президент Польши подчеркнул, что в ответ на поведение России ЕС и НАТО должны всячески противодействовать попыткам нарушить международное право и европейский порядок». *(из Мюнхена Кшиштоф Лош, «Наш дзенник», 15 февр.)*

» **«По оценкам экспертов Союза предпринимателей и работодателей (СПР), на территории нашей страны в настоящее время находится миллион украинцев. (...) Как рассказал Томаш Баран, 52% поляков позитивно относятся к идее предоставить всем украинцам, живущим и работающим в Польше, право на постоянное жительство (28% поляков высказываются против). (...) СПР предлагает предоставить всем вьетнамцам, белорусам и украинцам, находящимся в настоящее время на территории Польши, право на постоянное проживание, сделав это по образцу т.н. «закона Рейгана», легализовавшего в 1982 году пребывание всех поляков на территории США».** ***(Виктор Рачковский, «Пшеглёнд», 22-28 февр.)***

» «В этом году, несмотря на все наши старания, нам урезали финансирование на 20 тыс. злотых. (...) «Религиозные журналы, к которым относится ваше издание, не способствуют укреплению национальной идентичности», — услышали мы от чиновников». *(«Пшеглёнд православный», март)*

» **«Стокгольмская полиция арестовала за последнее время несколько сотен поляков, принимавших участие в беспорядках на улицах Стокгольма и готовившихся к нападению на центр для беженцев. После нападения на бездомную молодежь арабского происхождения поляки участвовали в манифестации шведских неонацистов, размахивая бело-красными флагами с орлом. Хулиганов охраняли и принимали у себя польские эмигрантские организации».** ***(«Пшеглёнд», 17-23 февр.)***

» «В Израиле в возрасте 93 лет скончался Самуэль Вилленберг — художник, участник восстания в Треблинке, участник Варшавского восстания. Он был последним из оставшихся в живых узников «лагеря смерти» в Треблинке. (...) Вилленберг попал в концлагерь в октябре 1942 г. и дожил до восстания узников, вспыхнувшего 2 августа 1943 года. (...) В сентябре 1939 г. 16-летний Вилленберг добровольцем вступил в польскую армию; во время боя с советскими танками в Хелме был тяжело ранен. 1 августа 1944 г. принял участие в Варшавском восстании. Сражался в отряде Армии Крайовой, позднее, из-за осложнений, вызванных его еврейским происхождением, перешел в ряды Польской Армии Людовой». *(Патриция Букальская, «Тыгодник повшехный», 28 февр.)*

Анна Яворская

МАЛЕНЬКОЕ ОКОШКО БЫЛО ОКНОМ В МИР

Правду о Холокосте раскрывают очередные поколения, рожденные уже после войны. Эта правда трудна и неоднозначна. После выхода книги Яна Томаша Гросса «Соседи» стало очевидно: чудовищных случаев участия поляков в убийствах и грабежах еврейского народа — как во время войны, так и после ее окончания — невозможно утаить. Есть, однако, и другая правда — это свидетельства спасения евреев, которым посвящена настоящая статья. Автор — ученица одного из подваршавских лицеев. Среди своего ближайшего окружения ей удалось найти свидетелей тех событий, и это, несомненно, ее заслуга. Необходимо помнить о том, что польские Праведники народов мира не всегда охотно идут на контакт (об этом пишет в репортаже Павел Петр Решка). Иногда они молчат из скромности, иногда от страха перед антисемитизмом, очаги которого все еще тлеют среди нас. Чем больше таких молодых людей, как Анна Яворская, тем меньше шансов, что демоны вернутся.

Ред.

«Тот, кто спасает одну жизнь, спасает весь мир», — так написано в Талмуде. Эта цитата приобрела особое значение во время Второй мировой войны. Вторая Речь Посполитая была основным местом сосредоточения евреев в Европе, поэтому именно она была выбрана нацистами для реализации их планов. Необходимо добавить, что Польша также была многокультурной страной. Из 35 млн граждан 65% составляли поляки, 16 % — украинцы, 10% — евреи, 6% — белорусы, 2,5% — немцы.

Евреев ждало полное уничтожение, а поляков деградация до роли рабочей силы. 15 октября 1941 года губернатор Ганс Франк издал указ, согласно которому каждый поляк, который хоть как-то помогал еврею — прятал, делился едой, перевозил или не сообщил о месте укрытия — приговаривался к смертной казни. Еще одной формой наказания было сожжение домов, в которых скрывались евреи, вместе с семьей хозяев.

Несмотря на опасности и угрожающие последствия, людей, несущих помощь ближним зачастую под угрозой собственной жизни и жизни своих родных, было достаточно. За это самоотречение и смелость они были вознаграждены почетным званием Праведников народов мира, присуждавшимся с 1963 года иерусалимским институтом Яд Вашем. Раньше, кроме медали и диплома, Праведники имели право посадить собственное дерево в парке, окружающем институт, однако сейчас эта традиция прервалась из-за нехватки места. Более того, человек, признанный Праведником, удостаивается чести увековечить свое имя на мемориальной стене в Саду Праведников в Яд Вашем.

Институт также уполномочен присваивать звание почетного гражданина государства Израиль, а если Праведника уже нет в живых, оно присуждается посмертно. Диплом получили 25 685 человек, из них 6 532 — это поляки, в том числе Хелена Турчинская и ее семья. Эти люди несли помощь из чистой любви к своим ближним.

По профессии Хелена Турчинская была медсестрой, работала в Варшавском военном госпитале. В конце 1939 года вместе с мужем Болеславом и двумя дочерьми — Зосей и Вандой — они поселились в Брвинове. Помощь ближним была для нее чем-то очевидным и естественным. Каждый нуждающийся получал ее. «Мама исповедовала принцип: возлюби ближнего своего как самого себя и претворяла его в жизнь, хотя этим подвергала опасности нашу и свою жизнь», — вспоминала Ванда. Хелена была теплой и сердечной женщиной, а также необыкновенно смелой и смекалистой. Свою отвагу и великодушие она проявила во время оккупации. В Брвинове на Лесной улице кров обрели 24 еврея.

Дом семьи Турчинских был большим и удобным. На первом этаже было четыре комнаты, просторная кухня и ванная. В анфиладе было еще две комнаты, что впоследствии сыграло немаловажную роль. Еще три комнаты находились наверху — позже их заняли поляки, выселенные из-под Познани.

Первыми за помощью к пани Хелене обратились Вайсблатты. Это была известная семья в Брвинове. Они владели строительным складом, а также столярной мастерской, в которой изготавливали двери и окна на заказ. Именно у них Турчинские закупали материалы, когда строили свой дом на Лесной улице. Ванда вспоминает, что к Вайсблаттам ее часто водил дедушка. «Тогда я оставалась во дворе. Там же я и познакомилась с Адасем и Ежиком, сыновьями Вайсблаттов. Мы часто играли вместе в салки».

В конце 1940 года в дом Турчинских постучала Хая Вайсблатт с сыном Юзефом. Приближался срок отправки в гетто. Они попросили спрятать их. Хая Вайсблатт думала остаться у Турчинских ненадолго — пока остальные члены семьи не покинут Брвинов.

Мама посвятила домашних в свои планы. «Она тогда решительно заявила, что никто не должен об этом узнать, поскольку за это грозит смерть», — вспоминает дочь.

Через два дня Хая Вайсблатт появилась на пороге Турчинских перед самым комендантским часом, держа в руках картонный чемоданчик. Она стала первой еврейкой, которую они укрыли. Ее поместили в детскую и относились к ней как к члену семьи, а Ванда — младшая из дочерей — называла ее просто бабушкой. Хаи Вайсблатт удалось избежать отправки в варшавское гетто, но она очень скучала по своей семье. Через какое-то время, когда ее внуки вернулись из гетто, все они попали к Турчинским. Их предупредили, что бабушке лучше не рассказывать об ужасах жизни в гетто. Они сильно изменились. В напуганных, вялых, молчаливых детях невозможно было узнать тех мальчиков, какими они были до войны. Адась часто обнимал бабушку и плакал.

Чем дальше, тем сложнее становилась жизнь семьи Турчинских. Они все время опасались немцев, испытывали огромные трудности с продовольствием. Несмотря на все это, пани Хелена всегда находила решение. Еда делилась поровну между всеми живущими в доме.

Со временем начали прибывать все новые нуждающиеся в помощи евреи. Дома было организовано временное убежище. Дверь в последнюю комнату загородили шкафом, в задней стенке которого прорубили отверстие. Таким образом через шкаф можно было попасть в потайную комнату, в которой живущие у Турчинских евреи проводили целые дни.

В доме на Лесной улице начинало не хватать места, а евреи все прибывали. Кроме того, стало шумно. Пора было искать дополнительное место у близких — главным образом, у родственников и друзей. Брат Хелены, Вацлав, живший в семейном имении, согласился укрыть у себя небольшое количество человек. Так Хая вместе с мальчиками переехала в Юзефов близ Жирардова. Необходимо помнить, что в то время в деревне было безопаснее: можно было выходить из укрытия в поля и луга, а молока, яиц и хлеба было достаточно, иногда было даже мясо.

Транспортировку Вайсблаттов к новому месту доверили младшей дочери Ванде. План поездки разработала мама. Утром все вышли из дома на вокзал. Хая Вайсблатт, чтобы скрыть семитскую внешность, закуталась в платок — якобы у нее болят зубы. Все делали вид, что не знают друг друга. Маленькая Ванда купила билеты и, проходя мимо Вайсблаттов, незаметно раздала их. Прибыл поезд, все четверо сели в один вагон. Когда добрались до цели, Адась и Ежик страшно обрадовались. Мальчики почувствовали себя настолько свободно, что начали даже строить планы на будущее. Ванда с волнением вспоминает, как ей Адась тогда сказал: «Ванда, мы встретимся и съедим по булке с маслом и ветчиной и выпьем большую кружку какао». Через год в Брвинов из гетто вернулась мама мальчиков — Аля Вайсблатт. Она была крайне истощена, еле держалась на ногах, но, по словам Ванды, материнская любовь и страстное желание увидеть сыновей придало ей сил, чтобы добраться до Турчинских. В течение месяца она приходила в себя в доме Хелены, которая пыталась убедить ее, что в деревне мальчикам будет лучше, но Аля Вайсблатт не хотела покидать Брвинов, чтобы после окончания войны сразу же вернуться в свой дом на Рыночной площади. Живущая по соседству семья Венжовчик должна была Вайсблаттам крупную сумму денег, поэтому согласилась спрятать у себя бабушку Хаю с невесткой и внуками. Когда дети с бабушкой вернулись в Брвинов, то все переехали

к Венжовчикам, где разместились в подвале с небольшим окошком. Ванда только после войны узнала, что условия там были кошмарными. Вайсблаттам лишь иногда разрешалось покидать подвал, в котором не было пола, было ужасно влажно, холодно и темно. Спустя годы Адам Вайсблатт написал в своих воспоминаниях: «Маленькое окошко было окном в мир».

В доме Турчинских становилось все более людно и опасно. По этой причине, а также по инициативе Адека Дроздовича — друга семьи и Вайсблаттов — родилась идея создания очередного укрытия. В одной из комнат Адек с Болеславом вырезали фрагмент пола и выкопали яму. Землю выносили по ночам на ул. Лесную и соседнюю Спортову. Во внутренней стене проделали вентиляционное отверстие, в самом укрытии установили скамьи, на которых могло поместиться до десяти человек. Под полом прикрепили передвижной (на петлях) ящик, в который провели фрагмент канализационной трубы с краном. Вся эта конструкция изображала водопровод. Укрытие было так спроектировано, что в случае необходимости несколько человек могли организованно и быстро зайти внутрь. Открыв люк и опустив ящик, беглецы спускались в подпол, поднимали ящик и крепили его изнутри задвижками, в то время как люди снаружи клали обратно вырезанный кусок пола и ставили на это место диван. Новое укрытие вскоре сдало экзамен — спасло всех прятавшихся в доме и всю семью Турчинских от неминуемой гибели. «Однажды, это было утром, дома были мама, Зося и я, а также семь человек евреев. В проходной комнате сидели девушки из семьи Готельфов и чистили картошку. Заходя на кухню, я увидела в окно, как к дому подходят пятеро мужчин». Пока Хелена Турчинская открывала гестаповцам, все евреи успели спуститься в заранее заготовленное убежище. Ванда не успела задвинуть пол и только загородила вход диваном, на который села и принялась чистить картошку. В комнату вошли трое мужчин, один из них схватил маленькую Ванду за шею и втолкнул в комнату, где ее сестра Зофья играла на пианино. Девочек держал под прицелом гестаповец, который категорически запретил им двигаться. «Я была ужасно напугана, окаменела от страха, боялась шевельнуться», — добавляет Ванда Коломийская. В это время остальные гестаповцы обыскивали дом. Было слышно, как они переворачивают мебель, выкидывают вещи на пол и громко переговариваются.

«Не могу сказать точно, как долго это продолжалось. Для меня это была целая вечность», — вспоминает Ванда. Вскоре мужчину, стерегшего девочек, позвали, и немцы покинули дом Турчинских. Мама на всякий случай проверила сад, улицу и соседние дома, после чего вернулась и объявила евреям, что они уже могут выходить из укрытия.

После этого случая все жили в постоянном страхе, что подобная ситуация может повториться. Снова начали искать место у друзей и родственников. Часть подопечных переехала, часть осталась в доме Турчинских. Одновременно Хелена ходила к соседям Венжовчикам, у которых скрывались Вайсблатты. Они болели, мама носила им лекарства. До сих пор семьи не навещали друг друга, поскольку ее визиты могли обратить на себя внимание. В 1943 году Ежик умер на руках у Адася от туберкулеза, а в начале 1945 года, в январе, умерла их мать. После выхода из гетто она была очень слаба, а крайне тяжелые условия у Венжовчиков и смерть сына усугубили ее состояние. В конце жизни у нее появились симптомы болезни Альцгеймера. Это было уже после прихода Красной Армии. Ее муж, Юзеф Вайсблатт, погиб в гетто. Осенью 1945 года в Брвинов приехал его брат Самуэль, который уже более десяти лет жил в Париже. Тогда у Турчинских жила уже только бабушка Хая. Адась уехал в Берлин, но его целью была Америка. Он во что бы то ни стало хотел попасть к живущей там тете Лиле. Самуэль гостил на Лесной несколько дней. Он хотел вернуть большой участок на ул. Лесной, а также землю, на которой раньше стоял склад, однако все перешло в собственность государства. Квартиру заняли люди, которые предложили ему выкупить у них вещи его родственников. Ему удалось вернуть только фотографии. Год спустя Самуэль забрал Хаю. Адась Вайсблатт исполнил свою мечту и поселился в Америке. Там и женился. О прошлом и о войне никому не рассказывал.

Через много лет Адам нашел в себе силы и написал воспоминания — излил на бумаге то, что всю жизнь мучило его и чуть не довело до самоубийства. Те трагические события десятки раз рисовались в его памяти. Он описал нечеловеческие условия, царившие в гетто. Ванде воспоминания Адама передали его сыновья, а ее внучка перевела их с английского на польский. Несмотря на то, что Али Вайсблатт уже несколько лет нет в живых, семьи до сих пор поддерживают отношения.

Павел Петр Решка

СТРАХ

Из книги «Дьявол и плитка шоколада»

В Люблинском воеводстве церемония вручения медалей и дипломов «Праведник мира»[1] состоялась осенью в Бялой-Подляске. Со всего воеводства на нее приехало три семьи. Родственники Праведников мира. До этого две из этих семей уведомили по телефону израильское посольство: «Мы не желаем присутствия журналистов. Категорически».

Весной в Белостоке церемония вообще не состоялась. Семьи, которые должны были получить награду, решили, что дело не удастся сохранить в тайне. Медали и дипломы им выслали по почте.

О церемонии в Бялой-Подляске, однако, СМИ узнали. Ее описал корреспондент местной газеты «Дзенник всходни». Праведники мира очень осторожны. Ни один не назвал журналистам свою фамилию. Посольство Израиля тоже категорически отказывается предоставлять какую-либо информацию о персональных данных. Поэтому Праведников мира и их семьи разыскать очень трудно.

■ Медаль первая: «Уж я-то знаю»

Бяла-Подляска. Пятиэтажка в одном из районов. Дверь открывает брюнетка средних лет. Когда я прошу о короткой беседе, она глубоко вздыхает.

— Ну вот, — бросает раздраженно. — Я уже жалею, что все это проходило в Бялой-Подляске, нужно было в Варшаве получать диплом, никто бы нас не беспокоил.

Разговариваем в прихожей. Ее дед спас нескольких евреев. Она знает об этом лишь то, что сами спасенные рассказали историкам из Яд Вашем. Подробностями не делится.

Из комнаты выглядывает пожилая женщина:

— Послушайте, да кто все это помнит, дело было 150 лет тому назад!

— Но чего вы, собственно говоря, опасаетесь? — допытываюсь я.

— Уж я-то знаю, — парирует брюнетка.

Голос из комнаты:

— Заканчивай, наконец, этот разговор, а то у меня давление скачет!

Через несколько недель одна из этих дам отправляет в израильское посольство письмо с жалобой. Пишет с упреком, что я прямо спросил ее: «Сколько она заработала на медали?» Я такого не спрашивал.

[1] Праведники мира — почетное звание, присваиваемое Израильским институтом Холокоста Яд Вашем гражданам разных стран, которые, рискуя своей жизнью, спасали евреев в годы нацистской оккупации Европы — Примеч. перев.

■ Медаль вторая: Мол, будет выгода

Мендзыжец-Подляски. Сонный городок на дороге Седльце—Тересполь. Ухоженный двухэтажный домик в переулке.

— В больших городах по-другому, а Мендзыжец — это такая дыра, где все про всех знают, вот так-то, — пани Ханну (имя изменено) мой визит не радует. — А вообще, всякое можно услышать — один к евреям так относится, другой иначе.

Пани Ханна регулярно слушает «Радио Мария»[2].

— Но там я как раз ничего плохого о евреях не слышала, — категорически заявляет она.

Сидим в кухне. Муж на работе, она — медсестра на пенсии. Нервно переплетает пальцы.

— На самом деле, мы очень рады медали, — признается она. — Но это только для нас. Мы не хотим, чтобы кто-то из-за этого нами восхищался.

Во время оккупации родители ее мужа прятали в деревне неподалеку четверых евреев — мужчину и трех девочек. После войны спасенные дали о себе знать из Израиля.

— Мы всю жизнь тяжко трудились, — рассказывает пани Ханна. — Конечно, они очень милы, время от времени звонят, спрашивают, как здоровье, но на этом всё.

О них говорит скупо.

— Знаю, что одна женщина была медсестрой. А ее муж, кажется, работал бухгалтером. Может быть, приедут еще. Они у нас уже два раза были, но тайно, — объясняет она. — Не знаю, как бы соседки отреагировали.

Впервые со времен войны спасенные объявились в начале 90-х годов.

В деревню, где они прятались, пришло письмо с просьбой связаться с ними. Родители мужа пани Ханны уже умерли, а семей с этой фамилией в деревне несколько. Кто-то забрал письмо с почты. Оно гуляло по всей деревне, вызывая немало волнений.

— Двоюродный брат мужа увидел это письмо и приехал сообщить нам. А там уже из-за этого письма скандалят. Люди рассчитывали на какие-то деньги, что вот они ответят, и сразу, мол, будет какая-то выгода. А ведь все знали, кто прятал-то, — говорит пани Ханна.

Теперь в эту деревню они ездят только на могилы к родственникам.

— Я нередко слышу: «О, этот дом остался от евреев, вот приедут и отберут». Порой можно услышать такие неприятные слова, — жалуется женщина. — Даже такой слух очень долго ходил в Мендзыжеце — что один тип, состоятельный, и дети у него хорошо устроены, прятал евреев, а когда у них кончались денежки, выдавал их. Но, — замечает она, — мой свекор укрывал их не ради денег, ведь после его смерти свекровь просто бедствовала.

Дочь пани Ханны, некоторое время прислушивающаяся к разговору, поддерживает мать.

— Я горжусь тем, что моя семья помогала евреям, — подчеркивает она. — Но если родители не хотят об этом говорить, это их дело. Очень много зависти вокруг. Не знаю, как бы это восприняли окружающие. Я бы, например, боялась, что квартиру ограбят.

---

[2] «Радио Мария» — польская религиозная радиостанция националистически-католической направленности — Примеч. перев.

■ **Сначала сосед, потом немец**

Люблинский историк Роберт Кувалек почти 15 лет собирает у жителей Люблина и окрестностей сведения о временах оккупации.

— Страх этих людей меня не удивляет, — признается он. — Случается, что мои собеседники требуют указывать только инициалы или лучше вообще изменить фамилии. В местном сообществе эти люди неизвестны, либо о них не говорят. Этот страх идет еще со времен оккупации, когда поляки в первую очередь скрывали евреев от соседей, а уже потом от немцев. Сосед знал, кто здесь еврей, а немец нет.

— То, что каждый, прятавший евреев, должен был на этом заработать, конечно, миф, — считает Роберт Кувалек. — Он возникает из убеждения, что все, кто скрывался, должны были за это заплатить, и что у них были на это средства.

— Из Праведников мира в Польше сделали безымянную толпу, — добавляет он. — Создали из них ширму, за которой скрывается антисемитизм и пассивность. СМИ подчеркивают, что на наших соотечественников приходится наибольшее из всех наций число медалей Яд Вашем, но почти совсем не пишут о страхе Праведников мира, о том, что им приходилось терпеть со стороны не столько немцев, сколько собственных соседей.

■ Медаль третья: Почему вы пришли ко мне?

Коцк. Леонарда Казанецкая не могла сама принять диплом и медаль. Ей 97 лет, и она с трудом передвигается. Плохо слышит, но память у нее хорошая.

— Мне бы хотелось поговорить о евреях, которым вы помогли, — кричу я.

— Как помогли? Да просто получилось так, — энергично протестует старушка. — Мы жили в двух километрах от Коцка. Был второй день Зеленых святок. Вечером, но еще не стемнело. Смотрю, кто-то входит — один, второй, третий. Молодые парни. Вбежали в дом напуганные, мокрые все.

— Еврейчики! Откуда вы взялись?! А они: «Мы из гетто в Лукове сбежали». У одного отец держал лавку с тканями, у второго — пекарню, а у третьего — водой торговал. Одного звали Янек Гжебень, до войны он окончил в Коцке семь классов. Хорошо говорил по-польски, красивой наружности. Я им говорю:

— Столько домов вдоль шоссе, а вы ко мне пришли!? А муж вообще молчит. Они тогда заплакали. Тут я сразу их усадила, дала молока, пирога отрезала, как раз у меня удачный получился.

Поели они, и я им еще дала этого пирога на дорогу. Рада была, что они уходят. Один попросил топор, я дала им, и они ушли. Дня через два или три парни снова у меня. Теперь пила им нужна. А муж еще сказал им: «Помните, воровать нельзя, а то люди вас поубивают». И еще: «Если не будете есть горячей пищи, не выжить вам. Приходите ко мне два раза в неделю, получите горячее». Топор и пилу они потом отдали.

Была весна 1943 года. Евреи построили укрытие в километре от их двора. Сегодня Казанецкая уже не помнит, сколько раз их кормила.

— Я варила картошку, брала молоко и выносила им за сарай. Просила их, чтобы не приходили. Ой-ой, как они меня уговаривали, чтобы я не боялась, что они будут осторожны. А Гжебень Янек так меня полюбил, как будто я его мать, — бабушка улыбается.

— Раз пришел и говорит: «Мне мать приснилась. Погладила меня по голове и сказала, что я переживу войну. Что об этом ваша религия говорит?» — спрашивает. А я отвечаю: «Наша религия говорит, что мертвые всё знают, ты переживешь войну». И он обрадовался.

Когда пришла зима, ребята хотели перезимовать у них в хозяйственных постройках.

— Муж сказал: «Если вы придете ко мне ночью, то днем я убегу в Коцк. Я ведь тоже хочу жить».

Старушка знает, что не они одни помогали евреям.

— Спрашиваю как-то соседку: «Важенховская, были у вас эти еврейские мальчишки?» «Нет!» — отвечает. — Да были они у вас, говорили, что кофе у вас пили! — смеется Казанецкая.

У старушки нет ощущения, что она сделала что-то великое.

— По-другому нельзя было. Что ж — вышвырнуть их, прогнать, выдать? Как же это? — возмущается она. — Так католики не поступают.

После войны Ян Гжебень написал им, что служит в милиции под Люблином. Потом он уехал в Израиль. О Казанецких не забывал. Иногда присылал посылки.

— Однажды пришла посылка с апельсинами. Так начальник почты примчался к нам ночью, чтобы мы забрали апельсины и ему дали. Пришла родня, я всех угощала. А потом стали говорить: «О, смотрите, какой у них дом, апельсины раздают, на евреях разжились».

Как-то приехал его брат, другой раз он сам с женой и сыном.

— Белые волосы, прямо как у профессора, высокий, красивый, — восхищается пани Казанецкая.

Диплом и медаль «Праведники мира» от имени Леонарды Казанецкой получал ее родственник, доктор Ц. Он единственный, кто назвал фамилию журналисту местной газеты.

— Я повел себя достойно, — говорил он мне потом. Объяснял, что значительная часть местного сообщества не понимает идеи этой медали. Они бы поняли, если к ней прилагалась бы пенсия для Праведников мира или их родных. Он попросил об авторизации своего рассказа.

— Ну, хорошо, а о деньгах поговорим позже, — заключил он в конце.

— О каких деньгах?

— Я же, наверное, получу какой-нибудь гонорар за мой рассказ? — искренне удивился он. — Договоримся.

■ Трудная тема

— Праведников мира описывали и до сих пор описывают либо в социальном вакууме, либо в дружелюбном, патриотическом окружении, — утверждает историк Дариуш Либёнка.

— Тем временем, ситуация гораздо сложнее. Тема Праведников по-прежнему инструментализуется. Когда мы говорим о трудных польско-еврейских вопросах, например, о шмальцовничестве[3], разграблении еврейского имущества или масштабах безразличия, сразу приводится аргумент о впечатляющем количестве Праведников мира среди поляков. Пишут о Совете помощи евреям[4], но, в общем,

[3] Шмальцовник — человек, вымогавший выкуп у прятавшихся евреев и помогавших им поляков, или доносивший на них за деньги оккупационным властям — Примеч. перев.

[4] Совет помощи евреям («Жегота») — польская подпольная организация, существовавшая с 1942 по 1945 гг. и занимавшаяся помощью евреям в гетто и за его пределами — Примеч. перев.

о том, что происходило между поляками и евреями в провинции, куда не добиралась «Жегота», известно по-прежнему мало. Историки только начинают этим заниматься. Нужны образовательные программы, которые покажут всю сложность этого явления.

■ К чему это?

В люблинском Центре «Городские ворота — Театр NN» в 2003 году появился именно такой проект. Назывался он «Праведники мира — люблинский регион». Его результатом должна была стать база данных в интернете, содержащая рассказы людей, удостоенных медали. Планировалось так: «Собранные сообщения, записанные либо наговоренные воспоминания Праведников мира будут использованы как образовательные материалы — они донесут информацию о судьбах поляков и евреев во время Второй мировой войны, покажут убеждения людей, которые в трагическое время отважились противостоять злу, нетерпимости, антисемитизму».

— Я нашла адреса и фамилии 58 Праведников мира. Мне удалось связаться с 21 человеком. Это либо сами Праведники мира, либо их близкие родственники, — рассказывает Мажена Баум из «Театра NN». В конечном итоге она собрала 14 сообщений. Но только один человек согласился на публикацию под своей фамилией. Это был не Праведник мира, а еврейка, которая жила в Люблине и добивалась, чтобы люди, которые ее укрывали, получили награду.

— Когда я начинала этот проект, то знала, что могу столкнуться с нежеланием сообщать свое имя для общего сведения, но масштаб этого явления меня поразил, — признается Мажена Баум.

— Оставьте, к чему это, зачем сообщать фамилию: я не знаю, как отреагируют соседи, дети, к тому же, это было так давно — такие аргументы я слышала чаще всего. Поэтому мы на своем сайте опубликуем подробный текст, рассказывающий об идее медали, ее истории, приведем фрагменты рассказов, не называя имен. Я пыталась понять, откуда у этих людей такой страх. Думаю, на это могла повлиять история с массовым убийством в Едвабне[5] и то, каким образом в некоторых кругах интерпретировали это событие.

Согласно данным от января 2014 года, медали «Праведник мира» во всем мире удостоен 25 271 человек. Наибольшую группу составляют поляки — 6 454. База Праведников мира Центра «Городские ворота — Театр NN» открылась осенью 2008 года. Тогда же вышла книга «Свет в темноте. Праведники мира», содержащая 61 рассказ, касающийся помощи евреям в основном в Люблинском регионе.

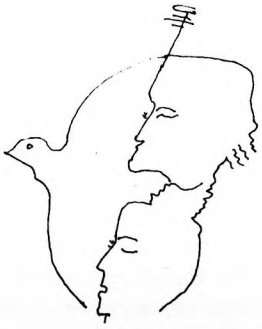
Через несколько лет после публикации моего репортажа все награжденные медалью согласились опубликовать свои фамилии. Отчего такая перемена? «Думаю, что в последние годы произошел перелом в нашем отношении к Праведникам мира, — объяснял мне Томаш Петрасевич, глава Центра «Городские ворота — Театр NN». — Этой темой занялись СМИ, заинтересовалась Канцелярия Президента РП. Все это привело к тому, что часть наших соотечественников наконец поняла, что оказанная евреям помощь — это не повод для стыда».

[5] 10 июля 1941 в городке Едвабне местные жители-поляки согнали полторы тысячи евреев — женщин, стариков, детей в овин и сожгли заживо — Примеч. перев.

Зузанна Гинчанка

Перевод Анастасии Векшиной

СТИХОТВОРЕНИЯ



Известия от неизвестных

В коммерческих письмах подписей круги и линии,
а в телефонных книгах нечитанные фамилии –
в библиотечных залах полки пестрят именами,
журналы полны объявлений, данных туда не нами
Взгляд в театре скользит по лицам незнакомцев,
и ни один пассажир в трамвае меня не запомнит.
(в коммерческих письмах подписей круги и линии,
а в телефонных книгах нечитабельные фамилии)

тно дназначе ька
е с е н л е
щ т р и е т
т ь п й м в окне вагона
и я все сильнее мечтаю о городах заоконных – .
о заоконных людях – людях с безвестных улиц,
с которыми наши пути неперекрестно схлестнулись –
тормоз рвани – и изменишь судьбы течение,
предназначение некоторых – побег от предназначения.

тно дназначе ька
е с е н л е
щ т р и е т
т ь п й м в окне вагона
и я все сильнее мечтаю о городах заоконных –)

о
д
и
н
о
к
о
й

а
н
т
е
н
н
о
быть – й – на плоской крыше вселенной

за мной неизвестные люди мечтают о современном – –
на спицы мыслей ловлю далекие сообщения
я все их люблю, как мир, ко всем мое сердце щедро
а мысли хотят уловить *новости* из глубины,
новости из глубины, что будут легко слышны
(за мной неизвестные люди мечтают о современном – –
о
д
и
н
о
к
о
й

а
н
т
е
н
н
о
быть – й – на плоской крыше вселенной – –)

(22 мая 1933 г.)

Мифология радости

Как Атлант на плечах дерзко держу свое небо –
ввысь себя продолжаю:
кислородом –
азотом –
паром –
барометр сердца кровь плавит серебром ртути,
меряет тяжесть счастий
ударами слов пульса;

но мне не ведомы цифры, вписанные в таблицу,
и не знакомы числа барометра давлений,
когда небесная тяжесть
в объятья мои
ложится,
и расцветают звезды соцветиями
сирени –

это совсем не просто –
нести собственное счастье,
радостно,
богохульно
не сломаться под небом,
– как Атлант на плечах дерзко держу пространство,
на синеве его солнце
чертит
дорогу
медью. –

(1 января 1934)

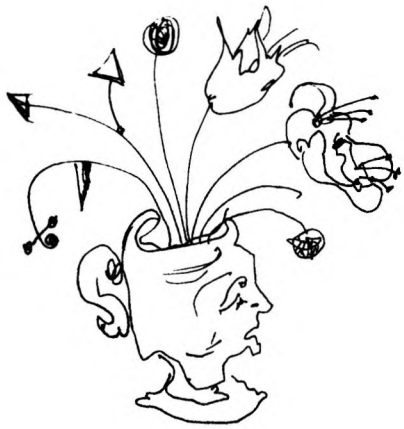
Гордыня

Мы были
в центре кругов
мы были
в центре вселенных
мы думали слово:
: «я»
закрыты им на засов
мой округ – округ центральный
с твоим не хочу сближаться:
мы были
в центре кругов,
делили нас
семь холмов – –

гордость круги расширяет,
гордыня распухла пышно,
– о круг на воде
озерной,
– о слава,
что все наполнит!
уже и волны не слышно
своей в далеком
разливе,
мы потерялись в наростах
как в городах бетонных.

о чем еще говорим мы,
как не о себе любимых?
что сами себе капитаны,
что родина нам – свобода
и наша стократная гордость.
о чем мы молчим?
о боли,
что врезается в череп ночью,
что в гордыне –
кругов –
огромных –
вместе с нами растет –
одиночество – –

(31 мая 1934)



Регата

В плотном смолистом ковчеге своих горячечных дней
я хлещущий нахлест потопа
и мир свистящий
миную –
из дальнего виража вывела гибких змей,
трогательных голубков
и жабу ледяную.

Крылатые символы космоса
лакированными клыками
вцепились в гривы зверей библейского ковчега.
О глупые слоны лени с сонными головами!
Орлиной гордыни когти внутри львиного меха!

Мир бьет о борт корабля своими железными волнами –
– там
темный
праздник
хаоса,
упрямство злого потопа –
– сколько нам ждать еще, пока долины наполнятся
гибкими яблонями в розовых папильотках?

– здесь же пахнет живицей
и краски блестят сильней,
спицы мартов сопрано вьются с альтами июлей.
В плотном смолистом ковчеге своих горячечных дней
я хлещущий нахлест потопа
и мир свистящий миную.

Дерзновенность

Встречают ржаных юношей пшеничные девушки нервные,
ангелы пахнут свежестью в своих астральных телах.
Знаю:
влипла в добро и в зло я
как в стократную трилистность клевера –
яблоки всех познаний звенят в лыковых коробах.

Как узнать мне дорогу
к Тебе,
заблудившись на снов перекрестках?
Столько раз голубые глаза черной ночью чернил мне день –
восемнадцать рыжих июней
не услышат,
крича,
вопроса –
восемнадцать зим не услышат зим седых и глухих как пень.

Бабьи теплые языки листья трут и сыплют слова на ветер –
алюминиевый змей фанатично вьет гнезда на древе рая.
Я не знаю, Господь,
где добро,
где зло –
мне всего восемнадцать на свете –
все суровей и строже,
все дерзновеннее
и мудрее
не знаю.

Пояснение на полях

Я не пришла
из праха
и не собираюсь
в прах.
Я не спустилась
с неба
и не пойду обратно.
Я сама себе небо
на стеклянных столбах.
Я сама как земля
что урожаем богата.
Я не бегу
ниоткуда
и не вернусь
туда.
Кроме себя самой другого пути не знаю.
Во вздутом легком ветра
и в сталактитах скал
я здесь
сама себя
развеянную
собираю.

Изольда Кец

ЗУЗАННА ГИНЧАНКА

Зузанна Гинчанка (1917—1944), польская поэтесса и переводчица.

Ее называли самой красивой женщиной Варшавы тридцатых годов прошлого века. «Она выглядела как Суламифь, — писал театровед и литературный критик Ян Котт. — Один глаз у нее был черный настолько, что радужка, казалось, закрывает зрачок, а второй — карий, с радужкой в желтую крапинку. Все восхищались ее стихами, в которых, как и в ее красоте, было что-то от персидской касыды»[1].

Зузанна Полина Гинцбург родилась 9 (15) марта 1917 года в Киеве. Спасаясь от октябрьской революции, мать и отец поэтессы — Цецилия и Шимон — переехали вместе с маленькой дочерью в Ровно на Волыни, где жила семья Сандберг, родители Целилии, которые держали магазин колониальных товаров на главной улице городка. Вскоре Шимон Гинцбург оставил семью и в поисках лучшей жизни эмигрировал в Америку, где его следы затерялись. Через некоторое время мать Зузанны также покинула Ровно — она снова вышла замуж и уехала в Испанию. Воспитанием девочки занялись дед с бабкой, в доме которых говорили исключительно по-русски. Но в Ровно, где были перемешаны национальности, культуры и обычаи, было нетрудно познакомиться с ровесниками-поляками, с их завораживающим Зузанну языком и авангардной, бурно развивавшейся с 1918 года поэзией. Будущая поэтесса сама решила выучить польский и из четырех гимназий города выбрала польскую. Именно здесь, в школьной газете, она в 1931—1933 гг. печатала свои первые стихи. Кроме этого официального дебюта сохранились две довольно объемистые тетради юношеских стихов Гинчанки. Это тексты эмоциональные, полные восторга от мира, веры в силу слова и собственные творческие возможности:

[1] J. Kott, *Przyczynek do biografii*, London 1990, s. 41.

Как Атлант на плечах держу свое небо гордо —
ввысь себя продолжаю:
кислородом —
паром —
азотом —
барометр сердца кровь плавит серебром ртути,
меряет тяжесть счастий
ударами слов пульса
«Радостная мифология»[2]

Во многих ранних стихотворениях Гинчанки звучит эхо поэтики Тувима, его словотворчества и этических поисков.

Но у молодой, непокорной поэтессы были и свои амбиции — выработать свой собственный, женский голос и переделать старый мир с его застывшими условностями, традиционными иерархиями и старосветскими обычаями. Она смело демонстрирует свою сексуальность и требует революции:

Мы требуем конституции, требуем права священного,
перед миром открыто признавать без смущения
что в нас бушует лимфа,
в слова облечь желания, идущие из сердца,
сказать, что есть и грудь у нас, а не только перси,
что женщина — не нимфа,
мы требуем конституции и прав ежедневных,
пора уже понять, что и мужчина — не евнух,
и мышц воспеть напор,
пора уже сознаться, что любовь людей кружит,
и выйти из-под кучи розовых кружев
в мир натуральных — норм!
«Бунт пятнадцатилетних»

В 1934 году Гинчанка под псевдонимом Сана (это была сокращенная форма ее имени, так ее называли домашние и сверстники) участвовала в поэтическом конкурсе эксклюзивного варшавского журнала «Вядомости литерацке» и была отмечена жюри за стихотворение «Грамматика», посвященное рефлексии над словом. Польским словом, пробуждающим в ней эмоции и вызывающим эстетический восторг, но требующим при этом глубокого понимания, сознательного осмысления и тяжелой работы мастера:

— а врастаешь в слова так радостно,
в них влюбляешься без труда —
берешь их в ладонь и подносишь к свету, словно бокал вина.
«Грамматика»

Однако, как кажется, важнее, чем внимание жюри конкурса, было для молодой поэтессы то, что ее стихи вызвали интерес самого Тувима! Именно после его уговоров Зузанна в 1935 г. переехала в столицу, где поступила на отделение педагогики Варшавского университета. Она сразу же покорила своим талантом, красотой и индивидуальностью местное артистическое сообщество — как признанных уже Скамандритов (к которым, кроме Тувима, принадлежали Казимеж Вежинский, Ян Лехонь, Антоний Слонимский и Ярослав Ивашкевич), так и незнаменитых тогда еще дебютантов (Гинчанка относилась к кругу верных друзей Гомбровича). В частности, благодаря этому успеху в обществе уже в 1936 г. в известном издательстве Пшеворского вышел ее первый и, как оказалось, единственный поэтический сборник под

[2] Переводы приводимых стихов выполнены по изданию: Z. Ginczanka, *Wiersze zebrane*, oprac. i wstęp I. Kiec, Sejny 2014.

названием «О кентаврах», удивительный своей зрелостью, жизненной мудростью, чуткостью к слову и ко всем, в том числе и недоступным непосредственному восприятию, оттенкам реальности. Самой яркой чертой этих текстов, бросающейся в глаза при первом прочтении, можно назвать укорененность в традиции европейской культуры: античной (как в заглавных «Кентаврах») и библейской. Гинчанка, однако, не верит безоговорочно давним историям, догматам и сентенциям. Она заглядывает под поверхность вещей. Спрашивает. Отрицает. Она ведет свои поиски подлинной сути окружающей ее действительности:

Густой беременный океан рычит под стеклянной коркой
розовомышцая пантера взрывает шелковый мех —
библейский божий кит пылающим жиром наполнен,
как божий библейский архангел на звездах струит свой блеск.

Видишь —
все потому.
Чернозем разрывает улицу.
Под каждой немой оболочкой скрыта петарда смысла.
Небо прожжется от звезд
как от горящих факелов —
Прилив и отлив влечений набухание времени вызовет.
«Содержание»

Доказательством любознательности поэтессы может служить замыкающее сборник стихотворение «Улов», построенное как диалог между Рыбачкой и Морем. Оба они являются представителями свободного от культуры мира природы, стихий, хаоса. Разница между ними касается возможностей познания: девушка уверена в том, что мир природы поддается рационализации и, следовательно, вербализации; ее собеседник, наоборот, стоит на стороне интуиции и догадок.

После публикации сборника «О кентаврах» Рыбачка-Гинчанка посвятила свои дальнейшие поэтические поиски работе над словом, углубляя тему роли поэта в большой истории. Например, дошедшая до нас только во фрагментах поэма «Ландшафты», в которой поэту, одетому во «фрезу и жабо», она противопоставляет гребца, «вооруженного» арфой — символ стражника заклятых событий прошлого в словах песни. Эти песни — и здесь уже речь идет о стихотворении «Современность» — обязанность поэта, живущего лицом к лицу с ужасной действительностью «разбитых палуб», «беспомощного экипажа», ученых, «чудных, как крабы», и творцов, «замолчавших от холода». Хотя девушка отдает себе отчет в том, что как поэтесса должна занять однозначную позицию перед лицом приближающейся катастрофы, она пока не может этого сделать или не готова отказаться от иллюзий, от жизни в разноцветном саду. В области поэтики этим «метаниям» соответствуют постоянные колебания между «шарманочным» стихом Скамандритов — регулярным, напевным, гармоничным — и визионерским, разрушающим регулярные структуры авангардным стихом, предвещающим скорую гибель, закат. Простейшим способом Гинчанка выразила эту дилемму, эти диссонансы в опубликованном перед самым началом войны стихотворении «Май 1939»:

Что-то должно случиться:
то я надежды полна,
А то по ночам не спится —
любовь грядет иль война.

Приметы войну предвещают:
кометы или слова.
Другие любовь обещают:
сердце, в круг голова.

Ночная комета блеснула,
дневная взошла звезда.

Любовной весной пахнуло!
Но нет, не любовь. Война!

Луна округлилась весенняя
и навеяла снов.
Весна, весна ты военная!
Но не война. Любовь!

Это двухголосие заметно и в сатирических произведениях, которые Гинчанка печатала в основанном в 1936 году юмористическом журнале «Шпильки». С одной стороны, участница веселых дискуссий и встреч в кафе пересказывала застольные шутки, сплетничала на тему шляпок подруг и графоманских стихов друзей, даже флиртовала с поклонниками, с другой стороны, эта исключительная красавица, Суламифь, Рахель, Звезда Сиона, на собственном опыте ощущала ненавистную антисемитскую охоту. Так в стихотворении «Охота» оказывается, что охотники «в порыве, достойном рыцаря и мужа», «с упорством муравья» в «гуще прошлого» и в «делах минувшего» ищут… «бабку-еврейку».

Предчувствиям и предвидениям катастрофы Гинчанки суждено было очень скоро сбыться. В июне 1939 года поэтесса уехала на каникулы к бабушке в Ровно, где ее застала война. Как только во Львове начали собираться убегавшие из центральной Польши писатели и критики (туда переехал Союз польских литераторов), Зузанна присоединилась к своим варшавским коллегам. Она поселилась в особняке на улице Яблоновских, принимала участие в общих предприятиях СПЛ, переводила стихи Павла Тычины, Владимира Маяковского, Армана Леруа де Сент-Арно. В польских культурно-общественных журналах («Нове виднокренги» и «Альманах литерацки») она опубликовала также два своих стихотворения — «Пробуждение» и «В битве за урожай». Оба, хотя не без обязательного влияния идеологии, были уже лишены и подросткового бунта, и катастрофического визионерства. Они были полны гармонии, понимания мира и согласия с ним:

Вот смотрю, пробудившись от видений кошмарных.
Из хаоса, рассеивая мглы и тайны,
В уме возникает мир простой и великий.
«Пробуждение»

Несмотря на все, что окружало ее и ее близких, несмотря на смерть бабки от сердечного приступа по дороге в лагерь смерти, несмотря на растущее одиночество, поэтесса героически верила в спасение.

Из текстов, которые она тогда писала, почти ничего не сохранилось. Друг Гинчанки Францишек Гиль признавал: «В то время ничего не сохраняли на будущее. Мы были слишком заняты сохранением жизни и не уберегли того, что могло продлить ее жизнь в другой, прекрасной форме»[3]. Подтверждением и одновременно опровержением этих слов, которые излучают страх и решимость в борьбе за выживание, может служить последний эпизод биографии Зузанны и тот след, который он оставил в ее последнем поэтическом признании. Дело в том, что в 1942 году поэтессе чудом удалось избежать ареста. После доноса хозяйки дома на улице Яблоновских она, благодаря помощи друзей, перебралась в Краков. В написанном тогда стихотворении Гинчанка не постеснялась упомянуть доносчицу, обвиняя ее напрямую, и после войны текст стал уликой в процессе против гражданки Хоминовой, на которой лежала часть вины за трагическую смерть польской Суламифи…

Non omnis moriar — вам все мои владенья,
Вам скатертей луга, шкафов моих твердыни,
Просторы простыней, постель на загляденье
И платья светлые вам оставляю ныне.
Наследника по мне не будет никакого.
Пусть вам достанутся еврейские вещички,
Тебе, доносчица, львовянка Хоминова,
Сынку-фольксдойчу, вам, — так шарьте же, ищите!

[3] Ф. Гиль, отзыв из частного собрания Юлиуша Виктора Гомулицкого, в архиве автора.

Пусть вещи служат вам, чужим отдать их глупо.
Не лютня вам нужна и не пустое имя.
Я помню вас, и вы, когда ходили шупо.
Вы помнили меня, с приметами моими.
Приятели мои пускай бокал подымут
В честь похорон моих и своего богатства:
Блюда, подсвечники, макаты и килимы —
Ночь напролет пусть пьют, с утра — за дело браться:
Камней и золота искать, нет ли чего-то
В матрацах и в тахте, в белье, в коврах настенных.
О, как пойдет кипеть в руках у них работа.
Конского волоса клубки, морского сена,
Из вспоротых перин, подушек тучи перьев
Им руки оперят, крылья они расправят,
Кровь моя слепит пух, что по квартире реет.
И окрыленных их вдруг ангелами явит.
«non omnis moriar»[4]

Помимо ироничной аллюзии к «Exegi monumentum» Горация, в стихотворении есть непосредственная отсылка к «Моему завещанию» Юлиуша Словацкого. Однако гордость художника и вера в вечную жизнь слова сменяются у загнанной поэтессы уже не только обвинением одной плохой женщины, но и горькой насмешкой надо всем, чему учило ее многовековое искусство: над гуманистическими идеалами единства человечества, над ответственностью за другого. Она сохраняет одно — совершенство поэтической формы. Той, которая прошла испытание столетиями.

«Даже если бы она оставила после себя только это одно стихотворение, это свое горькое «non omnis moriar», — написала Анна Каменская в 1974 году, — она уже им одним заняла бы твердое место в польской поэзии. Говоря словами Юлиуша Словацкого, карта польской поэзии «веки здесь будет плакать и слез ей не хватит»»[5].

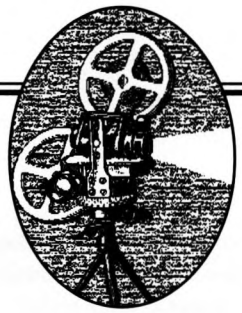
В Кракове Гинчанке не удалось укрыться от взглядов любопытных, алчных или трусливых соседей. Ее выдал гестаповцам кто-то из жильцов дома на улице Миколайской, где находилось ее последнее убежище.

Зузанна Гинчанка была расстреляна в самом конце войны — зимой 1944-1945 годов.

«Прошу тебя, — писал после войны Витольд Гомбрович Станиславу Пентаку, оба дружили с Зузанной еще в Варшаве, — напиши мне, когда и как умерла бедная Гина. Почему ты пишешь, что ее мучили? [...] Мне вспомнилось, как однажды на Мазовецкой, возвращаясь домой из «Зодиака», я объяснял Гине, что на эту приближающуюся войну надо обязательно запастись ядом. А она смеялась»[6].

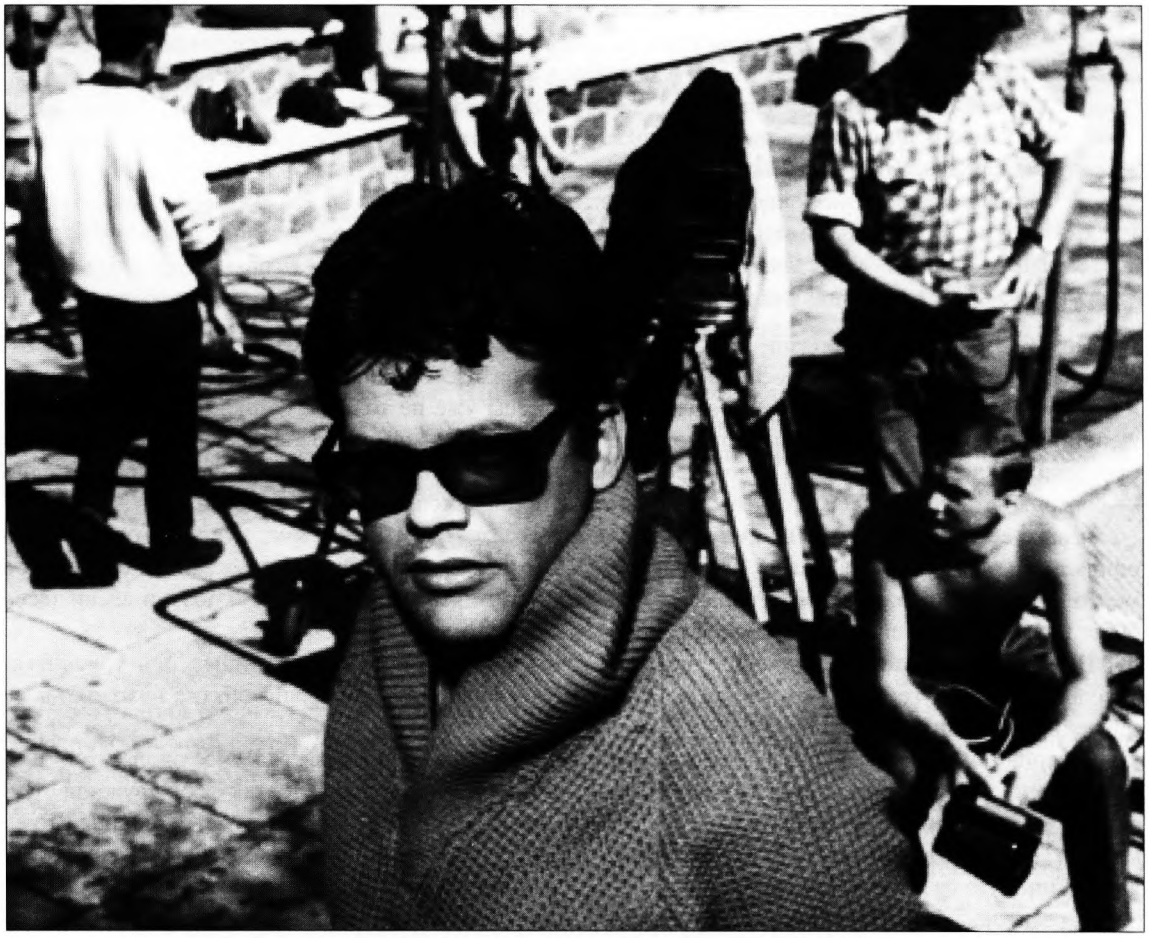
«Среди миллионов, уничтоженных немецкими палачами, она была точечкой, — такими горькими словами Каменская подытожила свои размышления о последнем стихотворении Гинчанки. — Среди сотен творцов польской культуры она стала нереализованной возможностью, болезненной, невосполнимой потерей...»[7].

[4] Перевод Натальи Астафьевой, в: Польские поэтессы. Антология. СПб, Алетейя 2002, с. 267.
[5] A. Kamieńska, *Testament ironiczny*, w: *Od Leśmiana. Najpiękniejsze wiersze polskie*, Warszawa 1974, s. 219.
[6] Из письма Витольда Гомбровича Станиславу Пентаку; корреспонденция из собрания Музея литературы им. Адама Мицкевича в Варшаве.
[7] A. Kamieńska, там же.



Дорота Карась

БУДИЛЬНИК НА МОГИЛЕ



В ночь со среды на четверг над Польшей бушуют метели. В Силезии снегоуборочные машины вязнут в заносах, поезда отправляются с опозданием. Непростые дни для железной дороги. Семафоры залеплены мокрым снегом. Приходится прибегать к помощи пневмоочистительных машин и даже огнеметов.

Метель прекращается в четверг утром, 12 января 1967 года. На вокзал в Катовице прибывает ночной поезд из Гданьска. На обледеневший перрон выходит группа молодых инженеров, архитекторов, врачей. В одном из чемоданов они несут большой будильник. Молодежь направляется к кладбищенской часовне неподалеку от вокзала.

Поезд Варшава—Катовице еще только трогается. В купе: Даниэль Ольбрыхский, Калина Ендрусик, Люцина Винницкая, Казимеж Куц, Александра Шлёнская, Густав Холоубек, в вагоне-люкс — партийные чиновники.

Накануне вечером телеведущий сообщил, что похороны известного актера Збигнева Цибульского, «польского Джеймса Дина», состоятся 12 января в Катовице. Он лишь не предупредил, что похороны будут двойные.

■ Поезд № 1

Збигнев Цибульский погиб четыре дня назад во Вроцлаве. Он снимался в фильме «Убийца оставляет след» режиссера Александра Сцибора-Рыльского. Легендарный Мачек Хелмицкий из «Пепла и алмаза» сыграл в нем мерзавца — главаря банды шантажистов в только что освобожденном от немцев городе. После гибели Цибульского роль озвучит Тадеуш Ломницкий.

В субботу Цибульскому позвонили из США. Его утвердили на роль Стэнли Ковальского в телевизионной постановке пьесы «Трамвай «Желание»». Американцы готовы заплатить сто тысяч долларов. Цибульский решил, что это шутка его друга, писателя Станислава Дыгата. Сам он мечтал сыграть Вокульского в «Кукле» режиссера Войцеха Хаса.

В воскресенье Збышеку нужно было в Варшаву, на утреннюю репетицию Телевизионного театра. Он все тянул с отъездом. Пошел на Рыночную площадь, в Клуб творческих союзов, популярное среди актеров место. Потом в гости к знакомым. Несколько раз собирался было идти на вокзал, но вновь и вновь откладывал этот момент. Збышек был с Альфредом Андрысом, другом, младше его на несколько лет. Наконец они вместе забежали в гостиницу «Монополь», взять вещи.

Экспресс «Одра» Вроцлав—Варшава подали на перрон в четыре утра. Пассажиры рассаживались по нагретым купе. Отправление поезда: 04.20.

— Когда такси подъехало к вокзалу, Збышек сказал: «Бегом!» — вспоминает Альфред Андрыс. — Я уже мчался по ступенькам, пока он неловко выбирался из машины, в дубленке и с несессером.

Когда они выскочили на пустой перрон, поезд трогался. Дежурная по станции, Веслава Гронд-ковская, только что дала сигнал к отправлению.

— Экспресс уже набирал скорость, и тут я увидела, как из подземного перехода выбегают двое, — вспоминает Веслава. — На перроне больше никого не было. Тот, что помоложе, раз — и запрыгнул, открыл дверь вагона. Я посигналила машинисту, чтобы тормозил. Но поезд еще двигался. Второй, в дубленке, соскользнул в щель между вагоном и краем перрона.

Как раз в этом месте была бетонная лестница вниз. Цибульский в своей дубленке застрял между еще не остановившимися вагонами и ступеньками. Железнодорожного врача вызвала по телефону дежурная. Когда подъехала «скорая», Цибульский, в сознании, лежал на перроне. «Альфа, не бросай меня», — шептал он Андрысу.

В больницу им. Ридигера его привезли уже без сознания, с серьезными травмами головы и грудной клетки. Реанимация не помогла. Время, указанное врачами в свидетельстве: 05.25.

В последние годы Цибульский много пил. Режиссеры опасались с ним связываться.

— На съемках последнего фильма Збышек вел себя ужасно, режиссер просто с ума сходил, — вспоминает Халина Добровольская, сценограф. — Съемочная группа была в бешенстве, его постоянно искали, потому что Збышек или напивался, или куда-то исчезал.

Альфред Андрыс: «Он был трезв, когда запрыгивал в поезд. У нас была договоренность — пить по очереди. В этот день «дежурил» Збышек, так что он не пил».

■ Награда

Хоронят тридцатилетнего актера в Катовице, хотя Цибульский никогда здесь не жил. Деятели Союза социалистической молодежи прикрепляют к гробу Золотой крест Яна Красицкого, хотя актер никогда не состоял ни в партии, ни в Союзе молодежи — молодежной пристройке к ПОРП. Янек Красицкий — польский коммунистический деятель, сталинский агитатор и герой советских пропагандистских репортажей.

Под звуки Траурного марша Шопена партийные бонзы подходят к катафалку с Офицерским крестом ордена Возрождения Польши. Это первая награда, которую получает самый популярный после войны польский киноактер.

■ Карта

Спустя почти полвека я брожу по Катовице с картой в руках. Что-то у меня не сходится. Я заранее начертила в тетради схему, обозначив улицы, по которым двигалась похоронная процессия за гробом Цибульского. Судя по ней, кортеж петлял, выбирая окольные пути.

Такие же схемы, только более подробные, поспешно рисуют за какой-нибудь час до похорон катовицкие партийные чиновники. Они собираются в специальном штабе. Подробно, до минуты, расписывают сценарий похорон. Сценарий утверждают Воеводский комитет ПОРП, Штаб армии и Служба безопасности. Маршрут составлен так, чтобы на пути кортежа не оказалось ни одного костела. Вот почему вместо того, чтобы отправиться на кладбище кратчайшим путем, траурная процессия спускается вниз, к вокзалу, а затем снова поднимается вверх.

Антоний Цибульский, юрист из Катовице, узнал о смерти брата в воскресенье утром. Ему позвонил Альфред Андрыс. Антоний едет во Вроцлав. На столах в больничном морге лежат покойники. Он приоткрывает одну простыню за другой, наконец находит тело Збышека. Вскрытие уже состоялось. Антоний принимает решение хоронить брата в закрытом гробу.

— Я хотел, чтобы Збышека запомнили таким, каким он был в жизни, — объяснит он потом журналистам.

Телефон в квартире на Черняковской, в Варшаве, зазвонил поздно, около девяти вечера. Эльжбета Хвалибуг-Цибульская помнит, что известие о смерти мужа ей передал посторонний человек. Не родственник и не знакомый.

— Я была в шоке: может, это глупая шутка? — рассказывает Эльжбета Хвалибуг-Цибульская. — Мне тут же позвонили из партии: Збышек должен быть похоронен на Повонзковском кладбище, на Аллее Заслуженных. Согласна ли я? Обещали памятник, почетный караул — кто-то уже занимался подготовкой. Но когда я приехала во Вроцлав, оказалось, что там ждет какая-то машина, и Збышека везут в Катовице. Странно, что никто меня об этом не предупредил. Когда я вернулась в Варшаву, те, из партии, выражали недовольство. А что я могла сделать, если мать хотела, чтобы был ксендз?

■ Молитвенник

Антоний Цибульский считал, что именно довоенный молитвенник убедил воеводские власти в Катовице дать согласие на похороны по католическому обряду. Молитвенник «Отче наш» был у Цибульского в несессере, с которым он запрыгивал в экспресс «Одра». Лежал рядом с пижамой, тапочками, туалетными принадлежностями, стопкой писем от приятельницы и игрушечным автомобильчиком с инициалами одной из возлюбленных.

За год до этого Альфред Андрыс и Цибульский были на похоронах актеров краковского театра «Розмаитости». Автобус, который вез актеров на гастроли, столкнулся, лоб в лоб, с другим, на котором ехали дети из Силезии. Погибли оба водителя и шесть человек из театральной труппы — в частности, Адам Фьют, с которым Цибульский снимался в фильме «Конец ночи». Похороны были очень торжественные: гробы стояли на сцене, по Плантам из громкоговорителей разносился голос актера, обращавшегося к покойным.

— Цирк, — фыркнул Цибульский.

Вечером они пришли на Раковицкое кладбище, ворота были уже заперты. Цибульский сунул сторожу деньги и попросил открыть. Постоял немного у могил коллег.

— Когда я умру, пусть меня похоронят рядом с отцом, — сказал он Андрысу.

Александр Цибульский, отец Збышека, умер два года назад и был похоронен на кладбище в Катовице. Он жил здесь с первых послевоенных лет, с женой Эвой и младшим сыном Антонием. До войны Александр работал в Министерстве иностранных дел в правительстве Юзефа Бека. Его жена Эва — из семьи Ярузельских, владевших крупной собственностью на Покутье, на границе с Румынией. Родственница генерала Войцеха Ярузельского. Они не общались. После войны Александр работал в угольной промышленности, Эва в банке. Оба были глубоко верующими и религиозными людьми.

Збигнев в костел ходил редко. Не только потому, что постоянно был в разъездах. Стоило ему появиться на службе, вокруг начинали шептаться: «Цибульский, Цибульский …».

Звездой польского кино он стал после фильма Анджея Вайды «Пепел и алмаз», который вышел на экраны в 1958 году. Он сыграл Мачека Хелмицкого: молодого аковца, который в первые послевоенные дни должен привести в исполнение смертный приговор, вынесенный Армией Крайовой местному секретарю Польской рабочей партии. Хелмицкий мечется между чувствами к девушке и необходи-

мостью выполнить приказ. Цибульский снимался в джинсах, военной куртке и темных очках. Вскоре на улицах появились молодые люди, одетые так же. В тридцать один год актер стал кумиром.

■ Проверка посещаемости

Похороны кинозвезды оборачиваются для властей головной болью. Особенно когда родственники начинают добиваться, чтобы церемония проходила по католическому обряду. Ясно, что на кладбище придут толпы народу. Государство не может отстраниться от траурных торжеств и допустить, чтобы состоялось только церковное погребение.

Сперва предполагалось, что этим делом займется Эдвард Герек, в то время всемогущий первый секретарь Воеводского комитета ПОРП в Катовице. Однако он перебрасывает груз ответственности на другую сторону площади Дзержинского — в Воеводское управление. Ежи Зёнтек, председатель президиума Воеводского народного совета, также умывает руки. Он передает дело своему заместителю, Станиславу Кермашеку.

В Катовице обивает пороги Антоний Цибульский. Ему удается добиться компромисса: похороны будут двойные. Утром — церковная церемония, в полдень — светская. В доказательство религиозности брата он повсюду демонстрирует молитвенник.

Одновременно ведет переговоры со священниками Эва Цибульская, мать Збышека. Церковь также не горит желанием устраивать похороны актера, который не был образцовым католиком. Власти на всякий случай требуют, чтобы до полудня, пока будет идти заупокойная служба, в катовицких учреждениях и школах особенно тщательно следили за посещаемостью. Зато рабочий день будет укороченным, чтобы организованные группы с предприятий могли принять участие в официальных похоронах.

■ Траурные процессии

Фотография, которая была напечатана в журнале «Пшекруй» через несколько дней после похорон, сделана откуда-то сверху. Возможно, фотограф высунулся из окна Дома радиомузыки, где в полдень началась государственная траурная церемония. Почти весь кадр занимают головы: в ушанках, меховых шапках, шляпах, платках. На первом плане видны твердые донышки фуражек военного оркестра и кивер шахтера, дудящего в валторну. Кортеж почти теряется в толпе. Такое ощущение, что это люди подталкивают его вперед. В последний раз город видел такое столпотворение в августе 1939 года, когда хоронили Войцеха Корфанты[1].

Под ногами снежная каша. Снег больше не идет, зато дует пронизывающий ветер. Первые ряды кортежа подходят к кладбищенской часовне на улице Французской в десять часов утра. Среди них молодые люди, прибывшие из Гданьска ночным поездом. Это члены труппы уже не существующего гданьского студенческого театра «Бим-Бом», которым Збигнев Цибульский руководил в середине пятидесятых годов. Актеры-любители хотели «накрыть столы любовью» — как в поэме Пабло Неруды, ставшей их манифестом. Они ставили спектакли, состоящие из коротких сценок: фонарный столб, поднимающийся в воздух перед парой влюбленных, которые не могут разнять рук; неприметный человек, который во время похорон, после ухода официальных делегаций, ставит на могилу друга будильник; статуя, которая обнимает расстроенного юношу. Их понимали зрители в Гданьске, Варшаве, Париже, Москве, Вене и Брюсселе. На театр, название которого было взято из «пыхтелки» Винни-Пуха, цензура закрывала глаза. Больше, чем «Бим-Бому», она мешала жить группе СТС, Студенческому театру сатириков.

Начинается первая траурная церемония. «Бимбомовцы» хватают гроб и по восьми скользким ступенькам выносят его из часовни. Впереди, высоко подняв крест, идут министранты в черных пелеринах с капюшонами. За ними четверо священников. Зеваки, еще не слишком многочисленные, стоят на тротуаре. Плеяда варшавских актеров, которым предстоит принять участие в государственной церемонии, только подъезжает к Катовице.

---

[1] Войцех Корфанты (1873–1939) — польский государственный и политический деятель, премьер-министр Польши (1922–1922), национальный лидер Верхней Силезии — Примеч. пер.

Заупокойная служба проходит в приземистом соборе Христа Царя, строительство которого закончено всего двенадцать лет назад. Во время оккупации это было невозможно из-за немцев. После войны власти не разрешали строить такой большой костел в центре города, требовали уменьшить высоту купола на сорок метров.

Среди двенадцати тысяч прихожан, которые едва помещаются в соборе, — функционеры Службы безопасности. Они записывают слова епископа Херберта Бедножа.

После службы гроб с телом Цибульского передают государству. Спустившись по улице на несколько сот метров, кортеж останавливается перед Домом радиомузыки. В почетном карауле — Яцек Федорович, Богумил Кобеля, Александра Шлёнская, Калина Ендрусик, Алина Яновская и Рышард Заорский. Делегации с предприятий входят в одну дверь, кладут венки и выходят в другую. «Бимбомовцы» дожидаются конца мероприятия в задней комнате. Их утешает Богумил Кобеля, тоже из «Бим-Бома» (через год он тоже погибнет в автокатастрофе).

Выражая свой протест в связи с похоронами актера Збигнева Цибульского по церковному обряду, «фанатики» грозят покинуть лоно Церкви.

У гроба вспоминает Цибульского Густав Холоубек: «Он был самым верным олицетворением всего своего поколения, и если бы на экране от нашего времени остался только он, мы бы знали о себе больше, чем из документальных хроник и ученых трудов». К словам актера прислушиваются жена и мать Цибульского. Они сидят в первом ряду, в почти одинаковых позах: левая ладонь подпирает щеку. Эльжбета закрыла волосы гладким темным платком. Эва прячет лицо за вуалью.

■ Рапорт

«Секретно. Информация о прошедших траурных торжествах в связи с трагической гибелью Збигнева Цибульского». Фамилию актера подполковник Пикула, функционер Службы безопасности, напечатал большими буквами.

Он сообщает, что уже 9 января мать Цибульского договорилась обо всех формальностях, связанных с похоронами по церковному обряду. Отмечает, что часть клира высказывалась критически: покойный не придерживался этически-моральных принципов и не выполнял свой христианский долг.

Пишет, что священники, тем не менее, достигли договоренности и решили воспользоваться ситуацией в интересах Церкви. Цель — пропаганда религии в актерских кругах и сближение людей искусства с Церковью, представление умершего истовым католиком и создание образца для молодежи. Он также уточняет, что процессию возглавляют четыре священника, тогда как с матерью была договоренность о двоих.

Подчеркивает, что в церковной процессии приняло участие 1500 человек, а в светской — 16 тысяч (согласно другим данным, пришло несколько десятков тысяч человек. Спустя годы станут говорить о нескольких сотнях тысяч). Отмечает, что «фанатики» из прихода Христа Царя, выражая протест в связи с похоронами Цибульского, который не был практикующим католиком, по церковному обряду, грозят покинуть лоно Церкви.

Прилагает стенограмму проповеди епископа Бедножа. Однако в архивах Института национальной памяти разыскать ее не удалось.

■ Серьезная радость[2]

Траурный кортеж занимает всю улицу. Люди повсюду — в окнах, на балконах, на верандах.

— Люди не только стояли и смотрели, многие шли за гробом, — вспоминает Зофья Червинская, актриса. — По всей ширине улицы. Давка была такая, что несколько человек потеряли сознание. В какой-то момент я оказалась в самом центре, пришлось выбираться наружу, я боюсь толпы.

Партийные чиновники удивлены, увидев у ворот кладбища священников. У открытой могилы опять звучат речи. Когда заканчивают говорить официальные лица, Служба безопасности поспешно отключает микрофоны. Священники к этому готовы — у них есть свои громкоговорители, обычно

[2] Название одного из спектаклей театра «Бим-Бом» — Примеч. пер.

используемые во время паломничеств. На катовицком кладбище на улице Сенкевича люди не умещаются между могилами, взбираются на деревья.

— Я видел висевшего на ветке человека в форме железнодорожника, — вспоминает Яцек Федорович, актер и сатирик, один из создателей «Бим-Бома». — До такого бы и Феллини не додумался.

Те, кто сзади, напирают на стоящих рядом с могилой: родных, знакомых, журналистов. В яму падают двое фоторепортеров и оператор катовицкого отделения Польской кинохроники. Пытаясь сдержать людей, «Бимбомовцы» берутся под руки.

— Столпотворение, — вспоминает похороны актриса Мария Хвалибуг, сестра Эльжбеты. — Хорошо, что мы с Элей оставили Мачека в Варшаве.

Свое имя Мачек Цибульский получил от героя «Пепла и алмаза». Ему было шесть лет, когда погиб отец.

— Кто-то, кажется, Куба Моргенштерн, кричал и ругался, парень, который стоял в цепи рядом со мной, в ярости отталкивал плечом напиравших сзади, и я вдруг узнал в нем Даниэля Ольбрыхского, с которым не был знаком лично. (…) Выйдя из кладбищенских ворот, мы с Ольбрыхским бросились бегом вниз по улице, наперегонки, что было сил, пытаясь сбросить напряжение этих часов, — вспоминал Мечислав Кохановский из «Бим-Бома» в книге «Серьезная радость».

Даниэль Ольбрыхский: «Мы встали цепью, иначе родных бы тоже столкнули в могилу. Не помню, чтобы я кого-нибудь ударил. Потом я такие толпы на улицах видел, когда Иоанн Павел II приезжал. А на похоронах — больше ни разу».

Вечером, когда люди уже расходятся, актеры возвращаются на кладбище. По очереди выпивают, остальное выливают на свежую могилу. Еще позже на кладбище приходят друзья Цибульского из «Бим-Бома». Ставят на могилу будильник, тот самый, который фигурировал в одном из спектаклей.

■ Поезд № 2

В поезде Варшава—Катовице стояла тишина. Люди сидели по своим купе. Калина Ендрусик обратилась к замминистра по культуре Тадеушу Заорскому: «Не знаю, отдаете ли вы себе отчет в том, что мы едем на похороны самого выдающегося поляка».

Заорский улыбнулся и пошел дальше.

На обратном пути в Варшаву, вечером, люди шумят и пьют. Замминистра по культуре — Калине Ендрусик: «Вынужден признать, что вы были правы».

Ольбрыхский на ходу открывает дверь поезда, высовывается.

— Я, как идиот, хотел привлечь к себе внимание, — вспоминает актер. — Меня пригласил в свое купе министр кинематографии. Поднял рюмку: «Ваше здоровье, Цибульский номер два». И тут я мигом протрезвел. Ответил, что даже деревья на одном месте не вырастают одинаковыми. Что уж говорить о людях.

Анджей Вайда не был на похоронах Цибульского, потому что находился за границей. Услыхав историю о двух поездах, он задумывается, не снять ли об этом фильм. И вскоре появляется «Все на продажу», его видение ухода знаменитого актера. Имя Цибульского в фильме не звучит. Даниэль Ольбрыхский произносит слова, которые сказал министру во время возвращения из Катовице в Варшаву.

В каждом купе говорят о Цибульском. Зофья Червинская: «Можно было идти по вагону и слушать. У каждого свой рассказ о Збышеке, единственный и неповторимый. Тема одна — исключительность нашей с ним встречи. Покойник ведь уже не сможет ничего опровергнуть».

ПЕРЕВОДЧИК ДОЛЖЕН ЗАБРАТЬСЯ ПОД ГРУЗОВИК

С Ежи Чехом беседует Анна Жебровская

— Как случилось, что доктор математики стал переводчиком русской литературы?

— Я переверну ваш вопрос: почему человек с литературными амбициями выбрал математическое образование? Все просто: был 1969 год, гнусное послемартовское время[1], я искал какое-нибудь аполитичное занятие. К тому же у меня была прекрасная учительница математики — вот и ответ. Математика дала мне то, что другим обычно дает философия — умение упорядочивать мир. И при этом мне не пришлось писать филологических трактатов типа «Мотив ноги в прозе Шульца».

— Твой идеал переводчика Тадеуш Бой-Желенский[2] тоже был не филологом, а врачом.

— Филолог — это, в соответствии с названием, тот, кто «любит слово»; в то же время многие филологи явно любят его без взаимности. Когда я читаю разные университетские глупости, то благодарю Бога, что знакомился с литературой по собственному усмотрению. Я многое себе позволяю, но это не бессмысленное разрушение традиции. Нет, именно ее знание и уроки, взятые у мастеров, придают мне смелость.

— Откуда у математика свободное владение русским языком?

— Тогдашние математики читали по-русски, потому что западные монографии отсутствовали, а в СССР их переводили, обходя авторские права. Школьником я ходил на советские фильмы — Эйзенштейна, Пудовкина; зал зиял пустотой, но приходилось это показывать, ведь была 50-я годовщина революции. В десятом классе я прочитал в оригинале «Мертвые души» Гоголя.

— У большинства наших сверстников антипатия к Советскому Союзу переносилась на отношение к языку.

— Меня это не обошло, впрочем, мамина семья не испытывала обычной у поляков неприязни к москалям. Бабушка была сестрой милосердия в царской армии, а дед, Вацлав Гедимин, родился под Минском, окончил гимназию в Игумене[3], и в его речи был заметный восточный налет. От него я перенял милое словечко «сволочь». Он покинул родные края с армией Довбор-Мусницкого[4] и вместе с бабушкой поселился в Новогрудке. В 1937 г. какой-то ангел подсказал им перебраться еще дальше, в Кросно.

Перед самой войной дед стал бухгалтером на предприятии Шейблера и Громана[5] в Лодзи. В начале сентября он послушался рокового призыва полковника Умястовского[6], чтобы все мужчины уходили на восток. Пешком он дошел до Буга, к счастью, не дальше. Бабушка была уверена в его гибели, когда он вернулся затем только, чтобы вновь переехать в Кросно и по дороге потерять все имущество в разлившейся Висле. У отцовской семьи тоже была своя сентябрьская одиссея: из Кросно они бежали во

---

[1] Речь идет о событиях марта 1968 г., когда после студенческих волнений в Польше начались гонения на интеллигенцию, сопровождавшиеся антисемитской кампанией — Здесь и далее примечания переводчика.

[2] Тадеуш Бой-Желенский (1874–1941) — польский театральный критик, переводчик французской литературы, литературовед и писатель, по образованию врач.

[3] Город близ Минска, теперь носит название Червень.

[4] Юзеф Довбор-Мусницкий (1867–1937) — генерал царской армии, отказавшийся в 1918 г. подчиняться советскому правительству. Часть подчиненных ему войск сумел вывести в Польшу.

[5] Крупная текстильная фабрика.

[6] Полковник Р. Умястовский, глава отдела пропаганды польского Генерального штаба, в сентябре 1939 г. в радиообращении призвал население Варшавы к эвакуации, что вызвало панику.

Львов, откуда потом возвращались через Сан и наткнулись на советский патруль. От путешествия в Сибирь их спасла продажность командира.

Отец окончил медицинский факультет в Ягеллонском университете, мама — английскую филологию в Познани, так как деда снова понесло на Запад. Она знала несколько языков и интерес к литературе передала мне «в генах». Дома у нас был «Онегин» в оригинале — я прочитал его, как только узнал буквы. Мой отец, как уроженец Галиции, не слишком любил «русаков», но обожал Чехова. А позже мы купили телевизор и всей семьей смотрели экранизации русской классики, например, юморески Чехова с Тадеушем Ломницким и Мечиславом Павликовским в главных ролях — я знал их наизусть.

— Первые твои переводы — это начало 80-х, песни Окуджавы и Высоцкого.

— Вначале я перевел десятка полтора стихотворений с французского, послал их в журнал «Твурчость» и получил милое письмо от главного редактора Ежи Лисовского. Очень гордый собой, я воспользовался приглашением Земовита Федецкого[7] и привез в редакцию «Диалог у телевизора» Высоцкого. Редактор не оставил от моего труда камня на камне. Я вернулся взбешенный, послал ему довольно резкое письмо, и наши контакты на какое-то время прервались. Потом, однако, мы жили дружно.

— Ты простил болезненный урок?

— Чтобы стать хорошим переводчиком, нужно осознать, что ты пока всего лишь любитель, а пан Земек помог мне преодолеть границы любительства. Начинающие бросаются на самое трудное, вроде песен русских бардов. Например, язык Окуджавы выдержан в легком разговорном стиле, а его польские переводы написаны слишком высоким слогом. Как и те мои, с которыми я дебютировал как переводчик. Сейчас я не отдал бы их в печать, как и стихи Верлена, которые Лисовский поместил в свою антологию. Но, помимо критики, полезно и одобрение. Меня поддержала проф. Анна Джевицкая, филолог-романист, несколько позже — Анджей Дравич[8].

— Нужно ли учиться переводу? Может быть, достаточно хорошего знания языка и интуиции?

— Нужны особые способности, однако недостаточно сказать: «Хоть не хвалюсь я нисколько, талантлив я, да и только»[9], нужно учиться. Я до сих пор учусь. Вопрос только, у кого. Уж точно, не у теоретиков перевода, в конце концов, музыковеды ведь не обучают игре на инструменте. Помимо Федецкого, моим наставником был Адам Поморский[10]. А больше всего дало мне знание отечественного творчества, не только классики, но также кабаре, песен.

— О переводчиках говорят, что это литераторы, которым не повезло в собственном творчестве. Ты в 80-е годы был лучшим поэтом, чем переводчиком.

— В седьмом классе я прославился как автор пасквиля на директора школы, который я переделал из «Редута Ордона»[11]. Во времена «Солидарности» я дебютировал сатирической поэмой «Человек из бетона»[12] об Альбине Сиваке — кто сегодня вспомнит этого продвигаемого партией анти-Валенсу! Я пережил триумф, люди переписывали это с профсоюзного стенда на кольце в Познани. Во время военного положения я подпольно выпустил под псевдонимом томик с двумя циклами стихов: «В памятный год» и «Стишки против красного». Половину тиража — составлявшего две тысячи экземпляров, сегодня в это трудно поверить — я перевез из Варшавы в Познань в сумке, теряя сознание от страха и тяжести.

— Ты писал тексты для Пшемыслава Гинтровского[13]: «Ваша милость, народ не изменишь,/ Ведь умом здесь не принято брать./ Но никто лучше нас не умеет/ Так красиво и вдрызг проиграть»[14].

---

[7] Земовит Федецкий (1923–2009) — польский славист и переводчик русской, белорусской и французской литературы.

[8] Анджей Дравич (1932–1997) — литературный критик, эссеист, знаток, энтузиаст и переводчик русской литературы, прежде всего — неподцензурной и неофициальной.

[9] Цитата из песни Ежи Штура «Петь может каждый».

[10] Адам Поморский (р. 1956) — историк литературы, эссеист, переводчик.

[11] «Редут Ордона» — стихотворение Адама Мицкевича, посвященное обороне Варшавы от русских войск в сентябре 1831 года.

[12] В названии намек на известный фильм «Человек из железа» А.Вайды. «Бетоном» в Польше принято называть консервативные круги, противящиеся всему новому.

[13] Пшемыслав Гинтровский (1951–2012) — польский композитор и музыкант.

[14] Отрывок из песни Пшемыслава Гинтровского «Маркграф Велопольский» на стихи Ежи Чеха.

— Из них возникла программа «Камни» об исторических личностях, но звучала она актуально, касаясь отношения людей к поражению (подразумевалась «Солидарность»). Программа должна была исполняться в варшавском театре «Атенеум» с участием Кристины Янды[15], которая уже пела «Юдифь»[16] на Конкурсе актерской песни во Вроцлаве. Цензура запретила премьеру. Потом «Камни» утратили актуальность и стали шпаргалкой для старшеклассников. Зато цензорша, которая их загубила, прекрасно устроилась в новой ситуации. Отсюда претензии Гинтровского к свободной Польше, бардом которой он был в тяжкие времена, а значит, имел право ожидать какой-то благодарности.

— В последние годы жизни Гинтровский встал на «смоленскую» сторону[17].

— Он всегда видел мир только черно-белым, а реальность ведь серая. Наверное, поэтому он не понимал «Велопольского», в котором по-своему правы обе стороны — и маркграф, и народ. Я сохранил благодарную память о Пшемеке, ведь, хотя «Камни» и не принесли мне известности, на которую я надеялся, но дали уверенность в том, что я могу сотрудничать с самыми лучшими. Подумай только: провинциальному преподавателю звонит сама Кристина Янда и просит изменить текст, потому что стесняется петь, что она красавица!

— Ты еще и русский поэт, недавно в Самаре издали книгу твоих стихов.

— Мои стихи становились всё короче, пока совсем не исчезли. Отечественная мартирология мне наскучила, так что я посвятил себя исключительно переводу. Меня начали приглашать в Россию. Я решил, что было бы неплохо иметь что-то для декламации, и перевел свои старые миниатюры, которые назвал «стихами однократного употребления». С тех пор я сразу пишу их по-русски.

— Профессиональным переводчиком тебя сделала перестройка.

— Первыми на перестройку отреагировали поэты — лавиной гротескных стихов, нашпигованных самыми разными цитатами: от классики до всенародно известных песен. Российские литературные издания публиковали обэриутов, ранее запрещенных и убитых. Я начал собирать том прозы и стихов Даниила Хармса «Пейте уксус, господа». Печатали поэтов самиздата, которые не боролись против власти, а напоминали нашу «Оранжевую альтернативу»[18]. Я добыл размноженные на машинке сборники Дмитрия Пригова, поэта, графика, перформера, выдающейся личности; потом я много лет переводил его. Он изображал советского дурачка, но был невероятным эрудитом. Его пророчество о народах Гибралтара, которые сбросят оковы и возвратятся в российскую отчизну, сегодня соотносится с путинской экспансией. Когда я читаю это на авторских встречах, зрителям в зале становится не по себе.

— Публика принимает эти условия игры?

— Охотнее, чем т.н. знатоки, ко всему применяющие одни и те же инструменты и беспомощные перед новыми способами существования поэзии. О «Пасторали» Игоря Иртеньева я прочитал, что она «жизнеутверждающая», хотя автор как раз выставляет на смех весь этот возвышенный стиль: «Вот стадо гонит молодой подпасок, во рту его златой сияет зуб».

— Критикам ближе, скорее, традиция Станислава Баранчака[19]?

— Баранчак тоже писал «Биографиолы»[20] и стихи о зверушках. Их хвалили, но даже сам он не относился к ним серьезно. Наша поэзия не использовала тех возможностей, которые дает постмодернизм. В России по-другому: Дмитрий Пригов, например, не безделицы писал на полях серьезного искусства, он так высказывался. Лев Рубинштейн помещает фразы, строки, абзацы на обороте библиотечных карточек и принимает такую карточку за единицу — вместо строфы. Всеволод Некрасов повторял в стихах отдельные слова, присматривался к ним, как будто ни одному не доверял. Генрих Сапгир

---

[15] Кристина Янда — знаменитая польская актриса театра и кино, прозаик, кинорежиссёр.

[16] Песня из репертуара Пшемыслав Гинтровского на стихи Ежи Чеха.

[17] Имеется в виду поддерживаемая руководством партии «Право и справедливость» теория, согласно которой российские службы замешаны в катастрофе польского правительственного самолета под Смоленском 10 апреля 2010 года.

[18] «Оранжевая альтернатива» — подпольная анархистская группа, позднее — хэппенинговое движение, действовавшее в нескольких городах Польши, главным образом во Вроцлаве, в 1980-х годах.

[19] Станислав Баранчак (1946–2014) — польский поэт, переводчик, эссеист.

[20] Шутливые стихотворения Станислава Баранчака, посвященные известным личностям и литературным героям.

каждый сборник писал в иной поэтике, например, выпустил стихи, в которых не заканчивал слов, читателю нужно было догадываться. Я познакомился с ними в 1993 году, во время первой поездки в Москву, через несколько лет у меня был материал для книги, но мои герои по-лесьмяновски «друг за другом стали умирать»[21] и не дождались ее выхода.

— «Эффект превзошел все ожидания» — написал после публикации критик Петр Кофта.

— Несмотря на это, книга осталась незамеченной. Может, оно и к лучшему, представляю себе те бредни, которые понаписали бы в противном случае. Меня, в свою очередь, «не восхищает» то, что теперь считается в Польше поэзией, и я поделился этим в статье «Поэты с ограниченными возможностями». Теперь поэтический истэблишмент не признает меня, я не признаю его, так что у нас ничья.

— Зато все, кто ходит в театр, видели «Мертвую царевну» или «Мурлин Мурло» Николая Коляды, знают имена Василия Сигарева, братьев Пресняковых, Марии Ладо, Виктора Шендеровича.

— Как говаривал пан Заглоба[22], «И, не хвалясь, скажу, что это сделал я». Хотя я вовсе не театрал, в течение двух лет я был литературным руководителем Польского театра в Познани. Этим я обязан Павлу Шкотаку[23], который поставил спектакль по моим переводам Хармса. А когда дирекция театра предложила Шкотаку поставить русскую пьесу, я подсунул Николая Коляду.

Мне запала в душу «Мертвая царевна», я перевел ее, а потом еще пять пьес. Это было для меня одной из самых трудных задач, но в то же время моя работа стала свидетельством расцвета таланта Коляды. «Мурлин Мурло» поставили у нас в десяти театрах. Но, к примеру, в Кракове пьесу сделали мрачной. Тогда как мрачную действительность, которую она представляет, удается вынести благодаря черному юмору, который я, конечно же, сохранил. Однако режиссер, не жалея сил, поменял все, что было смешного, и поставил трехчасовую драму.

К двум переведенным мною пьесам Коляды до сих пор никто не притронулся, не знаю почему. Одна в моем переводе называется «Хлюпанье белых чаек», в оригинале тоже было искаженное название песни[24], но ее в Польше не знают, поэтому я обратился к старому шлягеру Войцеха Млынарского[25], изменив «топанье белых чаек» на «хлюпанье».

— Что на это сказали переводоведы?

— А это уже их проблема, переводчикам пьес или фильмов хорошо известно, что иногда лучше не делать ничего силком и вместо «Some like it hot» дать название «В джазе только девушки». Я умещаюсь в границах понятия «перевод», но для театра одни правила, а для документальной прозы другие. Реалистическое описание — это одно, а стилистическая фигура другое — нужно обратиться к тому, что известно зрителю. Когда автор ссылается на Пушкина, я использую отечественную классику, и потому у моего Тимура Кибирова появляется цитата из Мицкевича.

— В свое время возмущались, что Земовит Федецкий изменяет пуэнты[26] в песнях Высоцкого.

— Федецкий участвовал в создании СТС[27] и знал: то, что хорошо на одном языке, может быть неудачным на другом. Переводчик поэзии обладает немалой свободой, а насколько большой, я убедился еще в начальной школе — в хрестоматии у нас была чешская песенка «Ten náš pes skákal dnes, skákal také včera», а рядом ее перевод: «Наш Полкан вчера скакал и сегодня скачет». Прошли годы, и я уже не удивлялся, читая: «Иоанна, что в мужской одежде гнала отряды англичан», хотя Вийон писал о «Жанне, доброй лотарингке, которую англичане сожгли в Руане».

«Джон Ланкастер Пек» Высоцкого — это пародия на советский шпионский роман. В переводе я сохранил сюжет, но изменил детали, обратившись к «Ставке больше чем жизнь»[28]. Благодаря этому перевод стал таким же гротескным, как оригинал. Если автор писал смешно, то читателей надо развеселить.

---

[21] Цитата из стихотворения Болеслава Лесьмяна «Воспоминание».

[22] Персонаж романа Г. Сенкевича «Пан Володыевский».

[23] Павел Шкотак (р. 1965) — польский театральный режиссер, директор Польского театра в Познани.

[24] Речь идет о пьесе Н. Коляды «Чайка спела…» («Безнадега»).

[25] Войцех Млынарский (р. 1941) — польский поэт, переводчик, исполнитель авторской песни, режиссер

[26] Пуэнта — острая, неожиданная концовка рассказа, стихотворения.

[27] Студенческий театр сатириков — варшавский кабаре-театр, действовавший с 1954 по 1975 год.

[28] Польский шпионский сериал 1967-1968 годов.

Клоун в цирке не может рассказывать, что шутка иностранная и в оригинале она была смешной.

— Знакомая театровед утверждает, что ты не понял теории Станиславского и потерял в переводе некоторые важные понятия.

— А вот практики, такие как Майя Коморовская[29] или Кристиан Люпа[30], перевод хвалили. «Работа актера над собой» Станиславского считалась в Польше вещью герметической, поэтому руководство Государственной высшей театральной школы, желая облегчить жизнь студентам, заказало мне новый перевод. Я быстро понял, что чтение затруднено не архаичным языком, а самим автором, который очень хотел, чтобы его книга была более «научной». «Что бы вы сделали в предлагаемых обстоятельствах искусства и роли?» — спрашивал он актеров. Представь себе, что экзаменатор спрашивает кандидата в водители: «У вас порвался клиновидный ремень. Что вы будете делать в предлагаемых обстоятельствах дороги и движения?». Нормальные люди так не говорят! Я убирал многословие, делал сокращения, то есть выполнял работу за советских редакторов, которые не осмеливались править мэтра.

— Некоторые из переведенных книг ты подписал псевдонимом. Ты стыдишься, что переводишь детективы?

— Плохие — да, но хорошие детективы Бориса Акунина ввел в польскую литературу именно я, хотя в течение года не мог найти для них издателя. Мне понравился Фандорин — русский Шерлок Холмс с японским слугой вместо доктора Ватсона. Перевод таких вещей порой труднее, чем «серьезной» литературы. В «Детской книге» малолетний правнук Фандорина переносится во времена Лжедмитрия вместе с компьютером, который переводит древнерусский язык на современный. Чтобы читатель поверил в необходимость этого компьютера, мне пришлось сотворить что-то действительно непонятное, напоминающее средневековый польский язык.

— Ты обратился к «Богородице»[31]?

— К «Магистру Поликарпу»[32], впрочем, я черпал из разных произведений, не только средневековых. Речь ведь идет о стилизации, а не о воспроизведении старинной речи. Вийон у Боя-Желенского тоже не средневековый, он просто прекрасно таковым притворяется. Моего языкотворчества в «Кыси» Татьяны Толстой не заметил никто, ведь популярной литературе не придают значения. Но если читатель не видит проблемы, это хорошо: таковы победы переводчика.

— Назови несколько книг, благодаря которым можно понять Россию.

— Когда-то я спорил с Павлом Герцем, который говорил, что Россию не следует оценивать по ее писателям, иначе она покажется лучше, чем есть на самом деле. Сегодня я признаю его правоту. У русских великолепная культура, но это совершенно не отражается на качестве государства. Можно восхищаться поэтами, однако чары рассеются, стоит войти в российское учреждение, чтобы что-то оформить. Это анахроничная страна, мыслящая категориями минувших веков. Строй, по сути дела, не изменился со времен Петра Великого. Есть царь, есть народ, и между ними нет промежуточных ступеней, которыми на Западе являются гражданские институты. Петр I перенимал разные вещи из Европы, но все это немного Кунсткамера, собрание диковин, вне органичной связи с жизнью страны. Русские сбрили бороды, начали курить табак, писать прекрасную литературу, но… что из того?

«Мои» авторы не поддались имперскому исступлению, да только они представляют собой меньшинство. Книга Светланы Алексиевич «Время секонд-хэнд» как нельзя своевременна — однако стоит ли этому радоваться? Мы думали, что русским нравится то же, что и нам, оказалось — это не так. Распад тоталитарной империи они сочли упадком нации. Теперь вздыхают: «Мы жили в великой стране». В Польше никого не обрадуешь рассказами о том, что мы «зеленый остров»[33], если это не

---

[29] Майя Коморовская — известная актриса польского театра и кино.

[30] Кристиан Люпа (р. 1943) — польский театральный режиссёр.

[31] «Богородица» — самая старая религиозная польская песня, зафиксированная на письме и самый старый дошедший до нас поэтический польский текст.

[32] «De morte prologus», или «Разговор магистра Поликарпа со Смертью» — памятник польской средневековой поэзии XV в.

[33] Распространенное сравнение, подчеркивающее прочное экономическое положение Польши во время нынешнего экономического кризиса.

приносит пользы ему лично. А русские способны многим пожертвовать ради величия государства. Они говорят: «Тогда нас боялись» — и отождествляют это с уважением.

— Переводчик — это всегда фигура второго плана?

— Да, несмотря на все слова о его великой роли. Но, как говорил Антоний Слонимский, «Вильдман не ребенок»[34]. Выбрав перевод, не жалуйся, что не стал знаменитостью. У моей профессии есть иные достоинства, она напоминает актерство, благодаря которому можно почувствовать себя кем-то другим, пережить чужую судьбу; вот с чем встречается переводчик. Я многое понял, вошел в другие миры, не только литературные, познакомился с прекрасными людьми, такими, как Светлана Алексиевич, Геннадий Айги, Асар Эппель, приобрел друзей. Впрочем, нужно быть открытым ко всем человеческим делам, а не только к интересным. В «Гроздьях гнева» Стейнбек битых три страницы посвятил описанию ремонта старого грузовика. Почему? Потому что он был спасением для семьи Джоудов; если бы брат Тома не починил его — они бы пропали. Когда читаешь это, видно, что автор сам лежал под такой машиной и все в ней знает. Для переводчика описание тоже не может быть скучным, он должен забраться под этот грузовик.

— «Воспоминания» Надежды Мандельштам — это бесценный источник информации для тех, кто интересуется поэзией и вообще русским Серебряным веком.

— Но в 80-е годы для нас самым важным было свидетельство о жизни при тоталитаризме, анализ человеческого сознания, того, как люди обманывают себя, желая приспособиться к действительности, или просто надевают маску, чтобы выжить. В этом отношении трудно назвать более важную книгу, а механизмы порабощения, как оказывается, неуничтожимы. Конечно, именно желание донести это знание до широкой аудитории стояло за решением Анджея Дравича сократить текст, хотя с литературной точки зрения это сущее варварство. Но когда я сравнивал его вариант перевода со своими, то со стыдом убеждался, что он обычно был ближе польской идиоматике. Видимо, его поколение сильнее «погружалось» в польский язык, чем мое, так что я часто корректировал в этом духе свой перевод. Вызовом стали и примечания. Это отдельное искусство, которым я занимаюсь совершенно бескорыстно, так как лаконичное примечание труднее написать, чем длинное, порой это требует многодневных поисков. Тогда до меня дошло, что чудовищная система убила не только Мандельштама, но и большинство его преследователей — их либо расстреляли, либо они расстреляли себя сами, как Фадеев.

gazeta WYBORCZA.PL

Ежи Чех (р. 1952) — переводчик, поэт, публицист. Доктор математических наук, в прошлом деятель «Солидарности». Переводит русских писателей, поэтов и драматургов разных эпох — от Чехова, Хармса, Гроссмана и Солженицына до Лимонова, Акунина и Алексиевич; недавно он перевел «Воспоминания» Надежды Мандельштам. Лауреат литературной премии «Гдыня» в категории «перевод» — за антологию «Я влез на пьедестал. Новая русская поэзия» (2013).

[34] Антоний Слонимский (1895–1976) — польский поэт, драматург, литературный критик. В своих «Варшавских воспоминаниях» описывает сцену борьбы в цирке, когда публика с галерки стала требовать от побеждавшего атлета отпустить своего соперника Вильдмана. Тогда поднялся судья и успокоил публику словами: «Господа, Вильдман не ребенок!».

Павел Бем

Перевод Ирины Адельгейм

РУССКИЙ КРУГ ЧТЕНИЯ ВОЙЦЕХА СКАЛЬМОВСКОГО

Войцех Скальмовский относился к числу авторов парижской «Культуры», которых особенно ценил Ежи Гедройц. Об этом свидетельствует не только богатая библиография его текстов, опубликованных на страницах журнала, но и восхищение, выраженное непосредственно в письмах Редактора. Именно Скальмовскому Гедройц доверил написать об «Архипелаге ГУЛаг» и об одной из важнейших для Редактора книг в истории литературы — воспоминаниях Надежды Мандельштам. Тексты Скальмовского о русской литературе побуждали Гедройца к оценкам для него нехарактерным — в письме от 9 февраля 1974 года он писал: «Дорогой пан Войцех, только что получил Ваше эссе «Архипелаг». Вы заставляете меня делать то, к чему я за долгие годы редакторской карьеры не привык — осыпать Вас комплиментами. Статья и в самом деле превосходна. Она представляет читателю книгу и автора ясно, объективно и лаконично, что не только ценно само по себе, но неизмеримо редко встречается в польской эссеистике». Месяц спустя у Гедройца появляется новый повод для восторгов — 6 марта он пишет: «Дорогой пан Войцех (…) Я нахожусь в столь взбудораженном состоянии, что уже не помню, сообщил ли Вам о своем восхищении статьей о Набокове. Она действительно блестящая — Вы становитесь в «Культуре» звездой первой величины».

Скальмовскому принадлежала идея компендиума по русской философии, который он планировал создать для парижского Литературного института. Гедройц эти планы одобрил: «Проект создания такого компендиума по русской философии для польских читателей мне очень нравится. В этой области мы наблюдаем чудовищное невежество, при том, что интерес к России в молодом и среднем поколении растет. Думаю, нужна большая книга, и готов подождать, пока Вы сможете этим заняться. Мне кажется, в данном случае предпочтительнее, чтобы работа вышла под Вашей фамилией, а не под псевдонимом. Понадобятся ли Вам какие-либо тексты? Если да, то, пожалуйста, пришлите список, а я постараюсь их раздобыть» (19 октября 1972). К сожалению, книга в «Библиотеке «Культуры»» так и не была издана.

Остался нереализованным и другой «общий» замысел Гедройца и Скальмовского, возникший в середине 1970-х годов. В целях улучшения польско-российско-украинских отношений Редактор планировал создать небольшой специальный научный центр, который сосредоточил бы исследовательские усилия на объективной оценке истории. В марте 1975 года он писал Чеславу Милошу: «Я наблюдаю такие залежи невежества в области польско-российско-украинских отношений, что этим стоило бы заняться. Мечтаю создать небольшой — всего несколько человек — центр в Гарварде. Ведь там находятся Институт Укр[аинистики], Русский исследовательский центр. Они могли бы выделить ставку для рус[ского] или укр[аинского] историка. Хуже всего обстоит дело с поляками: кто будет платить?»

В августе Гедройц поделился этим замыслом также со Скальмовским: «Как Вы знаете, занимаясь российскими и украинскими проблемами, я давно мечтаю создать польско-российско-украинский исторический центр для объективного изучения взаимных отношений, поскольку во всех перечисленных странах они чудовищно искажены. Лучший пример — «Из-под глыб» Солженицына, а ведь эта работа была написана из лучших побуждений и с несомненной симпатией к Польше. Такой центр должен иметь хороший научный уровень, и следует все тщательно продумать, что не всегда свойственно эмигрантской среде. Вне всяких сомнений, самое подходящее место — Гарвард, где существует крупный центр русистики под руководством Адама Улама. Есть, кроме того, украинский центр [...], прекрасно финансируемый из средств [...], собранных украинцами [в] С[оединенных] Ш[татах] и в Канаде. Не вижу возможности создать там польский центр, поскольку польская эмиграция в смысле жертвенности [...] — не украинская. Так что единственный выход — ставка для польского историка в украинском центре» (2 августа 1975).

▲ Войцех Скальмовский (слева) и Ежи Гедройц

Инициативу Гедройца «неожиданно более чем положительно» воспринял директор гарвардского украинского центра Омельян Прицак, который предполагал совместить ее с продвижением своего учреждения. Редактор предлагал Скальмовскому поехать в Гарвард в качестве представителя «Культуры» и одновременно кандидата на место польского исследователя. Было решено, что он также встретится со Збигневом Бжезинским, который с самого начала положительно отнесся к идее создания центра. Очевидно, ответ Скальмовского был отрицательным — в одном из писем Редактора мы читаем: «Ваше письмо меня чрезвычайно огорчило, [...] ведь я так надеялся и по-прежнему хочу надеяться на Вашу поездку в США. Дело создания исторического исследовательского центра я считаю первостепенным: после российской декларации и его появления я смогу умереть спокойно. [...] Итак, я рассчитываю, что Вы все же не откажетесь — хотя сознаю, насколько это для Вас обременительно. Понимаю, что украинцы Вам скучны: по правде говоря, мне они не только скучны, я их терпеть не могу. Но нужно разыграть эту карту, чтобы в будущем иметь на Востоке хоть какую-то альтернативу» (6 сентября 1975).

Чтобы финансировать ставку польского сотрудника будущего центра, Гедройц планировал объявить сбор средств, желая избежать зависимости от фондов «даже самых доброжелательно настроенных украинцев». К сожалению, вскоре, по неизвестным причинам, планы, связанные с созданием центра, а также поездкой в Штаты, были приостановлены — как нам представляется, Скальмовскому это оказалось только на руку. Идея Гедройца не осуществилась, хотя письма Редактора свидетельствуют о том, что она касалась не только польско-российско-украинских отношений: «Быть может, в будущем — если дело пойдет — удалось бы расширить интересы центра на Литву и Беларусь. Если этот замысел будет реализован, я смогу умереть относительно спокойно».

Ниже мы публикуем фрагменты статей и писем Войцеха Скальмовского, дающие представление о его эрудиции в области русской литературы, читательских предпочтениях, отношении к конкретным русским писателям и взглядах, связанных с историей России.

■ Надежда Мандельштам

Надежда Мандельштам — хранительница реальности по эту сторону колючей проволоки, в мире, однако, не менее «ином», нежели тот, что поглотил Осипа Эмильевича — по его собственному определению, «последнего эллинско-христианского поэта» России. «Воспоминания» порождены чувством долга: сверхчеловеческого ощущения, что белые пятна на карте времени должны быть заполнены, и это единственный способ противостоять небытию. В них нет ничего «мелкого» — какой бы смысл мы ни вкладывали в это определение: «Воспоминания» — не обычный дневник «вдовы знаменитого человека», не личное подведение итогов и даже не жалобы обиженного человека. Нет никаких сомнений, что эта мудрая, чуткая женщина была по самой своей природе далека от жизненных мелочей, но страдание наделило ее отстраненностью и покоем Ниобеи, не обратив при этом в камень. (...) Ее книга — подобно ее жизни — суть римской сентенции (а Рим и Средиземное море были для автора «Разговора о Данте» колыбелью и источником человеческой цивилизации tout court): «Navigare necesse est, vivere non est necesse»[1]. Мысль, стихотворение, опыт — даже самые страшные — все это должно быть сохранено, поскольку человеческая цивилизация (в отличие от нечеловеческой) есть продолжение, наследование. (...) Это забота о том, чтобы не утерять ничего из случившегося на самом деле, не допустить разрыва целого.

(...) «Воспоминания» неизменно заставляют вспомнить Солженицына: в них звучит та же нота человечности высшей пробы, осуждение мира столь же осознанно и опирается на нерушимое понимание малости и величия человеческой души. Схожа даже писательская техника: «Воспоминания» тоже «полифоничны», то есть каждый возникающий в них персонаж — самостоятельная драма, а не статист. Это касается даже предметов. Рассказ Надежды о корове сродни повествованию Солженицына: для заключенного северных лагерей иметь или не иметь валенки — вопрос жизни и смерти, от этого зависит его отношение к власти, товарищам по несчастью, собственной совести; зэк, у которого есть валенки, еще человек, ибо у него есть шансы выжить; без них он обречен: и многие таким образом обращались в животных, ведомых на бойню… (...) Книга Надежды Мандельштам столь же бескорыстна, сколь бескорыстна была поэзия ее замученного до смерти мужа (...)

***«Воспоминания» Надежды Мандельштам**, «Культура» 1971, № 6*

Трудно заключить эту книгу [«Вторая книга»] в какую-то одну формулу. Можно увидеть в ней автобиографию, документ эпохи, повествование нового де Кюстина, комментарий к истории русской литературы, моральный трактат или антологию мрачных баек. Блестяще написанная, она плохо поддается оценке в парадигме литературных категорий, обладает не стилем, но характером — причем такого масштаба, что остается лишь склонить голову. (...) Полувековая мозаика приобретает колорит и пластику живого воспоминания благодаря неподвластным времени чувствам: боль, гнев, нежность, горечь, симпатия, презрение, восхищение и пренебрежение придают блеск этой на первый взгляд шершавой, сдержанной прозе. «Истлевших» слов не существует.

***«Вторая книга» Надежды Мандельштам**, «Культура» 1972, № 11*

■ Федор Достоевский

Я немного читал Достоевского и о Достоевском и был поражен анахроничностью его главного приема, то есть исповеди как кульминационной точки романа. Все окружающие персонажи вовлечены в это, потрясены и выслушивают бесконечные жалобы и самообвинения отвратительнейших типов вроде Мармеладова и пр. До чего же это отличается от сегодняшней традиции — пожалуй, более реалистической: современная психологическая проза говорит о противоположной проблеме: люди захлебываются собой, но им не с кем поговорить, никому это не интересно, и просто так никто слушать не станет.

***Из письма Войцеха Скальмовского Славомиру Мрожеку**, 22 июня 1972*

---

[1] Плыть необходимо, а жить нет необходимости (лат.).

■ Владимир Казаков

Хотелось бы познакомить читателя с российским дадаистом Владимиром Казаковым; прилагаю несколько его коротких текстов, которые я наскоро перевел из книги под названием «Мои встречи с Владимиром Казаковым» (...) (Относительно) молодой человек, родился в 1938-м, живет в Москве, пишет с 1967/68 года — это «футуристическая» линия (Хлебников, Введенский); как видите, напоминает «Зеленого гуся» Галчинского и отчасти Гомбровича. Думаю, имеет смысл напечатать несколько его текстиков: они забавны, а кроме того, стоило бы привлечь внимание — в частности, в Польше — к этому самиздатовскому течению, не собственно политическому, но спонтанному и совершенно не соцреалистическому.

***(из письма Войцеха Скальмовкого Ежи Гедройцу**, 24 февраля 1973 г.)*

Владимир Казаков — сознательный и страстный продолжатель дела российского футуризма. (...) Его гротеск черпает силу из контраста и безусловно осознанной дистанции по отношению к официальному — и неофициальному — современному российскому искусству. Другими словами, это явление оригинальное и свежее.

***Скальмовский о: В.Казаков, Мои встречи с Владимиром Казаковым**, «Культура» 1973 №7-8*

■ Владимир Набоков

Владимир Набоков (...) — безусловно самый выдающийся, наряду с Солженицыным, из ныне живущих российских писателей; по мнению многих — также американских; по мнению некоторых — самый выдающийся из ныне живущих писателей вообще.

(...) Если можно говорить о единстве тематики Набокова, то ее суть в том, что Хвистек назвал многообразием реальности. Пользуясь его собственной метафорой: реальность склоняется здесь на все лады. Набоков — не «идеалист», какой бы смысл мы ни вкладывали в этот термин, и его образы реальности (мир эмиграции, Америка в более поздних романах) более сочны, чем в произведениях программно реалистических. Но как писателя Набокова интересуют прежде всего возможности этого «склонения на все лады»: его творчество представляет собой своего рода парадигму состояний бытия. Эта несколько туманная метафора призвана подчеркнуть две вещи: что деформация является здесь последовательным «склонением на все лады», а не произвольным вымыслом, а также, что «лады», подобно «грамматическим формам», многозначны, подразумевают многообразие контекстов, наделяющих их смыслами. (...) Принцип «склонения» касается, в частности, человеческих отношений, и этим объясняются сексуальные аберрации большинства героев Набокова. В многообразии его образов реальности программно (просто-таки провокационно) отсутствует авторский указующий перст: это негодяй, это плохо, это мне нравится и так далее. Что, однако, не означает отсутствия иерархии. У автора имеется четкий критерий, хотя используется он, подобно бесчисленным аллюзиям, пастишам и пародиям, без пояснений, в расчете на тонкость, созвучие читательского восприятия. Этот негативный упорядочивающий критерий по-русски называется «пошлость». Набоков подталкивает своих читателей к русскому языку с той же спокойной уверенностью в себе, с какой Монтень подталкивает к латыни, слово «пошлость» он использует в качестве непереводимого технического термина (...) Выявление «пошлости» в различных составах реальности можно считать центральной идеей Набокова (...) «Пошлость» технической цивилизации — экран, на котором вспыхивают фейерверки «Лолиты», «пошлость» тирании — фон «Приглашения на казнь» и в еще большей степени — «Под знаком незаконнорожденных». Процент «пошлости» в человеческой душе — принцип иерархии в мире Набокова.

***Владимир Набоков [К 75-летию со дня рождения]**, «Культура» 1974, № 4*

Я, разумеется, читал в свое время «Лолиту» и уже тогда ощутил этот вкус, но больше ничего раздобыть не смог; потом все забылось; и вот несколько лет назад я получил для рецензии книгу Набокова о Гоголе — причем по-голландски, и, тем не менее, то откровение вновь всколыхнулось во мне; после этого я прочитал все, написанное им и о нем, что удалось достать. Я пошлю тебе копию своей статьи о Набокове для «Культуры» (...) Я старался привести все важные факты с миссионерской целью хоть нескольких человек в Польше заинтересовать Набоковым; говорить о литературе без него — все равно что рассказывать о мире, не имея представления о США. (...) Его собственная автобиография — тоже блестящая (...) Какова его повседневность? Он живет с женой в отеле в Монтрё в Швейцарии («Палас Отель», на берегу озера, жутко дорогой, у H. suite на последнем этаже, с балконом и видом на озеро); несколько месяцев назад я видел передачу по французскому телевидению — его об этом спрашивали, он ответил, что да, это решение многих бытовых проблем, и потом, он недостаточно богат, чтобы воссоздать для себя страну своей молодости — нельзя купить себе кусок России такой, какой она была. Не помню подробностей, но было в этом какое-то великолепное «все равно», убийственное презрение ко всей «новой эпохе»; Набоков говорил, например, не «революция», а «большевистский *coup d'etat*[2]» (впрочем, очень справедливо), а также «Петербург», а не «Ленинград». (...) Аристократ, будто из восемнадцатого века. То, что Набокову не дали Нобелевскую премию, компрометирует Нобелевский комитет, а не его. При всем том — нередко озлобленный, несправедливый, мелочный — но тоже: капризно-невольно. Всех трех «признанных», тобой перечисленных (Т. Манн, Фолкнер, Достоевский), называет графоманами, особенно Манна и Достоевского. (...) Величайшими писателями считает Шекспира, Пушкина, Гоголя. Прочитай его книгу о Гоголе, это блеск. Прочитай кроме того — или в первую очередь — хоть частично, его комментарии к переводу «Онегина»; это волнующее чтение. Разумеется, я не знаю его работ о бабочках, но говорят, это такой научный уровень, какого иному профессору биологии хватило бы на целую «хорошо прожитую жизнь». Набоков открыл в Америке новый вид бабочек и написал об этом стихотворение, из которого следует, что именно это он считает своим величайшим успехом (поскольку бабочка названа его именем, и это останется навеки, подобно открытому острову или горной вершине). Фигура и в самом деле демоническая; и одновременно — верный и преданный муж: в 1925 г. он женился в Берлине на еврейке, Вере Слоним (ее брат — довольно известный славист). Русский аристократ — и жена-еврейка, отсутствие комплексов, заставляющих демонстрировать свой «либерализм», выставлять напоказ или скрывать — все это тоже высокий класс. Думаю, что депрессиями он не страдает — хотя, насколько я знаю, пьет как лошадь (где-то я прочитал, что у Набокова есть сделанный на заказ хрустальный бокал, в который входит целая бутылка бургундского). (...) Да, он и Солженицын. Когда Солженицын еще жил в России, Набоков в каком-то интервью обронил: «этот ваш Солженицын теперь…» — так что я был уверен, что встречаться они не станут, хоть и живут в часе езды друг от друга. Солженицын рядом с ним — все равно что «силачка» Жеромского рядом с Клавдией Шоша из «Волшебной горы». Водопроводчик, чье присутствие жизненно необходимо, поскольку лопнула труба — и граф, который приказывает прислуге перенести вещи в другую резиденцию, поскольку лопнувшая труба мешает важным делам. «Внутренний суверенитет» — вот какой термин пришел мне в голову, когда я писал статью о Набокове. Другое дело, что и Солженицын обладает суверенитетом — в сущности, не его вина, что сравнение вышло таким; дело скорее в том, что времена окаянные. Это проблема — и решения я не вижу. (...) Я сравнил Набокова с Гомбровичем — само напрашивается — но, знаете ли, пространство Польши (после разделов) — и пространство России; что-то в этом есть. (...) Что ж, наговорил я тут всяких разностей, но это увлекательная тема. Существование таких людей! Вопрос, возникающий по ходу дела: сколько людей подобного формата пошло под нож в послереволюционной России? Должно быть, много, это следует хотя бы из статистики, страна ведь большая, а они играли более заметную роль в культуре, чем, например, американцы, где многие гении идут в бизнес; в России существовала «элитарная» традиция, согласно которой карьера (в тривиальном смысле) — дело неблагородное;

[2] Государственный переворот (фр.).

другими словами, я думаю, что не будь революции, мировая литература выглядела бы иначе. Даже эта русская литературная эмиграция была блестящей, о ней мало знают — Набокову-то исключительно повезло с этим дополнительным талантом писать по-английски; есть такой писатель Алданов, тоже очень хороший — его немного переводили, но меньше, чем Набокова. Кроме того, масса поэтов.
***Из письма Войцеха Скальмовского Славомиру Мрожеку**, 22 IV 1976*

■ Александр Солженицын

(...) Солженицын — во всяком случае, с моей точки зрения — писатель уровня Достоевского или Толстого, и эта книга [«Архипелаг ГУЛаг»] останется, что бы ни произошло — не дай Бог! — с ее автором. Есть книги, которые оказывают влияние на историю (такова — хоть и дурно написанная — «Хижина дяди Тома»). Не исключено, что подобная судьба ждет «Архипелаг».
***Архипелаг**, «Культура» 1974, № 3*

■ Николай Бердяев

Он обладал талантом и литературной культурой, так что писал хорошо. На фоне топорной советской прозы и интеллектуального примитивизма, неизбежно сопутствующего тоталитарному режиму, чтение Бердяева подобно глотку горного воздуха после прокуренного кабака — и если даже горы всего лишь нарисованы, это дело второстепенное. Я считаю, что это одна из причин интереса к нему в «неофициальной России». Главная же причина, разумеется, — тот факт, что Бердяев принадлежит к числу отечественных классиков нравственной рефлексии. Можно, однако, задаться вопросом: каков вес этой философии «вообще»? Какую она имеет ценность в пространстве мысли внероссийской? Здесь мнения расходятся, и я могу изложить лишь свою точку зрения. Я не питаю пристрастия к иррационализму, поскольку считаю его позицией обезоруживающей, а потому вредной — но одновременно полагаю, что человечество было бы значительно беднее в области метафизических теорий, если бы их создатели — в момент создания — не верили в них сами и не пожертвовали ради этой веры всем, включая здравый смысл. Метафизика же — при условии, что мы не трактуем ее как знание о фактах — имеет определенную ценность: это современная мифология, причем слово «мифология» лишено здесь пренебрежительной коннотации. Подобно поэзии, она является собранием потенциально востребованных аллегорий, а абстрактный характер нередко позволяет ей проникать дальше и глубже, чем поэзии. Она дает опору мысли, которой прежде недоставало универсальной, всечеловеческой формы. Метафизические теории обогащают человеческий *univers du discours*[3] не только в силу того, что являются набором готовых, потенциально востребованных иллюстраций, но и просто самим своим существованием: заполняя пустые места в дискурсивном пространстве, они заставляют человека двигаться дальше в заданном направлении или менять его.

В качестве примера этой ценности метафизики можно — невзирая на неоромантический пафос подобного сопоставления — привести уже известный нам образ расширяющегося Бога-Космоса, стремящегося к полной реализации своей потенциальной разнородности посредством человеческого творчества. Этим образом мы обязаны Бердяеву, и в слове «обязаны» уже заключается часть ответа на вопрос, дал ли он что-то миру.
***Философия Бердяева**, «Культура» 1975, № 1-2*

Вижу, что наши мнения по поводу «Земли Ульро» [Чеслава Милоша] совпадают. (...) Метафизическое брюзжание — в сущности, вызывающий раздражение эгоизм и самомнение, словно у из-

[3] Универсум рассуждения (фр.).

балованного ребенка. Не самого Милоша, а скорее всех этих авторов «метафизических смыслов»: я так важен, что в этом должна участвовать вся Вселенная! Еще Набоков заметил, что в слове «космический» буква «с» имеет тенденцию выпадать в самый неподходящий момент. Сам Милош в одном из стихотворений написал «Не зная, что к чему, звучит фальшиво»[4] — и, пожалуй, это относится к «Земле Ульро». (...) Только законченный мегаломан не ощущает себя всего лишь песчинкой, и только человека чрезвычайно инфантильного это заставит почувствовать себя несчастным. (...) Боюсь, что многие отечественные литераторы подхватят эту «моду» — как-никак Милош сидит в Америке, а, следовательно, знает, что сейчас «носят» — и мы (то есть польская литература) предадимся неомистицизму в духе Бердяева, Соловьева и прочих «мыслящих русских». Иррационализм для меня всегда попахивает варварством, вне зависимости от степени интеллигентности и эрудиции; неслучайно Оскар Милош родом с территорий, находившихся под юрисдикцией России, в эпоху, когда там процветал иррационализм (пресеченный революцией, а точнее — подмененный чем-то другим).
***Из письма Войцеха Скальмовского Славомиру Мрожеку**, 12 XI 1977*

■ Виктор Шкловский

У меня целый воз (...) книг на рецензию (...), главным образом, связанных с Россией или посвященных ей. Порой попадается кое-что интересное, чего я раньше не знал (когда-то все российское отторгалось априори); например, я впервые прочитал «Сентиментальное путешествие» Виктора Шкловского, создателя формализма; он был эсером, и все же его не шлёпнули. Эта книга — своего рода дневник 1917–1922 гг., множество интересных деталей, малоизвестных (перевод выполнен по берлинскому изданию 1923-го года, когда Шкловский был в эмиграции — потом вернулся и все же выжил — феномен, тем более, что он даже ничем особенно себя не запятнал; Надежда Мандельштам в своих воспоминаниях отзывается о нем довольно тепло). Чудовищные вещи там происходили, просто Камбоджа. Шкловский тоже уже чувствовал, что это Азия, тем более, что соприкоснулся с настоящей Азией: он был комиссаром — при Керенском — после эвакуации российской армии из северной Персии; что там делалось! — и ни одна собака знать не знает об этой резне. Поняв, что Восток отвратителен и грозен, Шкловский добавляет: а Восток теперь начинается за Смоленском... Это написано за двадцать лет до Катыни.
***Из письма Войцеха Скальмовского Славомиру Мрожеку**, 22 VIII 1980*

■ Александр Зиновьев

(...) в последнее время я снова почитывал Зиновьева, изданный год назад сборник статей (...) Он не открыватель известных вещей (как порой бывает Солженицын), а скорее человек, обладающий отвагой мыслить попросту, без вычурности, что сегодня безумно трудно (сразу подозрения в «поверхностности»).
***Из письма Войцеха Скальмовского Славомиру Мрожеку**, 12 V 1981*

Польша, а точнее Россия по отношению к Польше, снова лишает меня сна; это уже даже не вопрос «нападут или нет», а постоянное бессовестное устрашение все новыми маневрами, травлей в прессе и так далее, тут никто на это не обращает внимания; если Америка посылает морскую пехоту для охраны своего посольства в Сальвадоре, здешние прогрессивные деятели сходят с ума от возмущения; а там целая страна окружена танками и ракетами, которые то и дело пускают в ход — и это в порядке вещей, «следует признать, они терпеливы». Это как в байке Зиновьева (не знаю, слышал ли ты ее) о

[4] «Поэтический трактат». Пер. Н. Горбаневской.

добром Ленине: Ленин стоит у окна в Поронине и бреется; мимо проходят дети, приветствуют его: «Добрый день, Владимир Ильич». А Ленин им: «Проклятые сопляки, пошли вон к чертовой матери… и т.д.» — «А ведь я мог бы их зарезать».

(...) Через неделю еду на два дня в Мюнхен брать интервью у Зиновьева для бельгийского телевидения; согласился, потому что Зиновьев мне нравится и как писатель (его безбрежное презрение к Советской власти — более разумная позиция, чем священный ужас Солженицына, во всяком случае, с точки зрения литературных результатов), и как человек (я познакомился с ним несколько лет назад в Брюсселе; в нем есть что-то от славянского бродяги, но не плане интеллекта; эдакий образованный парень, которого обстоятельства заставили несколько лет прослужить в Иностранном легионе — сочетание интеллигентности и *toughness*[5]).

***Из письма Войцеха Скальмовского Славомиру Мрожеку**, 11 IX 1981*

■ Лев Толстой

Я считаю Толстого (...) писателем необычайно характерным для российской интеллектуальной атмосферы рубежа веков и своего рода предзнаменованием того, что происходило в России в двадцатом веке. (...) Замкнутое общество — словно купе в железнодорожном вагоне, где каждый «ближний» — посторонний. Единственная добродетель, которой от него ожидают и требуют, — чтобы его было как можно меньше (...) А лучше всего — чтобы не было вовсе. Но если уж он есть, то обязан проявить смирение: поняв, что представляет собой пустое место, он станет вести себя как положено, а возможно, даже уберется в другое купе. (...) Необязательно хорошо знать историю, чтобы осознать, что Россия — несмотря на огромность территории — всегда, во всяком случае, начиная с периода татаро-монгольского ига, была обществом закрытым. Жизнь человека почти всегда определялась «сословием», в котором он родился. Возможности подняться выше были невелики, а пасть еще ниже — огромны. Единственной гарантией от падения — которое могло выразиться, например, в царской немилости — являлась как раз инертность: иммобилизм, конформизм, сервилизм. Из этой ситуации есть два выхода: попытка изменить организацию общества — то есть подход ре- или эволюционный, а также попытка исправить условия существования внутри группы, не нарушая ее структуру. Этот второй выход, в сущности — попытка воздействовать на ближних-сокамерников подобно тому, как это происходит в обрисованной выше ситуации тесного купе вагона. «Будьте тихи и кротки!» — все от этого только выиграют… Я допускаю, что такова была психологическая подоплека разделения русской интеллигенции на «западников» — то есть людей, стремящихся уподобить Россию Западу в плане ее изменения к лучшему, и «славянофилов» — так называемых псевдохристианских глашатаев смирения и «кротости», символом которых является мифическая общность былых времен, «мир».

Толстой, конечно, славянофил и славянофильством разит не столько от его знаменитых домотканых порток и рубахи (причем, говорят, его «деревенские» рубахи были из шелка, и прислуга пересыпала их розовыми лепестками — графу нравился этот запах), сколько от того, что́ и о чем он писал. Главная идея была всегда одной и той же: человек есть суета сует, и попытки познать мир, управлять им и собственной судьбой — лишь примета *hubris*[6], грешной гордыни червя, позабывшего свое место. «Мудрость» для Толстого — понимание собственной ничтожности, смирение с судьбой, пассивность («Смерть Ивана Ильича»); активные же попытки достичь счастья не только грешны, но и влекут за собой заслуженное наказание («Анна Каренина»); невинные, на первый взгляд, удовольствия означают «баловство» и, следовательно, заслуживают порицания («Крейцерова соната»); все иные попытки достичь мудрости суть мудрствование и шутовство. «Война и мир» есть изложение — с примерами — этого последнего утверждения: Наполеон, Александр, генералы, воспитанные на «немецком мудрствовании» — дураки, не понимающие, что ничего собой не представляют, и ничего от них не зависит; единственный, кто это понимает, — Кутузов — простой, смиренный, почти Иван Ильич — помимо него, к концу романа, начинает прозревать эту «истину» также Пьер.

---

[5] Прочность (англ.).

[6] Высокомерие, спесь (англ.).

Мне кажется, этот роман имеет исключительно пропагандистскую сверхзадачу, о чем свидетельствует и первоначальная эволюция замысла: Эйхенбаум и другие исследователи доказали, что с каждым следующим черновым вариантом Толстой все дальше отступал от исторической правды (Кутузов на самом деле был напыщенным и ленивым болваном), чтобы более выпукло подчеркнуть принятый априори тезис о фундаментальном отсутствии ценности личности. Можно сказать, что в этом романе Толстой дал максимально яркое толкование тревожного русского термина «лишний человек». По его глубокому убеждению — может, настолько глубокому, что он сам этого не осознавал — люди на свете вообще лишние. Было бы лучше от них избавиться (...)
***«Письмо, ежи и лемминг»**, «Культура» 1982, № 10*

■ Андрей Платонов

Литература послереволюционной России напоминает пожарище не только тем, что большая ее часть представляет собой пепел, а то и нечто похуже, но и тем, что в ней время от времени попадаются редкие, чудом уцелевшие в огне ценные предметы. К их числу относится постепенно открываемое наследие Андрея Платонова (1889–1951), которого серьезная критика ставит сегодня на одну ступень с Булгаковым, Бабелем и Зощенко.

(...) Причиной, по которой Платонов оказался нежеланным ребенком советской литературы, является тот факт, что он обладал подлинным писательским талантом в оруэлловском смысле, то есть подлинными убеждениями и интеллектуальной честностью. В творчестве Платонова можно выделить три области, к которым эти убеждения имеют отношение и которые вместе — в различной степени проникая друг в друга — формируют мир его прозы. Это утопия, фантасмагоричность реальности, ощущение хрупкости отдельной судьбы. Я очень приблизительно именую эти элементы «областями», поскольку речь идет как о содержании, то есть писательском видении мира, так и о форме, то есть способе передачи этого видения посредством слова. Платонов в юности увлекся идеями Николая Федорова, философа, русского Тейяра де Шардена. Федоров был мистиком технического прогресса: он предсказывал безграничное развитие человеческих возможностей вплоть до воскрешения умерших в будущем, в конечной «точке X». Техника и знания являлись для него инструментами спасения человечества в почти религиозном смысле. Платонов, человек, как мне кажется, очень чуткий и не слишком счастливый (лейтмотив его текстов — сиротство и угроза личности, любовь же воспринимается как чудо, слишком неземное, чтобы суметь прикоснуться к нему и «воспользоваться» им), примкнул к этой утопической вере в будущее человечества так, как другие приходят в лоно Церкви: в поисках укрытия в сей юдоли слез. Сама же «юдоль» явилась ему своего рода кошмаром, который образуют как реалии, так и их продолжения и искажения, порожденные человеческой фантазией. Платонов был типичным, хоть и не осознающим этого наследником мощно обозначенной в русской литературе линии: от Гоголя через Белого и Андреева до Зиновьева — линии гротеска, деформации, отражения в кривом зеркале или даже горячке. (...) Подозреваю, что творчество Платонова поражает своей оригинальностью и масштабом, главным образом, на фоне прочей советской продукции тех лет (да и сегодняшнего дня), и что без знания этого фона его романы и рассказы останутся непонятными. Советская Россия — и в самом деле «иной мир», даже вне ГУЛага, а следовательно произведения слишком с ней сросшиеся (а именно таково творчество Платонова, который никогда в жизни не был за границей и ничего о внешнем мире не знал) всегда окажутся в какой-то степени закрыты для читателя извне, хотя бы в плане материала, выбранного для любой, самой возвышенной аллегории (...) Не вина Платонова, что большевизм превратил его страну в марсианский ландшафт, но это, к сожалению, так, и произведения действительно талантливого писателя с оригинальным видением мира производят, на первый взгляд, впечатление чего-то далекого и загадочного.
***Платонов**, «Культура» 1983, № 6*

■ **Игорь Северянин**

Несмотря на идущую [в то время] войну (а может, именно благодаря ей, по контрасту) русских читателей на время очаровал сказочный, хоть и слегка китчевый мирок стихов Северянина, с принцессами, драгоценностями, цилиндрами, экзотическими растениями (...), мороженым из сирени (!), а также изысканными экипажами и авто (фирменное блюдо поэта и главная причина его претензий к «футуризму»). Автор этой поэтической ярмарки умел мастерски сочетать популярные реквизиты опереточной high-life, внешние приметы современности и отважную словесную форму — мелодичную, полную изобретательных неологизмов, и одновременно не требующую излишних интеллектуальных усилий. (...) Северянин оказался метеором, сверкание которого на несколько лет затмило его современников, коллег по цеху, включая Маяковского. Он восхищал, забавлял, но и вызывал не лишенное ревности раздражение. (...) Славистические исследования постепенно показывают, какое влияние эти внешне второсортные стихи оказали на высокую русскую поэзию, и каким новатором Северянин был в области метрики, жанра и лексики. Более того — вкусы вновь претерпели изменения, серьезные исследователи признали Северянина предтечей поп-арта, а временна́я дистанция придала этой «хорошей плохой поэзии» такое же обаяние, каким обладают старомодные танго, старые открытки и стеклянные вазы Gallé.

***След поэта**, «Культура» 1994, № 1.*

Войцех Скальмовский

Перевод Ирины Адельгейм

КРАТКО О ДОЛГОЙ ЖИЗНИ

Войцех Скальмовский (1933–2008) — выдающийся польский востоковед и один из крупнейших литературных критиков, печатавшихся в парижской «Культуре». Мы впервые публикуем его воспоминания, записанные в 2008 г. для II программы Польского радио Эвой Стоцкой-Калиновской (цикл «Записки из современности»).

Человеческая жизнь, подобно книге, имеет завязку, развитие, действие и развязку. Завязка — это мои детские и юношеские годы. Я родился в 1933 году в Познани, в семье врачей. Единственный ребенок, я имел все шансы стать весьма избалованным, и в определенном смысле так и случилось. По польским меркам у меня было очень счастливое и удобное детство, легкое. Родители, врачи, были устроены лучше, чем родители моих сверстников.

Когда война закончилась, мы вернулись в Познань. Мне предстояло выбрать, куда поступать. Времена были сталинские, и я знал, что на любом «ходовом» факультете у меня как у сына «буржуев» меньше шансов. Это — во-первых, а кроме того, будучи довольно-таки избалованным, я не осознавал необходимости заняться чем-нибудь более практичным, и выбрал востоковедение в краковском Ягеллонском университете. Я всегда интересовался языками — как своего рода головоломками. Изучал три языка: арабский, персидский и турецкий. Пять лет студенческой жизни — разумеется, на шее у родителей. Мне казалось в порядке вещей, что отец обеспечивает учебу — теперь я так не считаю. Надо сказать, я не слишком усердствовал, так что у меня оставалось время на чтение других книг, и читал я много. Еще я быстро выучил английский, потому что тогда в букинистических магазинах было много английских книг. Репатрианты возвращались с Запада, в основном, из Англии, так что достать английские книги, даже относительно новые, было тогда в Польше очень легко.

Я закончил факультет востоковедения в Кракове в 1956 году, для Польши это был год больших перемен. Раньше поездка за границу была несбыточной мечтой, а когда я заканчивал университет, оказалось, что можно поехать учиться в Прагу, в Москву или в Восточный Берлин. Поскольку я считался способным студентом, мне предоставили право выбора, и я, разумеется, выбрал Берлин. «Разумеется», потому что Западный Берлин тогда еще был доступен — не было стены. Я получил стипендию в восточный Берлин на год, и присоединился к тамошним иранистам, поскольку выбрал для себя эту специализацию. Успевал я хорошо, и мне предложили в том же университете защитить кандидатскую диссертацию, но для этого пришлось бы задержаться. Стипендия закончилась, и я стал подрабатывать: продавцом в магазине, шофером грузовика и тому подобное. В результате через три года я получил немецкую степень. Вернувшись с ней домой, я обнаружил, что в Польше эту степень, в сущности, нигде не признают, так что на основе той же работы защитил в Кракове кандидатскую диссертацию, и только тогда смог устроиться преподавать в университете. Это были шестидесятые годы.

Я работал в Кракове и добивался стипендии в Иран. Оттуда в Польшу приезжало много студентов-медиков, а поляков, желающих поехать в Иран, было значительно меньше. В начале 1968 года стипендию я получил. Это было перед самыми «мартовскими событиями». Я оказался в Тегеране, учился в университете — разумеется, уже на персидском языке. Мы жили в общежитии для иностранных стипендиатов. Так я провел полгода. До меня доходили новости из Польши — обо всех этих антисемитских и тоталитарных номерах. Тогда я понял, что если сейчас вернусь добровольно — ведь в данный момент я был вне их досягаемости — это будет означать, что иной судьбы я и не заслуживаю. Немного детское решение: я заявил, что это оскорбляет мое достоинство — жить в такой системе, имея возможность от нее ускользнуть. И я «ускользнул», то есть вместо того, чтобы

вернуться в Варшаву, отправился в Бельгию. Непросто было уехать из Ирана так, чтобы об этом моментально не известили польское посольство, но мне удалось. Почему в Бельгию? У меня были друзья-бельгийцы, с которыми я познакомился еще в Польше. Я написал им, спросил, могу ли на какое-то время у них остановиться, и они стали с энтузиазмом звать меня к себе. Конечно, я мечтал поскорее добраться до Штатов, это была эпоха американского мифа. И потом, конечно, в Америке тогда было довольно легко устроиться. Шла вьетнамская война, но страна еще не ощущала этого финансового бремени. Нетрудно было найти работу, ну и вообще обосноваться. То есть я эмигрант не по рождению. Позже я о своем решении очень жалел, но это шаг, который не исправишь: если уж человек попросил убежища, то к прежней жизни возврата не было.

Я приехал в Бельгию, мечтая об Америке, и случилось так, что я в самом деле довольно быстро попал в США. Прожил в Бельгии пару месяцев, а потом — ни с того, ни с сего — получил письмо с приглашением на год в Гарвард — мол, не хочу ли я приехать. Разумеется, я хотел и поехал, но это было всего на год, и когда этот год закончился, я не знал, как быть дальше. Я понял, что быстро работу не найду, во всяком случае, по специальности. Кроме того, я как раз познакомился со своей будущей женой. Мы довольно быстро поженились, и нужно было искать что-то более постоянное, как-то устраиваться. Единственной точкой опоры была работа в Бельгии, в Лувенском университете (фламандском), где у меня уже было место доцента. Так получилось, что впервые приехав в Бельгию, я осел на фламандской территории, поскольку там жили мои друзья. Кроме того, я очень хорошо знал немецкий, а фламандский к нему близок, так что я быстро выучил язык и уже через несколько месяцев смог вести занятия по языкознанию по-фламандски.

Я сказал своей невесте, что решил возвращаться в Европу, и если мы хотим быть вместе, ей придется поехать со мной в Бельгию. Она согласилась, хотя у нее была прекрасная работа в Нью-Йорке — по образованию она инженер.

И вот мы оказались в Бельгии. Жена, наверное, очень переживала, у нее ведь была квартира в центре Манхэттена, работа в очень серьезной фирме, а тут — провинциальный бельгийский городок. Это страна с традициями, но переехать из Нью-Йорка в предместья Лувена — все равно что перебраться из Варшавы в Отмухов. Жена не подавала виду, но я понимаю, через что ей пришлось пройти. И потом, у меня непростой характер, так что ей, наверное, было очень тяжело, во всяком случае поначалу.

Мне было тридцать лет, и я вовсе не считал себя эмигрантом. Но Бельгия очень консервативная страна, так что, будучи поляком по происхождению, для бельгийцев я навсегда оставался поляком, пусть и говорящим по-фламандски. Лишь в 1977 году, через семь лет после Америки, я получил профессорское звание.

Жена не говорила по-фламандски, зато отлично знала французский, так что мы решили, что имеет смысл перебраться в Брюссель. И переехали туда.

У жены есть потребность заниматься общественно полезными делами; она всегда помогала пожилым людям, так что и в Брюсселе что-то для нее нашлось, хотя, конечно, это не заменяло ей настоящую семью и собственную страну. Меня спасала научная работа — я копался в своих книгах, писал. Я не мог уделять жене столько внимания, сколько ей требовалось, она была довольно одинока. Так что порой у меня появляется неприятное ощущение, что моя жизнь несколько досаждала окружающим. Поэтому я не люблю говорить о своем прошлом — я согласен с Оруэллом: «каждая человеческая жизнь, если посмотреть на нее изнутри, есть цепь мучительных поражений». Да, моя жизнь порой кажется мне цепью поражений. Я бы хотел о них забыть.

К счастью, обстоятельства сложились так, что меня, в общем, ценили коллеги и любили студенты. Пожалуй, я могу сказать, что был хорошим преподавателем, хотя по краковским меркам — безусловно нет, слишком уж многим я занимался одновременно: и иранистикой, и славистикой. К счастью, во время оккупации, ребенком я частным образом изучал немецкий и русский. Была одна женщина, которая учила меня и тому, и другому. Когда я попал сюда, и польский, и русский считались важными для славистики, особенно русский. Позже я более десяти лет писал рецензии на переводы с русского, польского и других славянских языков для крупнейшей фламандской газеты «Де Стандарт». Я довольно регулярно рассказывал там о книгах Восточной Европы, так что мое

имя читателям было немного знакомо. Этакая литературная журналистика. После Америки я понял, что хорошо, когда человек занимается несколькими областями знаний одновременно и смотрит на что-то с другой точки зрения, чем это принято в данной дисциплине. Может, это прозвучит немного наивно, но я считаю, что порой именно так можно заметить то, чего не заметили специалисты. Думаю, у меня это несколько раз получилось. Я имею в виду «Дзяды» Мицкевича. Мне нужно было познакомить с ними фламандских студентов, которые прежде о «Дзядах» не слыхали и вообще не очень понимали, о чем там речь, поэтому я решил сам как следует разобраться и очень тщательно проанализировал в особенности III часть «Дзядов». Пожалуй, мне удалось прояснить некоторые вещи, которые ранее не анализировались даже польскими специалистами. Это было довольно смело, но, мне кажется, точно. Хотя в Польше это полностью проигнорировали, я испытываю удовлетворение от того, что понимаю, в чем там дело, в отличие от некоторых профессионалов. Подобная история произошла у меня с «Сонетами» Шекспира — мне просто стало любопытно. Они всегда меня очень интересовали — нечто происходившее словно бы параллельно тому, что наблюдалось в персидской поэзии. Поэтические явления подобного рода. Я занимался этим на протяжении двух лет во время каникул. Проанализировал сонеты Шекспира с совершенно неожиданной точки зрения, они ведь очень загадочны, немного как «Дзяды» Мицкевича. Это была головоломка, и мне кажется, я ее разгадал. В востоковедении есть целая область, посвященная исследованиям суфизма — это такое эзотерическое течение. Буквально десятки тысяч стихов, большей частью в форме газели. Несколько мистический жанр, эти тексты очень сложно интерпретировать. И здесь, думаю, мне тоже удалось расшифровать то, что прежде понималось неверно. Я на эту тему написал, наверное, десяток статей. В научных сферах они имеют репутацию несколько эксцентричную — мягко говоря, — но я считаю, что был прав. Другими словами, этим я удовлетворен.

Других, очень важных вещей я не сделал, хоть и должен был.

Мы поженились довольно поздно, детей у нас нет, нет последователей, и это меня мучает — жизнь без продолжения; такая... я бы сказал — бесплодная. Мои исследования в области иранской литературы, наверное, останутся — в профессиональных кругах, но других достопамятных вещей я после себя не оставлю, так что, как я уже говорил: каждая человеческая жизнь, если посмотреть на нее изнутри, — скорее поражение, чем триумф.

Студенты — думаю — будут вспоминать обо мне тепло. Пожалуй, я был хорошим преподавателем, но это уже только воспоминания, не что-то вечное. Разумеется, я имел не одних только друзей, но и врагов, пожалуй, у меня не было — может, потому, что я предпочитаю держаться в стороне, не быть в центре внимания.

«Тыгодник повшехный» оказался для меня опытом, подобным более позднему сотрудничеству с «Культурой». Попал я туда, в общем, случайно — благодаря тому, что с этим изданием были близко связаны друзья. Друг нашей семьи, историк, профессор Вацлав Фельчак — такой национальный герой, вроде Новака-Езёранского, только менее известный в Польше, потому что он мало заботился о своей славе. Человек с необыкновенным прошлым. Войну он провел в Будапеште, координировал деятельность курьеров польского подполья, обеспечивавших связь между Будапештом и Варшавой. В особо важных случаях брался за дело сам. Вооружившись альпинистским оборудованием и элегантным городским костюмом: пока шел по горам, нес в рюкзаке чемоданчик и костюм, когда оказывался в городе — Кракове или Варшаве — нес в чемоданчике рюкзак. Один из тех, кем я восхищался. У Фельчака был друг, который работал в «Тыгоднике повшехном». Его звали Мечислав Пшон. Вот они мне в свое время и предложили написать что-нибудь для «Тыгодника». Я написал, в редакции это понравилось. Потом год-полтора я довольно систематически для них писал — под псевдонимом, поскольку не хотел смешивать это с университетской деятельностью. Псевдоним у меня был Петр Майнерт. Была цензура; так что приходилось то писать нечто ни о чем, то пользоваться аллюзиями. Это вредно для стиля, потому что такой метод разрушает мышление. С моей точки зрения, написанное не должно сильно отличаться от обычного высказывания — логичного, содержательного, лаконичного, а создание текста при помощи аллюзий — в определенном смысле противоположность такого высказывания; иными словами, я бы не назвал это хорошей школой, однако, когда меня просили

что-то написать, я садился за пишущую машинку и писал три-пять страниц, получалась что-то вроде фельетона, колонки. Подобным образом я работал и позже, сотрудничая с «Культурой», но там уже можно было писать так, как я считал необходимым.

Своей главной литературно-журналистской удачей я считаю популяризацию трактата Шопенгауэра об эристике, то есть искусстве спора нечестными средствами. Знаю, что читателям это понравилось. В «Культуре» я писал под псевдонимом Мацей Бронский. Откуда я взял это имя? — Есть одно очень известное фламандское стихотворение, которое называется «Динска Бронска» — это такая псевдославянская фамилия. Почти все фламандцы его знают. Об эмигрантке, сидящей в кафе, в Антверпене, в ожидании корабля, который увезет ее в Канаду, и пишущей последнее письмо родственникам. Эта ситуация немного напоминала мое положение, вот я и взял себе такой псевдоним.

Я писал для Гедройца регулярно, почти каждый месяц — или литературные эссе, или рецензии. Политика всегда казалась мне скучной, так что политическими темами я не занимался. Это не моя стихия, нет! Я человек слова, а не действия, отсюда мое сотрудничество с «Культурой», продолжавшееся до смерти Гедройца, то есть почти тридцать лет. Должен сказать, что Гедройц был одной из важнейших фигур в моей жизни. Я очень гордился тем, что в «Культуре» меня принимают как человека своего круга. В своих воспоминаниях Гедройц даже несколько раз упоминает, что я помогал ему в литературных делах. Такие приятные занятия «на полях» основной профессиональной деятельности.

Кроме того, это оказалось очень полезно для моих студентов, поскольку благодаря «Культуре» я приобрел широкие связи среди польских писателей. Если кого-то я не знал лично, то мог обратиться к нему через Гедройца, и если студенты хотели с этим автором побеседовать, то получали от меня рекомендательное письмо.

С Гедройцем мы не конфликтовали. Раз только была у меня к нему претензия, что он чего-то не опубликовал, когда я его попросил, но это мелочи. Я считал Гедройца фигурой настолько важной, что постыдился бы вставать в оппозицию — все равно что слон и моська. Однако Гедройц всегда был человеком довольно замкнутым. Более откровенен он бывал скорее в письмах, чем в непосредственном общении. Сестра жены жила во Франции, под Парижем, мы часто ее навещали. Иногда по дороге заезжали в Мезон-Лаффит и могли считаться хорошими знакомыми — сказать «друзья», наверное, было бы преувеличением — всего этого круга. Самым симпатичным, очень открытым человеком там был Зигмунт Херц. К сожалению, он довольно рано умер. На Пасху и на Рождество в «Культуре» устраивались встречи — ужины и завтраки, и мы часто там бывали.

Переписка с Гедройцем обычно была деловой, что-то вроде: «Может быть, Вы написали бы то-то или о том-то?..» Письма неизменно начинались так: «Дорогой…», а потом: «Только что вышла такая-то книга, может быть, Вы бы о ней написали?» Иногда я соглашался, иногда нет — Гедройц быстро перескакивал с одной темы на другую, так что если бы я выполнял все его пожелания, то не смог бы заниматься ничем другим.

Для «Культуры» я порой писал чересчур резко. Больше всего я жалею — потому что это как раз разошлось довольно широко — о своем едва ли не пасквиле на Ярослава Ивашкевича. Ну, с одной стороны, его положение любимца власти очень раздражало. Люди из Польши в Словакию не могли съездить, а он заявляет: «Люблю возвращаться на Сицилию». Это все равно, что заметить: «Я не очень люблю икру, предпочитаю красную рыбу». Но я не просто так написал этот текст. Лет в семнадцать-восемнадцать я безумно увлекся прозой Ивашкевича. Атмосфера его рассказов очаровывала, я читал их с восторгом. Вернувшись к ним позже, я счел эту прозу художественно несколько старомодной. Когда-то у Конвицкого я прочитал такую фразу: «Ивашкевич заполнил собой значительный пробел в польской литературе девятнадцатого века». Что-то в этом есть, и, возможно, я был немного разочарован тем, что он не так велик, как мне казалось в юности. Другое дело — злость на его привилегированное положение. Разумеется, это не должно влиять на восприятие литературы, но мне никогда не удавалось восхищаться такого рода коммунистическими поэтами: Неруда, говорят, прекрасный поэт, но у меня недоставало охоты и терпения искать это великолепие; нечто подобное произошло с Ивашкевичем. Потом меня за это осуждали, потому что Ивашкевич, будучи председателем

Союза польских литераторов, очень людям помогал, он словно бы простер заботливые крыла над польской литературой. Может, и правда… я очень сожалею. Представляю, как ему было неприятно читать написанный мною текст, но я был еще молод и более задирист, даже слишком задирист, то есть агрессивен, или резок. Понапрасну задевал людей, написал, например, саркастическую рецензию на книгу Мариана Панковского, он потом на меня обижался — пожалуй, справедливо. Это не было так уж жестко, но несколько иронично, а никто не любит, когда его высмеивают. Собственно, я и не высмеивал, но была в этом некоторая снисходительность, а кому это понравится? Каждый хочет, чтобы его оценили по достоинству. Не всех, правда, следует оценивать по достоинству, иначе выйдет слишком много монументов. Это в Польше было такое или-или (сейчас, может, оно уже исчезло): или смешать с грязью, или вознести на пьедестал, и, в сущности, ничего посередине. Я ни пьедесталов не люблю, ни этой грязи, так что следовало быть сдержаннее.

Собственно, я воспитан на текстах Стефана Киселевского (Киселя): моя мама всегда читала «Тыгодник повшехный», и я тоже с удовольствием читал колонку Киселевского, особенно сразу после войны, в сороковые годы.

Когда я приехал на Запад, то открыл для себя Джорджа Оруэлла. Прочитал всего его по-английски, и он безумно мне понравился как человек и как писатель. Оруэлл писал настолько ясно и честно. Ничего такого, что было бы эффекта ради, и это меня безумно привлекало. Потом меня спрашивали, были ли у меня какие-то учителя, и как следует писать. Я отвечал, что следует писать, как Оруэлл. Его стиль — без малейшей манерности, без желания произвести впечатление.

Колонки Киселя — это было такое здравое отношение к миру. Мне это всегда очень нравилось. Поэтому позже, познакомившись с ним лично, я очень ценил это общение. Киселевский несколько раз приезжал сюда, в Брюссель. Это был в самом деле интересный человек. Мне такие нравились, хотя сам я в подобных отношениях мог предложить меньше.

Подобным образом обстояло дело с Мрожеком, я его действительно всегда очень ценил. Когда потом мы стали общаться, я был для него хорошим читателем, отсюда наша многолетняя — тридцатилетняя — переписка. А познакомились мы еще в студенческие времена. Мрожек, чтобы его не забрали в армию, записывался на разные факультеты, и несколько недель проучился на востоковедческом. Лет через двадцать, когда мы оба уже были в эмиграции, я встретил его у общих знакомых в Нью-Йорке и напомнил о себе. Так возобновилось наше знакомство.

После возвращения в Европу началась наша переписка — между Брюсселем и Парижем. Мои письма были не очень интересны, а его — стилистически блестящи. Мрожек никогда не писал небрежно. У меня тоже такой старомодный подход к языку, к его задачам — он нужен не для того, чтобы производить впечатление, а чтобы связывать мысли в логичную содержательную форму. Сейчас это немодно. Часто Мрожек куда-нибудь надолго уезжал, а я не хотел засыпать его письмами, чтобы они где-то там валялись, так что возникали паузы. Кроме того, случались и другие жизненные обстоятельства, болезни, переписка прерывалась, иной раз даже на целый год, но не потому, что отношения портились. Мрожек часто присылал мне свои произведения, в том числе еще не напечатанные. Я получал в машинописи пьесы или рассказы. Конечно, я писал ему, что о них думаю — обычно мне очень нравилось. Я считал, что это ему поможет — если Мрожек будет знать, что кому-то нравится то, что он пишет. Ведь не имея возможности печататься в Польше, он не знал реакции читателей. Я отчасти заменял ему эту публику. Считал, что надо его поддержать.

Я хранил письма Мрожека не для того, чтобы потом издать. Я считал, что автор текста он, и я не могу публиковать письма без его согласия, но такой блестящий текст ведь не выбросишь в мусорную корзину, так что я хранил их, полагая, что рано или поздно они попадут в архив. В конце концов, когда мы решили издать нашу переписку, я все передал в Национальную библиотеку.

Когда мы в первый раз поехали в Польшу на машине, это было нечто совершенно новое. Помню, мы ехали через ГДР. Еще была ГДР, Германия не объединилась, но границы уже были открыты, с дорог исчезли все эти гестаповцы. Это было в самом деле необыкновенное чувство. А первая встреча с Польшей вызвала ощущение чуждости, поскольку никогда невозможно вернуться к тому, что было. С краковскими коллегами мы переписывались, обменивались статьями и мыслями. В этом смысле

перерыва не было, но я увидел другой Краков, нежели тот, из которого уехал. Многое изменилось. Быть эмигрантом — значит обречь себя на чуждость, причем раз и навсегда, до конца своих дней. Не знаю, разве что вернуться совсем, окончательно… Когда-то я об этом подумывал, получив приглашение читать лекции в Кракове, но, как кто-то сказал, «университеты — последний заповедник ПНР». Что касается администрации, того, как решаются вопросы, ничего не изменилось. Я тоже вдруг ощутил тиски прежней системы — приходилось заполнять какие-то идиотские бумажки — и решил, что мне это не подходит. Во всяком случае, Мрожек сказал: «Если надумаешь возвращаться, ты должен понимать, что Польша другая, чем была во времена нашей молодости, — может, лучше, может, хуже, но другая». Конечно, он меня не уговаривал. Более того, сказал: «В нашем возрасте следует хорошенько все взвесить прежде, чем идти на такой шаг, это уже последний подобный шаг в жизни». Он знал, о чем говорит, поскольку как раз в это время вернулся из Мексики в Польшу. Не думаю, что он жалел о своем решении, но этот опыт, безусловно, оказался немного иным, чем он себе представлял. В общем, проведя некоторое время в Кракове и поразмышляв на эту тему, я понял, что не стоит; в одну и ту же реку дважды не войдешь.

Пока сил еще было много, я охотно писал письма хорошим знакомым, потому что тогда формулируешь то, что оставалось несформулированным, но с годами, когда сил делается меньше, переписка становится своего рода роскошью. Люди теперь больше пользуются электронной почтой — это совершенно меняет человеческие отношения и даже образует иное поле рефлексии. Человек, пишущий письмо, более сосредоточен, а человек, стучащий по клавиатуре, всего лишь «решает дела».

Все становится более поверхностным, но, конечно, есть свои «плюсы» — например, можно общаться с большим количеством людей практически одновременно. Я не хочу давать оценки, как это обычно делают пожилые люди, — мол, раньше было лучше. У молодежи это вызывает смех, старики пожимают плечами — какой в этом смысл?

Мне нравилось переписываться с Гедройцем, потому что в письмах он был более открыт, чем в непосредственном разговоре. Как собеседник он был более сдержан. У него было прекрасное чувство юмора, и он часто высказывал очень забавные, ироничные замечания о книгах и о людях. Это было интересно. Говорят, Гедройц незадолго до смерти думал об издании нашей переписки, но мне кажется, она была менее интересной, чем другие, например, его переписка с Мерошевским. Юлиуша Мерошевского я знал мало; кажется, всего раз или два был у него в Лондоне. Это масштабная личность, и встреча очень мне запомнилась. Неудивительно, что Гедройц так его ценил — не только как политического философа, но и просто по-человечески.

С литературной точки зрения, наиболее интересна корреспонденция Гедройца с Анджеем Бобковским. Жаль, что Бобковский так рано умер. Это был прекрасный человек. Лично я с ним ни разу не встречался, но его тексты — это просто блеск. «Заметки пером» — великолепная книга.

Все эти польские произведения, которые издавал Гедройц, не вызывают у меня особого энтузиазма. Я испытывал смешанные чувства по отношению к — теперь я уже могу это сказать, потому что его нет в живых, — Герлингу-Грудзинскому. Я не утверждаю, что все это было напоказ, возможно, он и в самом деле этим жил, но меня это мало занимало, честно говоря, в основном вызывало скуку. Я человек некультурный — я не кокетничаю. Многие произведения, которые все считали прекрасными, я таковыми не считал. Зато ценил Киселя: то, что он писал под псевдонимом Сталинский в «Культуре», было обращено к людям с целью заинтересовать их, и это мне нравилось. Конечно, это не высокая литература, но что тогда считалось высокой литературой? Анджеевский? В основном, скучища. Анджеевский не был большим писателем. Это, впрочем, видно по его первой, самой знаменитой и фальшивой книге — «Пепел и алмаз». Милош — другое дело. Я не очень сентиментален, но у Милоша есть стихи, которые я избегал читать со студентами, — боялся прослезиться. Например, стихотворение «Элегия для Н.Н.» — поэт разговаривает с какой-то знакомой времен своей юности — уже, разумеется, выселенная из Литвы, та, видимо, живет на Западе, где-то на побережье, и он пишет, что это совсем близко: «Стоит лишь пробежать по мелким Балтийским волнам, И за Датской равниной, за буковым лесом Повернуть к океану, а там уже, в двух шагах…»[1]. Очень трогательно. Я

[1] Пер. И. Бродского.

несколько раз встречался с Милошем, но все же не относился к числу его близких знакомых, это было знакомство довольно отдаленное. Я познакомился с ним до присуждения Нобелевской премии, но всегда знал, что это великий, величайший польский поэт XX века. Херберт — тоже большой поэт, но он являет собой пугающий пример излишней ангажированности литературы, особенно поэзии. Его стихи коммунистического периода сегодня уже совершенно непонятны. Конечно, Херберт прекрасный поэт, это правда. Одно из лучших стихотворений в польской литературе — «Плач Фортинбраса». Если бы меня попросили назвать лучшие польские стихи, это были бы «Плач Фортинбраса» и «Траурная рапсодия памяти Бема» Норвида, а потом еще что-нибудь Милоша.
Это всего лишь рассуждения старого человека, который в культурном отношении, в сущности, мало — не то чтобы участвовал в жизни, участвовать-то я участвовал — но чувствовал. Есть люди гораздо более глубокие.

Гомбрович в то время являлся этаким «флагманом» польской литературы. В нем было много интересного — в том смысле интересного, что заставляло задуматься. Мрожек встретился с Гомбровичем незадолго до его смерти. Конечно, Гомбрович сразу стал демонстрировать, кто он, а кто Мрожек. Сказал, чтобы тот не брался за большую литературу, а продолжал заниматься своими сатирическими безделушкам и т.д. Разумеется, Гомбрович считал себя единственной значимой фигурой на литературной арене. Он и в самом деле очень хорошо ощущал эту глубину, а может, скорее бесконечность, это *nihil*, небытие под оболочкой бытия. Оно безусловно существует, однако человек старается от этого ощущения избавиться или, во всяком случае, не слишком приближаться к этой границе, потому что в самом конце величайшее *nihil* ждет нас всех вскоре после смерти, вернее сразу после смерти, и не каждый в состоянии с этим смириться. Человек, свято убежденный в своей значимости, неохотно об этом задумывается.

У меня была и до сих пор остается хорошая память, и все детали моей жизни где-то там хранятся. Это не всегда радует, бывает, что человек удручен и хотел бы уснуть, а тут вся жизнь протекает в мыслях, и это не всегда повод для гордости. Что касается моих достижений — полагается ведь говорить об этом, — на этот счет у меня тоже много сомнений. Поскольку я, в общем, не был особенно скован никакими рамками, и мне не приходилось приноравливаться к каким-то жестким правилам, я, к счастью, мог формулировать мысли свободно. Я никогда не был настоящим эрудитом в том смысле, чтобы знать во всех деталях какую-нибудь тему, а лишь старался «видеть лес за деревьями». Порой мне казалось, что этот мой взгляд на «лес» отличается от других и, следовательно, вносит что-то новое; впрочем, я считал, что таков долг того, кто занимается так называемой научной деятельностью. Научная деятельность — не повторение одного и того же, а именно попытка найти нечто иное, в первую очередь, обнаружить связи между различными областями, которые прежде казались совершенно оторванными друг от друга. Что в жизни мне казалось важным? Стараться в чем-то разобраться. Удалось ли мне это — не мне судить.

Из Архива Польского Радио. Записала Богумила Пшондка

Томаш Тарганский

ПЕРВЫЙ РЕПОРТАЖ ИЗ РОССИИ

Последние тридцать лет она находится в польских архивах, а предшествующие 450 считалась утраченной. Карта Дженкинсона запечатлела исторический момент, когда мир узнавал о новых континентах, а Европа не только приглядывалась к Москве, но и задалась вопросом — что такое Восток?

История обнаружения единственного сохранившегося экземпляра карты XVI века, ранее считавшейся безвозвратно утраченной, звучит как готовый сценарий приключенческого фильма, вроде похождений Индианы Джонса. Важной частью таких сюжетов часто бывают обстоятельства находки. В нашем случае человеком, который пролил свет на историю карты Дженкинсона, была Кристина Шикула, многолетний сотрудник вроцлавской Университетской библиотеки. В периодическом издании «Илюминацйе» она описала, как сокровище попало к ней в руки: «В 1987 г. одна женщина принесла ее во вроцлавскую кафедральную библиотеку в пластиковом пакете, не осознавая, какой драгоценностью обладает». Оказалось, что до этого она показывала свою находку в нескольких авторитетных библиотеках и букинистических магазинах, но никто не был заинтересован в ее приобретении. Несмотря на то, что в сложенном виде карта была в плохом состоянии, Кристина Шикула сразу же распознала в ней единственный существующий экземпляр так называемой карты Дженкинсона, «исчезнувший сразу после создания во второй половине XVI века». Хозяйка карты оказалась учительницей одного из вроцлавских лицеев, а карту принесла ей ученица, которая, в свою очередь, нашла ее в каком-то подвале или на складе. Более того, стало ясно, что этот уникальный памятник использовался в упомянутом лицее как учебный материал на уроках истории. К сожалению, неизвестно, каким образом карта попала во Вроцлав. Вроцлавский университет купил ее за 145 тысяч тогдашних злотых. По курсу ПНБ на 1987 год эта сумма равнялась приблизительно 720 долларам (по курсу на черном рынке — лишь немногим более 200 долларов).

«Несомненно мы имеем дело с самым ценным объектом в наших собраниях, и, наверное, не будет преувеличением сказать, что во всей Польше сложно найти карту подобной ценности. Это памятник мирового масштаба», — рассказывает Дариуш Пшибытек, хранитель карты и руководитель Отдела картографического собрания Вроцлавского университета. Изданная в 1562 г. карта находится в специальном влагонепроницаемом контейнере. Она вовсе не выглядит на свои 450 лет — краски ярки, надписи разборчивы. Солидные размеры (101 на 81 см) позволяют подробно разглядеть орнаментные рамки с текстом, помещенные между жанровыми и батальными сценками. Картой неоднократно интересовались британские музеи. В 2013 г. ее осматривал также генеральный консул России в Польше. Региональные власти Нижней Силезии даже планировали наладить сотрудничество с Музеем истории России в Москве, организовать конференцию, пригласить русских исследователей для изучения карты, но после аннексии Крыма двусторонние контакты были приостановлены.

■ На пути в Катай

До обретения карты во Вроцлаве она была известна только в модифицированной версии, помещенной в первом атласе новейшего времени авторства Абрахама Ортелия (1570 г.). Считалось, что оригинал был утрачен вскоре после печати. Ортелий переделывал карты для своего атласа. В итоге то, что до нас дошло, было только «бледной копией» оригинальной карты Дженкинсона (хотя и сохраняло черты, характерные для оригинала).

Карта отображает восточные края Европы от Балтики до Черного моря и уходит далеко за Москву, вплоть до Сибири на востоке и Бухары на юге. Огромное значение этого чудесным образом

найденного памятника состоит в массе детальных сведений, касающихся территории, которая в середине XVI века была настоящей *terra incognita*. Для Европы Московское княжество было загадкой, о которой ходили легенды. Тогдашние карты сообщали лишь ориентировочные сведения о том, что находилось на Востоке. «По сравнению с картами, которые создавались тогда Нидерландской школой, карта Дженкинсона очень подробна и, по меркам того времени, содержит множество ценной информации», — говорит профессор Ян Вендт из Гданьского университета, автор недавно изданных «Сокровищ картографии».

Кем был Дженкинсон, и как ему удалось создать такую подробную картину восточных рубежей континента? Его путешествие в Московское княжество выпало на исключительный период в истории Европы: благодаря великим географическим открытиям мир стал расширяться. Англичане, прежде чем двинуться в сторону Нового Света, сначала обратились к менее известным частям континента. Подданные короля Генриха VIII первыми установили дипломатические и торговые отношения с Московским княжеством. Ими руководило не столько любопытство, сколько жажда наживы. Они верили, что найдут дорогу в «государство Катай», как тогда называли Китай. Миссию исследования новых путей, ведущих в Центральную Азию, Персию и дальше на Восток, доверили Энтони Дженкинсону, опытному представителю Московской компании. Дженкинсон прибыл в Москву, получил охранную грамоту от Ивана Грозного, разрешающую путешествовать по его dominium. Правда, он не был первым англичанином, отправившимся изучать просторы московского государства, но его задача была самой сложной.

Весной 1558 г. Дженкинсон и его товарищи выехали из Москвы. Много недель спустя они достигли Бухары. Там их недружелюбно встретили народы Средней Азии, и они были вынуждены завершить свое путешествие. Дженкинсон знал, что дальше никто не сможет гарантировать ему безопасность. Он вернулся в Москву, где составил подробный отчет о том, что видел. За последующие несколько лет Дженкинсон провел еще три экспедиции на Восток. Детальные записи из его поездок были бесценным источником информации о московском государстве и его соседях, но, в первую очередь, они позволили создать карту, которая сегодня находится во вроцлавской библиотеке. Основой для чертежа послужили старые данные (ведь очертания континента были уже известны). Для внесения новой информации картографы пользовались сведениями, полученными от таких путешественников, как Дженкинсон, «переводя» их на язык картографии. Подспорьем для создателя карты становились путевые дневники, а если картограф был еще и одаренным художником, то он добавлял к карте рисунки, обладающие символической ценностью.

■ Карта 2.0

На карте Дженкинсона запечатлена целая масса предубеждений, клише и предрассудков Европы XVI века; кроме того, она дает представление о возможностях науки той эпохи. Она уникальна вовсе не тем, что впервые отображает территорию Московского княжества. В этом деле главная заслуга принадлежит перу Сигизмунда фон Герберштейна, который дважды был посланником императора Максимилиана в Москву. Его книга «Rerum Moscoviticarum commentarii» («Записки о Московии»), изданная впервые в 1549 году, стала настоящим «бестселлером», до начала XVII века переиздавалась более десяти раз, что свидетельствует о том, насколько велика была потребность в информации о государстве, в котором редко кому удавалось побывать лично. Труд Дженкинсона описывает гораздо более обширную территорию, проникая вглубь Азии, но, что еще важнее — говоря современным языком — это карта 2.0: ее потенциал основан на синтезе географических, этнографических и геополитических сведений.

Для современников карта имела, прежде всего, стратегическое значение. Англичане интересовались южными периферийными московского государства. Поэтому, описывая этот регион, Дженкинсон уделил много внимания геополитике: «Богхар [Бухара] находится во владениях Персии, но его жители — магометане-еретики»; «Князь Кашгара постоянно воюет против киргизов». В правом нижнем углу карты находится также информация о месте, куда направлялся Дженкинсон: «В тридцати днях пути от Кашгара начинаются границы империи Катай. От этих границ до Cumblac-а (Пекина — авт.) три

месяца пути». В карте содержится также множество этнографических данных, например, о «Золотой бабе» — легендарном языческом божестве, храм которого, как полагали, находился где-то на восточных рубежах царских земель: «Обдоряне поклоняются ей, принося в жертву шкуры самых ценных животных [...] кровью покрывают свои лица и члены, а внутренности едят сырыми». Дженкинсон описывает также религиозные обряды местных народов, например, киргизов, которые в дар своим богам смешивают кровь, молоко и отходы с землей, а их служители «взбираются на деревья и, произнося проповедь, благословляют этой микстурой своих верных». Что касается покойников, то их «вешают здесь на деревьях, вместо того, чтобы хоронить в землю».

Уникальность труда, носящего имя Дженкинсона, состоит в создании им живого образа Востока. Карта не ограничивается географическими данными, но описывает политическую ситуацию в регионе, сообщает об обычаях народов, населяющих эти земли. Она своеобразно соединяет в себе дипломатический меморандум, иллюстрированный репортаж и атлас.

■ Ментальная география

Каждое государство нуждается в картографических источниках. Финикийцы и карфагеняне пользовались многочисленными, к сожалению, не сохранившимися до наших дней мореплавательными картами. Древние римляне также создавали прекрасные и подробные по меркам своего времени карты. Восточная часть нашего континента, даже в новейшие времена, не имела собственных картографических источников. До начала XVII века русские — и они здесь не исключение — не делали карт своей страны (Иван Грозный приказывал начертить планы отдельных территорий и владений, но ни один из них не дошел до нас). Первая карта Московского княжества как единого целого, которую можно назвать «государственной», появилась по приказу Федора, сына Бориса Годунова, в начале XVII века (оригинал не сохранился). Таким образом, все, что нам известно о ранней топографии московского царства, вышло из-под пера иностранных путешественников, чаще всего англичан, таких, как Дженкинсон. Валери Кивельсон (Valerie Kivelson) в книге «Cartographies of Tsardom» пишет, что жители московского государства располагали необходимыми инструментами и знаниями в области географии, но не описывали свои земли в картографических категориях. «И с этой точки зрения они не являются исключением, — уверяет профессор Кивельсон. — Для нас мышление в категориях карт — это нечто естественное, но так было не всегда. Карты были большой редкостью, а если и встречались, то их символика носила, в основном, религиозный характер. Это доказывает, что даже сообщества, хорошо осознающие свое географическое пространство, могут долго и легко обходиться без карт», — заключает Кивельсон.

Итак, каким же образом люди в те времена описывали свое положение в пространстве? Пока европейская картография делала свои первые шаги, главной формой конструирования мира в сознании индивида были т.н. «ментальные карты». Они касались как ближайшей территории, так и отдаленных земель, но в основе их лежало убеждение в том, что у каждого из нас «в голове» есть (неточное и субъективное) представление о собственном месте в мире и месте других в нем. Они помогали обозначить «свое» и «чужое». С наступлением новейшего времени все большее значение получала практика картографирования пространства. XVI-XVII века — это время, когда ментальная карта, складывавшаяся в голове, все чаще переносится на техническую карту. Представления людей о пространстве становились все более точными.

Карту Дженкинсона также нельзя воспринимать отдельно от эпохи, в которую она была создана. В XVI веке великие географические открытия «расширили» мир, добавив новые континенты, а также заставили Европу переосмыслить свое место в нем. Прежние представления теряли актуальность, и люди были вынуждены заново определить для себя, например, что такое Восток. Путешествие Дженкинсона оказывается более значимым, если смотреть на него как на попытку найти ответ на этот вопрос. Благодаря ему появились новые сведения о Московском княжестве и его соседях; горизонт сознания значительно расширился. Но что еще важнее — карта по-новому описала целый географический регион к востоку от Днепра. При этом она дает нам уникальный шанс получить представление о том, как Запад видел не только «Московию», но и Восток в целом.

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Лауреатом Международной литературной премии имени Збигнева Херберта стал в нынешнем году Ларс Густафссон (р. 1936), шведский романист, поэт, эссеист и ученый, считающийся в своей стране самым плодовитым писателем со времен Стриндберга. «Это самый светлый ум в темных лесах Швеции», — процитировал высказывание о нем председатель жюри Михель Крюгер. В решении жюри отмечается, что поэзия Густафссона — «это поразительное единство прозрачности, простоты и тайны. А многие его стихи относятся к числу лучших написанных в Европе». Густафссона считают enfant terrible шведской культурной жизни: он знаменит памфлетами на «оруэлловский» социал-демократический государственно-налоговый аппарат. Польским читателям известен, прежде всего, поэтическим сборником «Удивительные маленькие предметы» (изд. «Знак», 2012), восхитившим Виславу Шимборскую. Торжественная церемония награждения состоится в мае в варшавском Польском театре. В предыдущие годы лауреатами были американец У.С. Мервин, югослав Чарльз Симик, пишущий по-английски, и Рышард Крыницкий.

» Румынская поэтесса Ана Бландиана 19 марта получила литературную премию города Гданьска «Европейский поэт свободы» за сборник «Моя родина А4» в переводе Иоанны Корнась-Варвас. «Ана Бландиана — это легенда борьбы за политические и гражданские свободы в Румынии, но не это предрешило ее триумф в Гданьске. Огромное впечатление на жюри произвело стремление к свободе, все сильнее присутствующие в этой поэзии, и углубленное понимание того, что значит свобода в современном мире», — гласит постановление капитула.

Премия была учреждена городом Гданьском в 2008 году и присуждается раз в два года поэту из европейской страны, который наиболее оригинально пишет о «свободе, понимаемой в личных, политических, религиозных категориях, как право на интеллектуальную, эмоциональную и чувственную экспрессию». Лауреату вручили статуэтку «Европейский поэт свободы» и денежную награду — 100 тыс. злотых (для переводчика премия составляет 10 тыс. злотых).

» Тревожные результаты исследования чтения: 63% поляков заявили, что в 2015 году не прочитали ни одной книги, а 18% участников исследования, проведенного Национальной библиотекой, сказали, что никогда не читают книг. 14% поляков находятся вне письменной культуры: не читают книг, газет и новостей в интернете. Это худший результат за последние десять лет. Национальная библиотека проводит исследования чтения с 1992 года раз в два года, с 2014 года — ежегодно.

» В минувшем году в связи с юбилеем — 250-летием национальной сцены — по всем театрам прокатилась волна польской классики, преимущественно романтической. Однако и после юбилея празднование продолжается. Март отмечен очередными «Дзядами», на этот раз, вслед за Вроцлавом и Познанью, в Варшаве. Драматический колосс Мицкевича представил на подмостках театра «Народовый» Эймунтас Някрошюс, один из крупнейших литовских режиссеров. «Именно потому, что режиссер не поляк, можно было докопаться до того, на что в «Дзядах» редко обращают внимание», — сказал в интервью агентству ПАП Мартин Пшибыльский, исполнитель ролей Гусляра и Дьявола. Играющий Густава-Конрада Гжегож Малецкий подчеркивает, что спектакль литовского режиссера никак не соотносится со злободневной политической проблематикой и не акцентирует национально-освободительную, патриотическую сюжетную линию. Как пишет Ян Бонча-Шабловский в газете «Жечпосполита», Эймунтас Някрошюс многократно подчеркивал, что его не интересуют аллюзии на современную действи-

тельность. Он создает универсальный театр, который задает вопросы о смысле жизни, смерти, времени, Боге. Это вопросы, которые уже тысячи лет стоят перед философией, религией, театром, искусством». Однако же, отмечает Витольд Мрозек, критик «Газеты выборчей», польский зритель привык к иному прочтению драмы Мицкевича: «Публика хочет видеть в «Дзядах» комментарий к современной действительности. Знаменитые слова «наш народ как лава» некоторые зрители встретили аплодисментами. Что именно аплодировавшие считают национальным пробуждением и «путем к основам»? Это зависит от того, по чью сторону они в «польско-польской войне». А вот если литовский режиссер над чем-то в «Дзядах» насмехается, так это над польской страстью к жесту, позерству, высокопарным словам».

» В марте в столице начал работать новый театр «Сцена», который расположился в Доме литературы на улице Краковское предместье. Это общекультурный проект: помимо людей театра, к созданию спектаклей будут привлекаться объединения литераторов: ПЕН-клуб, Союз польских писателей, Союз польских литераторов. Директором театра стал актер Анджей Ференц. «Сцена» открылась премьерой двух спектаклей в его постановке: «Падение» по мотивам философского романа Альбера Камю и «Ахматова. Анафема» с Тересой Будзиш-Кшижановской. Материалом для второго спектакля стали стихи Ахматовой, а также ее дневники, которые, как говорит Ференц, описывают «жестокость власти по отношению к отдельному человеку», «коммунистическую пропаганду» и «нападки на поэтессу и ее собратьев по перу».

» Ежи Треля, выдающийся актер театра и кино, стал лауреатом присуждавшейся в третий раз премии имени Зигмунта Хюбнера — ему присвоен титул «Человек театра 2016». Торжественное вручение премии состоялось 21 марта в варшавском театре «Повшехный», многолетним директором которого был патрон премии.

Цель премии — поддержать творцов, продолжающих дело Зигмунта Хюбнера (1930–1989), выдающегося режиссера, актера и публициста, и по заслугам оценить их профессионализм, сценическое мастерство и гражданскую активность. Ежи Треля (р. 1942) — артист театра и кино, профессор Краковской высшей школы театрального искусства. На его счету около 350 ролей. Лауреатами премии в предыдущие годы были Анна Аугустинович и Ян Энглерт.

» 13 марта Анджей Вайда получил титул «Почетный гражданин города Гданьска» в ходе торжественной сессии городского совета во Дворе Артуса. В сессии не приняли участия депутаты от партии «Право и справедливость». С речью в честь почетного гражданина выступил актер Роберт Венцкевич, сыгравший заглавную роль в фильме Вайды о Лехе Валенсе. «Город сегодня свидетельствует о вашем огромном авторитете, видит в вас человека огромного ума, смелости и силы, поборника истины и свободы. Гданьск Вайды и гданьский Вайда — это, прежде всего, фильмы, три выдающихся кинокартины, которые, аналогично знаменитым романам Гюнтера Грасса, мы позволим себе назвать «Гданьской трилогией» Вайды: «Человек из мрамора», «Человек из железа» и «Валенса. Человек из надежды». Это необычайная художественная летопись важнейших событий на пути послевоенной Польши к свободе, в которых Гданьску досталась главная роль», — написали члены городского совета в обращенном к режиссеру приветственном слове. Титул почетного гражданина Гданьска присуждается уже в 28-й раз. Всего было присуждено 25 индивидуальных титулов (в частности, Рышарду Куклинскому, Маргарет Тэтчер, Рональду Рейгану) и три коллективных (защитникам Вестерплатте, защитникам Польского почтамта в Гданьске и деятелям Свободных профессиональных союзов Побережья, подписавшим Августовские соглашения).

» 14 марта, в день рождения Леона Шиллера (1887–1954), одного из крупнейших деятелей довоенного польского театра, Союз артистов польской сцены объявил, что лауреатами премии им. Леона Шиллера 2015 года за театральные достижения стали актриса Малгожата Гороль и сценограф, художница по костюмам Анна Мария Качмарская. Премия присуждается молодым театральным деятелям за профессиональные достижения.

» В Краковском театре им. Юлиуша Словацкого режиссер Юзеф Опальский поставил спектакль «Не совсем веселая история» по малоизвестному в Польше раннему рассказу Антона Чехова «Скучная история» о человеке, который, несмотря на признание и славу, не видит в жизни смысла, охвачен параличом души. По мнению Опальского, этот рассказ — ключевой во всем наследии Чехова. Томас Манн считал рассказ одним из величайших в истории человечества.

» 7 марта названы лауреаты Польской кинематографической премии «Орлы». Триумфатором стала картина «Body / Тело», получившая «Орла-2016» как лучший польский фильм. Автор фильма Малгожата Шумовская признана лучшим режиссером. Получая «Орла», Шумовская сказала: «Я посвящаю эту премию свободе — творческой, художественной, любой». «Польских Оскаров» за лучшую роль первого плана получили игравшие в этом же фильме Януш Гайос и Майя Осташевская. Я. Гайосу также присужден «Орел» за совокупность творческих достижений. Премии за роли второго плана достались Войцеху Пшоняку и Анне Дымной (фильм «Эксцентрики, или На солнечной стороне улицы»). «Орел-2016» в номинации «лучший сценарий» (а также премия зрителей) присужден Кинге Дембской за фильм «Мои дочки коровы». Дембская получила также, вместе с Марией Конвицкой, премию в категории документального кино за фильм «Актриса» — рассказ об Эльжбете Чижевской, яркой звезде польского кино 1960-х годов.

» На экраны кинотеатров в марте вышел фильм Ежи Залевского «История Роя, или В земле лучше слышно», киноповесть о «проклятых солдатах» — «несломленных», как еще называли польское послевоенное национально-освободительное, антикоммунистическое подполье. «История Роя» создавалась долго, среди больших баталий, с разного рода проблемами, в том числе и финансовыми. Сценарий строится на фактах из жизни Мечислава Дземешкевича (псевдоним Рой), бойца подпольного Национального военного союза, созданного в 1945 году частично на основе Национальных вооруженных сил. «Члены этого союза, — пишет Тадеуш Соболевский в «Газете выборчей», — нападали на отделения милиции, комитеты компартии, убивали функционеров новой власти, освобождали узников госбезопасности. Они боролись за великую, национально-католическую Польшу. Теперь их пример предлагается молодежи как политически ангажированный миф».

По мнению Соболевского, это не историческое кино, а именно пропагандистский миф: «Герои фильма — это представители будущей Польши. Они говорят друг с другом лозунгами партии «Право и справедливость»: «Польша там, где мы»». Другие рецензенты также подчеркивают недостатки фильма, в котором среди тотального хаоса «свистят пули, брызжет кровь, льется водка», а просветительские достоинства слабо просматриваются.

««История Роя», — пишет Кшиштоф Пояский в «Телемагазине», — фильм бездарный, и то, что он затрагивает важную тему и те фрагменты нашей истории, которые долгие годы замалчивались, никоим образом этого не оправдывает». Аналогично, по сути дела, хотя и помягче, оценивает фильм Ежи Залевского правая «Фронда»: «Как одни сразу же отвергают этот фильм, потому что он не соответствует их политическому мировоззрению, так другие сразу же расточают похвалы только и исключительно за поднятую тему. Оба подхода некорректны как по отношению к зрителю, так и по отношению к создателям. Произведение киноискусства требует добросовестной оценки, а для «Истории Роя» такая оценка — «посредственно», поскольку в картине много изъянов, она хаотичная, не цельная. Чрезвычайно трудная история постановки позволяет понять, откуда взялись эти недостатки, но их не устраняет». Словом, неудачный урок истории.

» Кшиштоф Занусси отказался быть сопредседателем Польско-российского форума гражданского диалога. На вопрос «Газеты выборчей», почему так произошло, режиссер ответил: «Я обратился к министру [иностранных дел] Ващиковскому с вопросом, будет ли МИД и далее поддерживать нашу деятельность, и получил публичный ответ, что будет. Через месяц, после визита его заместителя в Россию, я узнал, что состав участников будет изменен. Поэтому я счел свою миссию сопредседателя форума исчерпанной».

» 12 марта в варшавской Национальной филармонии состоялось открытие одного из главных музыкальных фестивалей в Польше — Пасхального фестиваля Людвига ван Бетховена, организованного Эльжбетой Пендерецкой. Публика неблагосклонно отнеслась к входившему в зал вице-премьеру и министру культуры Петру Глинскому. «Его встретили шумным, солидарным, долгим гулом недовольства», — написал на портале «Studio Opinii» публицист Ежи Клехта. Зато овацией был встречен завершавший концерт гимн Европейского союза.

» Распределение средств на культуру вызывает бурные эмоции. «Нынешнее руководство министерства, — пишет Петр Косевский в «Тыгоднике повшехном», — обещало больший плюрализм в культуре, и вот по итогам конкурса на поддержку журналов дотации достанутся почти исключительно тем изданиям, редакторы которых идейно близки власти». С ходатайством о поддержке обратились 139 журналов, дотироваться будут только 25. Никаких денег не получат в этом году, например, «Критика политична», «Liberte!», «Пшеглёнд политичный», «New Eastern Europe». Бенефициарами оказались правые издания, в том числе «Кронос» и «Аркана». Возможные апелляции министр Петр Глинский рассмотрит лично.

Обделенными министерством культуры оказались современное искусство и программа «Национальные собрания современного искусства». Отлучены от финансирования, в частности, Варшавские музеи современного искусства, добившиеся недавно большого успеха в организации выставки Анджея Врублевского в престижном Национальном музее «Центр искусств королевы Софии» в Мадриде (выставку посетило 100 тыс. зрителей). «Обещали, — пишет Петр Косевский, — оказывать бóльшую поддержку художникам, а главной программе закупки современного искусства грозит ликвидация. По итогам конкурса треть всех ассигнований на развитие инфраструктуры искусства (библиотеки, филармонии, театры, музеи) решено выделить трем организациям: Музею «проклятых солдат» в Варшаве, Музею памяти Сибири в Белостоке и Храму Провидения Господня».

Прощания

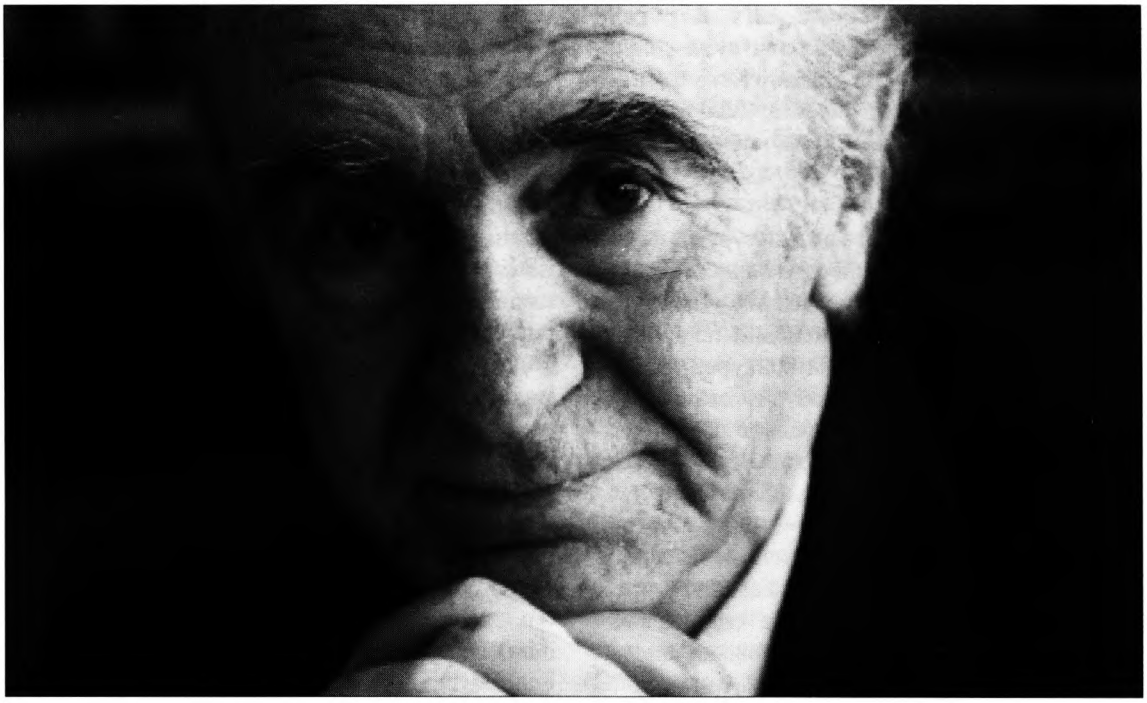
» 7 марта в Варшаве умер Александр Минковский, писатель и киносценарист. Во время Второй мировой войны он оказался с родителями в ссылке в советской Республике Коми. После войны изучал русскую филологию в Варшавском университете. Написал несколько десятков книг, многие из них — для детей и молодежи. По мотивам его книг и сценариев были созданы такие, например, сериалы, как «Толстый», «Директора», «Система кровообращения», «Товарищи» и самый известный «Безумие Майки Сковрон». Александру Минковскому было 83 года.

» 17 марта в Варшаве в возрасте 80 лет умер известный актер театра и кино Мариан Коциняк. Наибольшую популярность принесла ему роль рядового Францишека Доласа в комедии Тадеуша Хмелевского «Как я развязал Вторую мировую войну» (в советском прокате фильм также назывался «Приключения канонира Доласа»). «Ни до того, ни после в отечественной комедии не было такого всплеска актерского обаяния и куража, такого чувства юмора», — писал в 1993 году журнал «Фильм». Критики единодушны в том, что этот образ — роль всей его жизни. Однако кроме этой роли он сыграл незадачливого бургграфа в сериале «Яносик» Ежи Пассендорфера, Робера Ленде в «Дантоне» Анджея Вайды, Партийного в фильме Генрика Клюбы «Худой и другие», и Протазия в «Пане Тадеуше» Вайды. Актер был также звездой «Кабаре пожилых джентльменов» и радиожурнала «60 минут в час».

Но прежде всего Мариан Коциняк был театральным актером. В родном своем театре «Атенеум» он играл, в частности, заглавную роль в «Чаепитии у Сталина», Стенли в «Смерти коммивояжера», Семена Подсекальникова в «Самоубийце» (реж. Анджей Рожин), Лаки в спектакле «В ожидании Годо» Часто выступал в Театре телевидения, в частности, в спектакле «Шутки с чертом» по пьесе Яна Дрды. За роль Черноусого в телеспектакле по книге В. Ерофеева «Москва-Петушки» получил премию на Фестивале польского творчества. За внешность симпатичного простака артиста называли польским Бельмондо.

Адам Кшеминский

НАШ ЧЕЛОВЕК ВО ФРАНКФУРТЕ



На 95-м году жизни во Франкфурте-на-Майне скончался Карл Дедециус, выдающийся переводчик с польского языка, популяризатор польской культуры в Германии, поборник польско-немецкого примирения.

А родился он в Лодзи. В 1939 г. его польский язык был богаче, нежели родной немецкий. Для однокашников из лодзинской школы Дедециус был поляком немецкого происхождения. Однако для нацистов, которые присоединили Лицманштадт, как они назвали Лодзь, к Третьему рейху, он был фольксдойче, и в 1941 г. его призвали в вермахт.

В Сталинграде Дедециус был тяжело ранен и попал в советский плен. Чтобы подбодрить себя и укрепить собственный дух, он начал переводить поэзию Лермонтова, а потом — так же, как Раницкий[1] в гетто, — стал лагерным переводчиком. Вскоре русским он владел лучше, чем немецким.

Освободившись из лагеря в 1950 г., он на первых порах поселился в ГДР. Работал в провинциальном театре переводчиком с русского языка, а, чтобы вспомнить польский, перевел довоенный роман Леона Кручковского «Кордиан и хам». Не желая вступать в чисто коммунистическую Социалистическую единую партию Германии, Дедециус в 1952 г. вместе с семьей бежал в Западную Германию. Поначалу он трудился корректором в провинциальной газете, но, когда услышал, что после такой войны никто еще очень долго не будет интересоваться ни русской, ни польской литературой, стал служащим крупной страховой фирмы.

[1] Марсель Райх-Раницкий (1920–2013) — знаменитый немецкий литературный критик, публицист, а также телеведущий польско-еврейского происхождения — Здесь и далее примеч. перев.

Польская поэзия стала для него бегством от чиновничьего существования. После смерти Сталина вместе с оттепелью до Дедециуса начали доходить всё более интересные пээнэровские литературные издания. А когда в октябре 1956 г. коммунистическая Польша смогла довольно эффективно противостоять нажиму Хрущева, западногерманские средства массовой информации начали все сильнее интересоваться польским соседом. Поскольку Федеративная республика не признавала границы по Одре и Нысе, оба государства не поддерживали дипломатических отношений. Для тех немцев, кто проявлял интерес к Польше, единственными доступными визитными карточками этой страны были фильмы Вайды, музыка Пендерецкого и литература, но для ознакомления с последней требовались переводчики вкупе с гидами-провожатыми. И тут вдруг оказалось, что отличным ключом к польской поэтической впечатлительности располагает выпускник лодзинской школы и вместе с тем бывший немецкий военнопленный из-под Сталинграда. Его переводы польской поэзии охотно брали самые лучшие издания, а польское поэтическое творчество показало себя западным немцам как уже абсолютно свободное от соцреалистического доктринерства, как полное горькой самоиронии и гротескного экзистенциализма.

Подготовленная Дедециусом антология «Урок молчания» (1959) стала в Германии, несмотря на то, что тираж был невелик, подлинным литературным событием. Следующая антология Карла Дедециуса «Светящиеся могилы» — опубликованная в 20-ю годовщину нападения гитлеровской Германии на Польшу «скромная подборка» (по его собственным словам) стихов таких поэтов его поколения, как Кшиштоф Камиль Бачинский, Тадеуш Гайцы, Анджей Тшебинский, — не только вызвала взволнованный отклик в ФРГ, но и всколыхнула Польшу.

Дедециус перебросил мост между двумя странами, стал связующим звеном, начал диалог поверх границ, поверх железного занавеса. Он явился провозвестником тех перемен во взаимном подходе немцев и поляков, которые приведут к письму польских епископов немецким с хорошо известными словами «прощаем и просим прощения» и к канцлеру ФРГ Вилли Брандту, преклонившему колени перед памятником жертвам и героям восстания 1943 г. в варшавском гетто. Видный историк литературы и литературный критик времен ПНР Казимеж Выка посвятил Дедециусу огромное эссе. Этот страховой служащий из Франкфурта-на-Майне стал послом польской поэзии, отцом многих всемирных успехов польских авторов. Переведенные им «Непричесанные мысли» Станислава Ежи Леца сделались не только бестселлером, но и презентацией польской «философии на каждый день», нашей школы самоиронии и гротеска. Он переводил почти всех — Тадеуша Ружевича, Збигнева Херберта, Юлиана Пшибося. В Чеславе Милоше его привлекали сходство судеб, утраченные родные земли, происхождение одновременно из нескольких культур и национальных характеров, а также проблема множественной идентичности. Дедециус переводит на немецкий Милоша и Шимборскую, но особой популярностью они тогда не пользуются. Когда в ПНР возникает самиздат, он помогает польским подпольным издательствам добиться собственного стенда на крупнейшей в мире франкфуртской книжной ярмарке.

На исходе 1970-х Дедециус благодаря поддержке графини Дёнхофф[2], канцлера Гельмута Шмидта и будущего президента ФРГ, а тогда депутата Бундестага и члена теневого кабинета Рихарда фон Вайцзеккера создает в Дармштадте Польский институт, который должен был пропагандировать и распространять польскую литературу и стал главной жемчужиной в короне нормализации польско-немецких отношений, в том числе и благодаря охватывающей сто позиций Польской библиотеке. Однако паранойя холодной войны действовала. Тогдашний посол ПНР Вацлав Пионтковский предостерегал в своих адресованных центру отчетах, что за указанным начинанием могут скрываться деньги американской разведки. Потом он в частном порядке признался Дедециусу, что это была крупнейшая ошибка в его жизни.

После 1989 г. достижения Карла Дедециуса в деле польско-немецкого примирения были отмечены самыми высокими наградами, — включая вручение ему в 2003 г. польского ордена Белого Орла, а также открытие в городском музее Лодзи постоянной экспозиции, посвященной этому выпускнику лодзинской школы.

POLITYKA

[2] Марион Дёнхофф (1909–2002) — видная немецкая публицистка, первая дама политической журналистики ФРГ, автор нескольких десятков книг, а до этого — военная беженка из родового поместья близ Кёнигсберга. К ее 100-летнему юбилею в Германии выпустили памятную монету достоинством 10 евро.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Я учился в школе имени Анджея Фрыча Моджевского, выдающегося ренессансного гуманиста и политического мыслителя европейского масштаба, автора труда «Об исправлении государства», в котором он написал: «Такими быть государствам, какой будет их молодежь воспитана». И действительно, светское образование в Первой Речи Посполитой сложилось, увы, уже на ее закате, завершившемся разделами. Вторая Речь Посполитая, храня память о разгроме восстаний XIX века, воспитала молодых людей, готовых отдать жизнь за родину в ситуациях, предельно неблагоприятных для освободительных движений, — неслучайно моя матушка, участница Варшавского восстания и одновременно непримиримый его критик, настойчиво меня учила не поддаваться эмоциям, которые пробуждают написанные Винценты Полем слова, вошедшие в популярную песню: «Наши ринулись в атаку с голыми руками». Дополнением к этим словам стала фраза из песни варшавских повстанцев, принадлежащая Юзефу Щепанскому: «Хоть против «Тигров» у нас «Висы»». Нужно, наверное, пояснить, что «Тигр» — это новейший тогда немецкий танк, а «Вис» — польский армейский пистолет, так что остается лишь поразиться отчаянной смелости парней из отряда «Парасоль»… Эта смелость, стоившая, впрочем, жизни двумстам тысячам жителей Варшавы, не взялась ниоткуда: так воспитывалась молодежь в предвоенные годы. Молодые знали, что, даже потерпев поражение в бою за правое дело, они все равно выиграют и войдут в Историю.

Я не случайно пишу об этом. В свое время я уже приводил в «Выписках» большие фрагменты интервью, которое Ярослав Качинский дал выходящему раз в два месяца в Кракове журналу «Аркана». Председатель партии «Право и справедливость» обращает внимание на тот факт, что в Европе наблюдается отход от героизма, — а ведь только люди, способные на героизм, могут защититься от угроз, которые несет современный мир. И вот в субботнем выпуске газеты «Жечпосполита» (№ 48/2016) я читаю статью Беаты Зубович под заглавием «Оружия не сложили». Обращаясь к книгам Шимона Новака «Сражения «проклятых»» и Иоанны Величко-Шарковой «Героические акции «проклятых солдат»», Б. Зубович пишет: «В январе 1945 года была распущена Армия Крайова. По всей Польше расквартирована Красная армия. Зависимые от Москвы коммунистические власти раскручивают маховик террора. Бывшие солдаты АК, даже те, которые заявили о себе, попадают в тюрьмы, подвергаются пыткам, вывозятся в лагеря. Одним из самых печально известных мест стал лагерь НКВД в Рембертове под Варшавой (сегодня район столицы). Чуть больше десяти километров от центра. В этот лагерь советская власть отправила тогда, по неполным данным, около 2 тыс. человек, преимущественно связанных с АК, Национальными вооруженными силами и Крестьянскими батальонами. В марте сюда попал генерал Август Фильдорф (псевдоним Нил) — его задержали в Милянувеке с фальшивыми документами, советские власти не установили тогда его личность и отправили в лагерь в Сибирь. Иоанна Величко-Шаркова пишет, что в ночь с 20 на 21 мая партизаны под командованием 22-летнего подпоручика Эдварда Василевского (псевдоним Вихрь) напали на лагерь и освободили несколько сот заключенных. Операция длилась не более 20 минут. Советская охрана бросилась в погоню. Схватили 260 человек, 20 или 30 расстреляли на месте. На следующий день утром началось издевательство над пойманными беглецами. Энкавэдэшникам приводили партии по 20 человек. С них срывали одежду, сваливали с ног прикладами, избивали до потери сознания. Подвергшимся пыткам три дня не делали перевязок, их не кормили. Многие умерли. (…) И. Величко-Шаркова и Ш. Новак описывают 14 таких эпизодов, произошедших только в 1945 году. (…) Но их было значительно больше. Поэтому неудивительно, что в такой ситуации коммунисты объявили 22 июля 1945 года первую амнистию — как пишет Петр Семка в книге «Мы реакция», чрезвычайно унизительную для участников подполья. (…) Первая амнистия коммунистам окупилась. Если верить

официальным данным, заявили о себе около 30-40 тыс. бойцов. А уже в ноябре госбезопасность начала очередную, еще более жестокую облаву на тех, кто был связан с АК, арестовывали как заявивших властям о себе, так и тех, кто остался в подполье. (...) К середине 1946 года в тюрьмах госбезопасности находились уже 100 тыс. человек. В лесу продолжали борьбу не более семи тысяч. (...) Пропаганда ПНР называла их «уродливыми карликами реакции», «бандитами на поводке империалистов». Фотографии варшавских первомайских демонстраций запечатлели очень выразительные куклы американских президентов. Через некоторое время они исчезают, но «бандиты» все время присутствуют в пропаганде ПНР. Сегодня этот — казалось бы, забытый — пропагандистский прием возвращается. Ибо как иначе объяснить, что по зарождающемуся мифу «проклятых солдат» другая сторона открыла пальбу из всех стволов. Не случайно ведь непревзойденная в таких делах «Газета выборча» почтила приходящийся на 1 марта Национальный день «проклятых солдат» репортажем «Треклятые «проклятые»» и интервью с писательницей детективов Катажиной Бондой, родом из Хайнувки. Беседа опубликована под аншлагом «Бабушку убили поляки». (...) Словно неоднозначные поступки того или иного человека могут перечеркнуть судьбы, дискредитировать всех «проклятых солдат» и оправдать красный террор. Так что не приходится удивляться, что правый лагерь отвечает (к сожалению, часто без должной рефлексии) апологией антиоккупационного подполья. Вообще-то всем бы нам следовало вспомнить слова старого мудрого доктора Клюковского, который в середине 1945 года писал: «(...) самоотверженные, постоянно готовые к любой опасности, выслеживаемые и преследуемые, они уже много лет не знают своего угла, ведут скитальческую жизнь, часто грязные, завшивленные. У них единственная цель, и они стремятся к ней с фанатичной верой в победу. Мне многое в них не нравится, раздражает, но, несмотря на это, я сейчас лучше всего себя чувствую среди этих одержимых диверсантов, людей из леса»».

Таких диверсантов в лесах коммунистического, послевоенного пространства было немало не только в Польше, но и на Украине или в Литве. Шла драматическая гражданская война в Греции, уцелевших участников которой — на этот раз коммунистических партизан — приютили в странах советского блока. И, как всегда в таких случаях (а ведь нет большего кошмара, чем гражданская война!), среди затравленных, не находящих возможности вернуться к нормальной жизни людей немало было тех, кто терял способность различать добро и зло. Описание подобных ситуаций нетрудно найти. Например, много их на страницах начавшего недавно выходить в Кракове ежеквартального издания «Проклятые». Его главный редактор Кайетан Райский пишет (в № 1/2016): «Журнал этот — непосредственный результат более двухсот встреч и лекций, которые я имел честь провести в рамках презентации двух томов книги «Волчата. Беседы с детьми «проклятых солдат»». Тысячи людей, которых я узнал, утвердили меня во мнении, что лавина памяти о «проклятых» тронулась, — и никто и ничто не в состоянии ее сдержать. В ходе этих встреч я также познакомился со многими историками, энтузиастами, краеведами, увлеченными этой тематикой и стремящимися любой ценой донести до общественности память о послевоенном подполье». В журнале публикуются многочисленные репортажи и документальные материалы, касающиеся не только героических действий партизан, ведущих заведомо обреченную на поражение борьбу, но и тех решений, которые они принимали, — решений, подчас вызывающих немалые сомнения. В свою очередь, вызывает сомнения отсутствие на страницах издания даже намека на рефлексию, какого-либо комментария, который позволил бы читателю, угодившему в ту самую «лавину памяти», задуматься над смыслом борьбы того времени и драматических или даже трагических решений, которые вынуждены были принимать ее участники. Ограниченность сухой фактографией порождает — во всяком случае, у меня — моральное отторжение, как, к примеру, в отношении такого вот фрагмента: «В ночь с 29 на 30 апреля объединенная группа «Смертоносных» остановилась в связанном с подпольем туристском приюте на горе Блатня, по дороге на Баранью гору. В тот же день была получена информация, что там находятся две неизвестные женщины, выдающие себя за туристок из Кракова, но по поведению кажущиеся связанными с агентурой госбезопасности. Андрус [псевдоним командира «Смертоносных» Здислава Крауса] сразу же приказал схватить подозрительных женщин. Допрос подтвердил опасения партизан. Женщины были посланы госбезопасностью с целью обнаружения базы партизан. По вопросу при-

говора Андрус проконсультировался с заместителями Бартека [псевдоним командира группировки отрядов Национального военного союза Генрика Флямме] — Яном Пшевозником (Рысь) и Юзефом Мадеем (Гриф), которые единогласно вынесли смертный приговор. Отпустить задержанных женщин означало бы слишком большой риск для группировки. (…) Казнь провели партизаны Бернард Калужа (Смелый) и Альфонс Лондзин (Ель), которые похоронили расстрелянных женщин и замаскировали место захоронения». Что ж, каждый, кто данный текст прочтет, худо-бедно сообразит, что у этих затравленных молодых людей не было времени на углубленную моральную рефлексию, они должны были принимать быстрые и действенные решения. Но значит ли это, что сегодня мы тоже можем чувствовать себя свободными от обязанности задуматься?

Очень многое указывает на то, что «лавина памяти» служит не только познавательной активности, но и имеет целью представить «проклятых солдат» эталонными фигурами польского патриотизма, пробудить в соотечественниках мужество и упрочить героизм. Так и происходит — многочисленные молодежные группы предаются культу этих партизан, многие примыкают к динамично размножающимся военизированным структурам, которые, в свою очередь, принимает под организационное крыло армия, всегда и везде в мире стремящаяся максимально расширить свое влияние. Урок послевоенного партизанского движения должен стать самым наглядным уроком гражданской преданности родине. На такого рода связи указывает Мацей Стасинский в «Газете выборчей» (№ 54/2016) в статье «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир ПиС»: «Последнее время власть занялась боевым антикоммунистическим подпольем, действовавшим по окончании Второй мировой войны, после распада Польского подпольного государства и роспуска Армии Крайовой. Идею, высказанную бывшим президентом Лехом Качинским в 2010 году, поддержал его преемник Бронислав Коморовский. (...) Должно было выйти сообща и в духе национального единства. 1 марта по всей Польше прошло масштабное празднование. Президента Коморовского не позвали. Почетный покровитель праздника теперь — Лех Качинский, а Анджей Дуда при нем хранитель печати. Да и сам День проклятых солдат для властей ПиС — это не день памяти и исторической правды. Это даже не национальный праздник — это культ, партийный и идеологический ритуал, инициация национально-католическим мученичеством и инструмент сегрегации поляков на патриотов и предателей (…). О «проклятых солдатах» президент Анджей Дуда 1 марта сказал, что они «являются образцом стойкости для молодежи, верности идеалам. И будут фундаментом сильной, суверенной, независимой Польши»».

Президент Дуда уже в ходе инаугурации своего правления заявил, что он человек непреклонный. Такая декларация, конечно, обязывает. Но я не уверен, к тому ли именно обязывает, чтобы в качестве образца для молодежи выставить людей отчаявшихся и дезориентированных, лишенных возможности сделать рациональный выбор, верных — и это правда! — принесенной присяге, предписывающей им, как указано в клятве Национальных вооруженных сил, бороться за Великую Польшу, но лишенных средств, позволяющих эту борьбу эффективно вести. Едва ли благоразумно воспитывать молодежь так, чтобы она шла в бой — за что бы то ни было — с голыми руками.

Аркадиуш Хабера

«ПРИРОДА И БЕЗУМИЕ» — ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1956 году Зигмунт Кубяк написал свое знаменитое эссе «Природа и безумие». Текст появился в рождественском номере католического журнала «Тыгодник повшехный», который после трех лет небытия, вызванного отказом напечатать некролог Иосифа Сталина, вновь возвращался к жизни. В 1953-1956 годах место подлинного «Тыгодника» занимал журнал, выходивший с идентичной виньеткой, однако редактируемый руководством, лояльным к режиму. Так что декабрь 1956 года стал для журнала новым началом. Управление редакцией вновь оказалось в руках Ежи Туровича, выполнявшего эту функцию до своей смерти в 1999 году.

Возвращение «Тыгодника» стало возможным благодаря временной либерализации коммунистической системы в Польше. После смерти Болеслава Берута, на волне десталинизации, а также после июньских выступлений рабочих в Познани, тогдашним коммунистическим властям стало ясно, что необходимы перемены. Об их форме спорили две партийные фракции, «пулавяне» и «натолинцы»[1]. Первые из них высказывались за либерализацию системы, вторые стремились удалить из аппарата власти лиц, связанных с Берутом, сохранив, в то же время, марксистскую ортодоксальность. В виде компромисса решили, что во главе партии станет Владислав Гомулка. По всеобщему мнению, Гомулка, отбывавший в 1951-1954 годах срок за так называемый «право-националистический уклон», был жертвой сталинских репрессий. В связи с этим он пользовался общественной поддержкой. Выбор был сделан 21 октября, с одобрения Никиты Хрущева, который, обеспокоенный ситуацией в Польше, за два дня до этого появился на заседании пленума ЦК Польской объединенной рабочей партии.

С приходом к власти Гомулки из структур Войска Польского были удалены советские офицеры во главе с маршалом Константином Рокоссовским. Партия отказалась от применения террора, что не означало, будто государство полностью отошло от использования насилия по отношению к своим гражданам, примером чего стало подавление общественных выступлений в последующие годы. Состоялись процессы над некоторыми из высокопоставленных функционеров аппарата безопасности. Реабилитировали солдат Армии Крайовой, освобождали политических заключенных. Не были осуществлены планы по коллективизации сельского хозяйства. Произошла нормализация отношений государства с Церковью, как затем оказалось, временная. Из тюрьмы выпустили кардинала Стефана Вышинского. Смягчили цензуру.

Несмотря на то, что от большинства либеральных шагов власть впоследствии отказалась, период «оттепели» стал благоприятным для польской культуры. «Тыгодник повшехный» от этого выиграл. Выражением того дуновения свободы был смелый текст Зигмунта Кубяка, в котором он размышлял об источниках тоталитаризма. Он ставил вопрос, «как случилось, что на высокой волне благородного у своих истоков бунта, борьбы за изменение мира, возникла бесчеловечная система?».

Эссе Кубяка, так глубоко отмеченное временем и местом написания, несмотря на то, что с его появления прошло уже почти шестьдесят лет, в интеллектуальном смысле по-прежнему остается необыкновенно вдохновляющим и актуальным текстом. В анализе тоталитаризма оно приближается к мыслям, содержащимся в прозе Достоевского и философских трудах Бердяева. Кубяк считает, что носитель тоталитаризма — сам человек. Особенно этакий мечтатель, который в поисках «настоящей жизни» смотрит на окружающий мир как на жалкое отражение мира идеального, такого, каким тот должен быть, а в сущности, такого, каким тот должен быть в воображении мечтателя. Эссеист предостерегает от позиции известного героя «Бесов» Шигалева, создателя утопии, основанной на стремлении к свободе, а заканчивающейся окончательным порабощением. Он защищает природу человека от соблазнов абстрактного мышления, претендующего на право моделировать ее по своей воле.

Зигмунт Кубяк (1929–2004) — писатель, эссеист, переводчик, знаток античной истории и культуры. Автор «Мифологии древних греков и римлян», «Литературы древних греков и римлян», «Истории древних греков и римлян». Переводчик «Энеиды», «Исповеди» св. Августина, поэзии Константиноса Кавафиса и английской романтической поэзии.

[1] Названия фракций происходят от Пулавской улицы в Варшаве, где проживали принадлежавшие к первой группе функционеры, и варшавского дворцово-паркового комплекса Натолин – обычного места собраний второй группы – Примеч. перев..

Зигмунт Кубяк

ПРИРОДА И БЕЗУМИЕ

I

Для тех, кто мыслит слишком пылко, самая трудная тайна мира — это то, что можно было бы назвать по-латыни: misterium vanitatis. Не тайна зла, но тайна тщетности. Не зло, к которому способна человеческая природа, но ее сила бездействия[1].

«Скука, адская скука», — вздыхает интеллектуал Павел Бездека в «Каракатице» Виткация[2]. — «Здесь нет истинной жизни», — такой приговор вынес нашей планете Рембо. — «Пусть ваши грехи облекутся в пурпур! — говорит Ницше. — Не грехи ваши взывают о мести, но ваше ничтожество даже в грехах!».

Misterium vanitatis, подобно камню, падает на сердца интеллектуалов. Их пугает круговорот жизни и круговорот истории. Не преступления человеческой истории, а ее заурядность. Не войны, а их бессмысленность. Этот удивительнейший муравейник, каким выглядит история для слишком горячих глаз. История, которой, как представляется, правит сила посредственности, давление малых, «мелкобуржуазных» интересов.

Изменить бы это, изменить бы наконец!... Так мечтали интеллектуалы, особенно в том великом девятнадцатом веке, наследие которого оживляет нас и убивает.

II

Как случилось, что на высокой волне благородного у своих истоков бунта, борьбы за изменение мира, возникла бесчеловечная система?

Тоталитаризм не был создан народом. Но его создали и не те варвары и выскочки, которых можно было встретить среди его исполнителей, даже на высших уровнях иерархии. Они лишь использовали силу, высвобожденную не ими. Ведь тоталитаризм опирается на гигантский интеллектуальный проект. Бунтом народа, требовавшего хлеба, интеллектуалы воспользовались в качестве основания для осуществления своего бунта, который с тем имеет мало общего; он значительно более изощрен интеллектуально.

Тоталитаризм выводится из бунта против человеческой природы, этой «мелкобуржуазной» природы, как ее прозвали интеллектуалы.

Мы знаем это из поэзии. Рембо разбивал в щепки человеческое представление о мире и составлял из этих щепок новые композиции. Он был деспотом в области воображения. Однако, если бы он мог встать со своим молотом не перед воображением, а перед действительностью, то наверняка жалость связала бы ему руки.

Гамлет, трагический интеллектуал, немилосердно бунтующий не только против зла, но и против всей человеческой доли, против ничтожества человеческой природы, убил en passant[3] Полония и вверг в безумие Офелию. Но Шекспир не был Гамлетом. Написав все свои горькие драмы, он вернулся в Стратфорд, в это жалкое захолустье, чтобы подготовить приданое дочерям. Он пылал к человеческой природе гневом столь же горячим, как гамлетовский, но его сердце оставалось навсегда связанным с этой природой, такой, какая она есть. Каким же блеском позолотил он ее в своих комедиях!

---

[1] Это эссе было опубликовано в первом (рождественском) номере возобновленного в 1956 г. журнала «Тыгодник повшехный» — Примеч. ред.

[2] «Каракатица, или Гирканическое мировоззрение» — пьеса польского писателя, художника и философа Станислава Игнация Виткевича (псевдоним — Виткаций, 1885–1939) — Примеч. пер.

[3] Мимоходом (франц.) — Примеч. пер.

Бунт — это пламя жизни. Но он может стать и пламенем смерти, если к гневу примешивается презрение.

Тоталитарный подход родился тогда, когда интеллектуалы возжелали изменить человеческую природу, рассматривая ее лишь как предмет, лишь как объект воздействия, объект эксперимента. Что из того, что они были героями, не щадили самих себя, сгорели ради своего дела! Что из того, что вначале они искренне мечтали о свободе и невероятном счастье человека! — Они хотели повелевать природой, в их сердцах поселилось презрение. Они хотели осчастливить «человеческий материал».

III

Интеллектуальная изощренность тоталитарной системы, даже тогда, когда она реализуется уже вульгарными циниками, бросается в глаза и явно свидетельствует о ее генеалогии. Она функционирует не в соответствии с требованиями практической жизни, а по своей автономной логике, которая столь последовательна, какой может быть только логика безумного сознания, отрезанного от внешних стимулов; беспорядок и расточительство, господствующие в тоталитарном государстве, вызываются постоянным столкновением этой логики с действительностью. В пропаганде тоталитаризм, в общем, использует не обыкновенную ложь, а целую систему собственного языка, в котором все важнейшие понятия человеческой речи фундаментально переоценены. И даже такие частные проявления, как некоторые методы следствия и полицейского давления, поражают интеллектуальной тонкостью. Эта тонкость (весьма умно пользующаяся жестокостью) необходима тоталитаризму, ему необходим совершенный аппарат принуждения, так как тоталитарное государство основано на предпосылке, что человеческая природа не такая, какой является, что она именно такова, какой должна быть согласно тезисам доктрины; вследствие этого, большинство природных рефлексов человека мешают функционированию тоталитарной системы, а потому должны рассматриваться как преступление и искореняться. По той же самой причине тоталитарное государство не может позволить себе прислушаться к голосу общественного мнения.

Тоталитарная система — это гигантская попытка построения искусственного мира, замены естественных прав законами, вытекающими из интеллектуальной конструкции. Ее действие, испытанное нами на себе, состоит в постоянной борьбе с человеческой природой, которая не может к ней приспособиться, и с экономической реальностью, которая тоже не хочет ее слушаться.

Допустим, однако, что экономическая реальность оказалась бы, наконец, послушной, что в области экономики тоталитаризм начал бы функционировать успешно; допустим, что послушной стала бы, наконец, и человеческая природа, благодаря чему тоталитарное государство могло бы освободиться от необходимости применения террора. Что тогда?

Трудно представить себе более ужасное будущее для человечества.

IV

Мы познали идеал «нового человека», к которому на практике ведет тоталитаризм. Человека с полностью порабощенной душой. Топчущего все соблазны своего сердца и разума в добровольном смирении перед властью, лишенной человеческих чувств. Послушно кладущего свое тело под фундамент великих строек, которые стали самоцелью.

Почему этот идеал не имеет ничего общего с романтическим прошлым тоталитарной идеологии?

Я имею в виду интеллектуальное, а не социальное прошлое. Тоталитаризм не происходит из социального бунта. Его социальная аргументация является величайшей мистификацией нашей эпохи; он очень легко вырабатывает свой собственный слой эксплуататоров. А происходит он из очень пылкой традиции, из мечты интеллектуалов о коренном изменении человеческой истории, о «новом человеке», превосходящем то очень несовершенное существо, которое уже сколько-то там тысячелетий бродит по земле.

Так почему же тоталитаризм не только трагичен, но и мерзок? Почему такой вариант идеала новой человеческой природы, который со временем стал для него предпосылкой и целью деятельности, не только невозможно осуществить, но и сам по себе он представляет очень странную карикатуру на

то сверхчеловеческое великолепие, о котором когда-то мечталось? Ведь тоталитаризм начался не с преступления.

Но он начался с безумия.

Человек, несмотря ни на что, не может иметь иной природы, кроме той, которую имеет. Если он презрел ее, если перечеркивает ее права, чтобы провести на «человеческом материале» эксперимент в соответствии с тезисами доктрины, словно хирург, стоящий над человечеством — из его сердца уходит всякое человеческое содержание, в том числе и то, что вдохновило его приступить к этой деятельности. Тогда единственным новым содержанием может стать лишь то, которым вдохновит его само выполнение этого эксперимента, сама работа над операцией. Операцией, выполняемой на «человеческом материале».

V

Человечество напугано тоталитаризмом, словно горбом, который вырос у него на спине, пока оно стремилось к справедливости и счастью. Однако великая мистификация нашей эпохи, — что тоталитарная система была создана по воле народа или, по меньшей мере, на благо народа, — полностью разоблачена. Если наша страна освобождается от тоталитаризма, это происходит благодаря тому, что народ гораздо последовательнее, чем интеллектуалы, встал на сторону человеческой природы против безумия, как на сторону ее «низких» желаний, таких как желание хлеба, так и на сторону высших устремлений, таких как стремление к свободе. На той же стороне стоит Монтень, слова которого подобны бургундскому вину.

Умеет ли человечество пользоваться своим опытом? Не будет ли солнце в двадцать первом веке, когда технические средства осуществления власти станут намного мощнее нынешних, всходить над землей, населенной рабами?

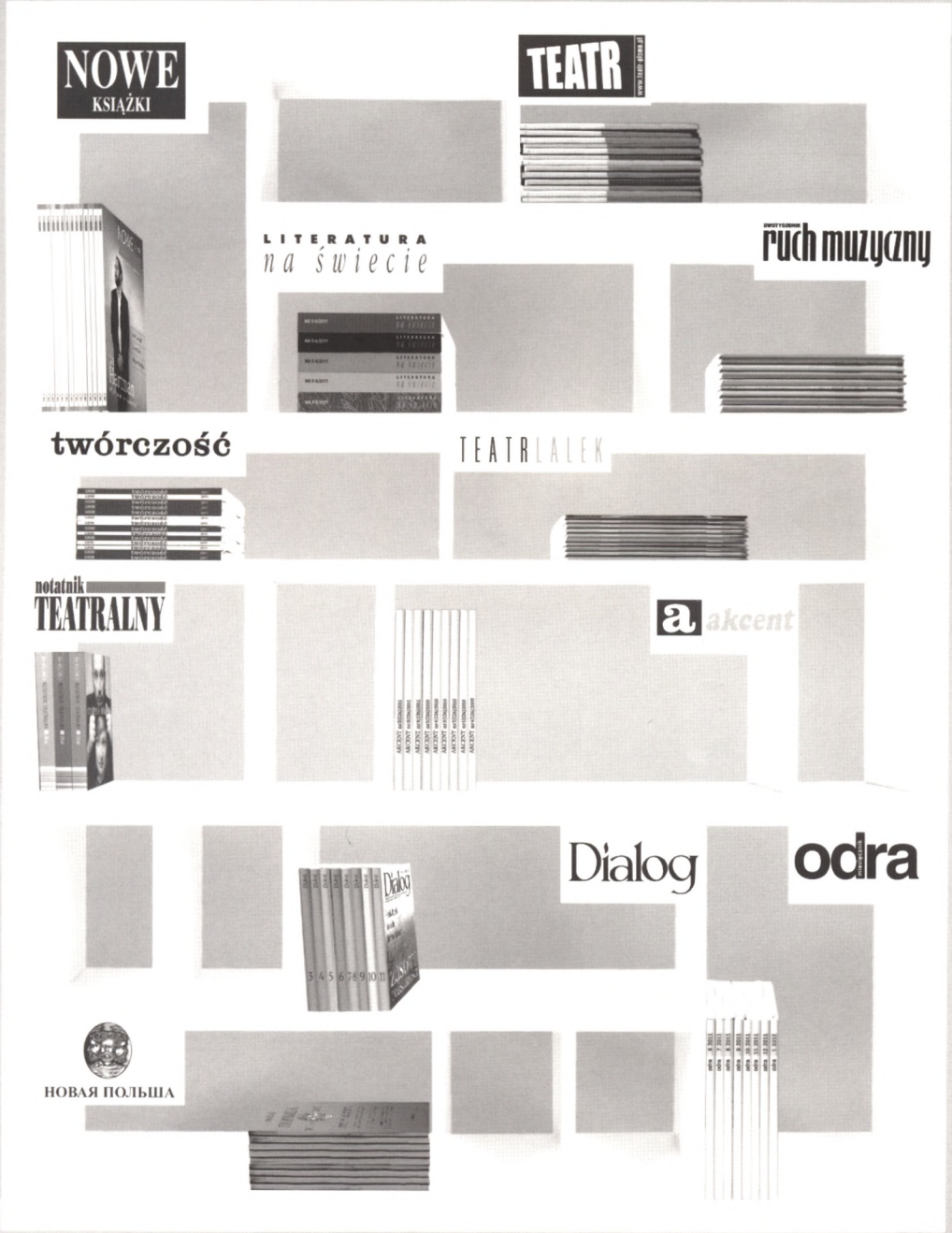
Что мы должны передать потомкам? Смирение перед человеческой природой, такой, какая она есть, перед ее правами и желаниями, большими и малыми, прометеевыми и буднично-смешными. Из нее произрастает зло и ширится тщета, но лишь она может быть основой для добра, и лишь она дает человеку силу для бунта против ее собственной ничтожности. От нее у нас благодать земной любви и благодать страха перед таинствами. В ней покоится для нас мера всех ценностей и оценок, даже тех, которые ее осуждают. Если перечеркнуть ее, нам останется одна лишь пустыня безумия.

1956

INSTYTUT KSIĄŻKI

©POLAND

С верхней полки



Instytut Książki Dział Wydawnictw
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa, tel. +48226082374, tel./fax +48226082488
e-mail: czasopisma@instytutksiazki.pl
www.instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT
ISSN 1508-5589